

В изданной в 1896 году малоизвестной книге Митрофана Семеновича Аксенова «Трансцендентально-кинетическая теория времени» в п е р в ы е подробно изложена концепция пространственно-временного представления мира. Обстоятельно исследуются законы и принципы четвертого измерения, причем применительно к реальному миру, к которому принадлежим и мы сами, всё существующее вообще. Прошлое и будущее — не небытие, но тоже сущее: вселенная простирается не только в пространстве, но и во времени. Среди законов, выведенных Аксеновым из своей теории, например, изменение плотности и геометрии тел, движущихся относительно наблюдателя, при этом установленные соотношения отличаются от известной формулы Лоренца, представленной в 1904 году. Важнейшая основа концепции — воспринимающее в нас начало, движущееся по линии времени, ортогональной пространству. В пространстве-времени такие исходные понятия, как движение, изменение, причина и следствие, возникновение и уничтожение, рождение и смерть, даже само трехмерное пространство, по Аксенову, приобретают фантомальный характер, либо раскрываются в совершенно ином ракурсе: свободная воля, к примеру, постигается как трансцендентальное предвидение.

Та же концепция, но спроецированная в плоскость современной науки и потому существенно упрощенная, в 1908 году была предложена Германом Минковским в качестве пространственно-временной модели физической вселенной и впоследствии использовалась Альбертом Эйнштейном для построения общей теории относительности. Ныне эта модель известна как пространство-время Минковского.

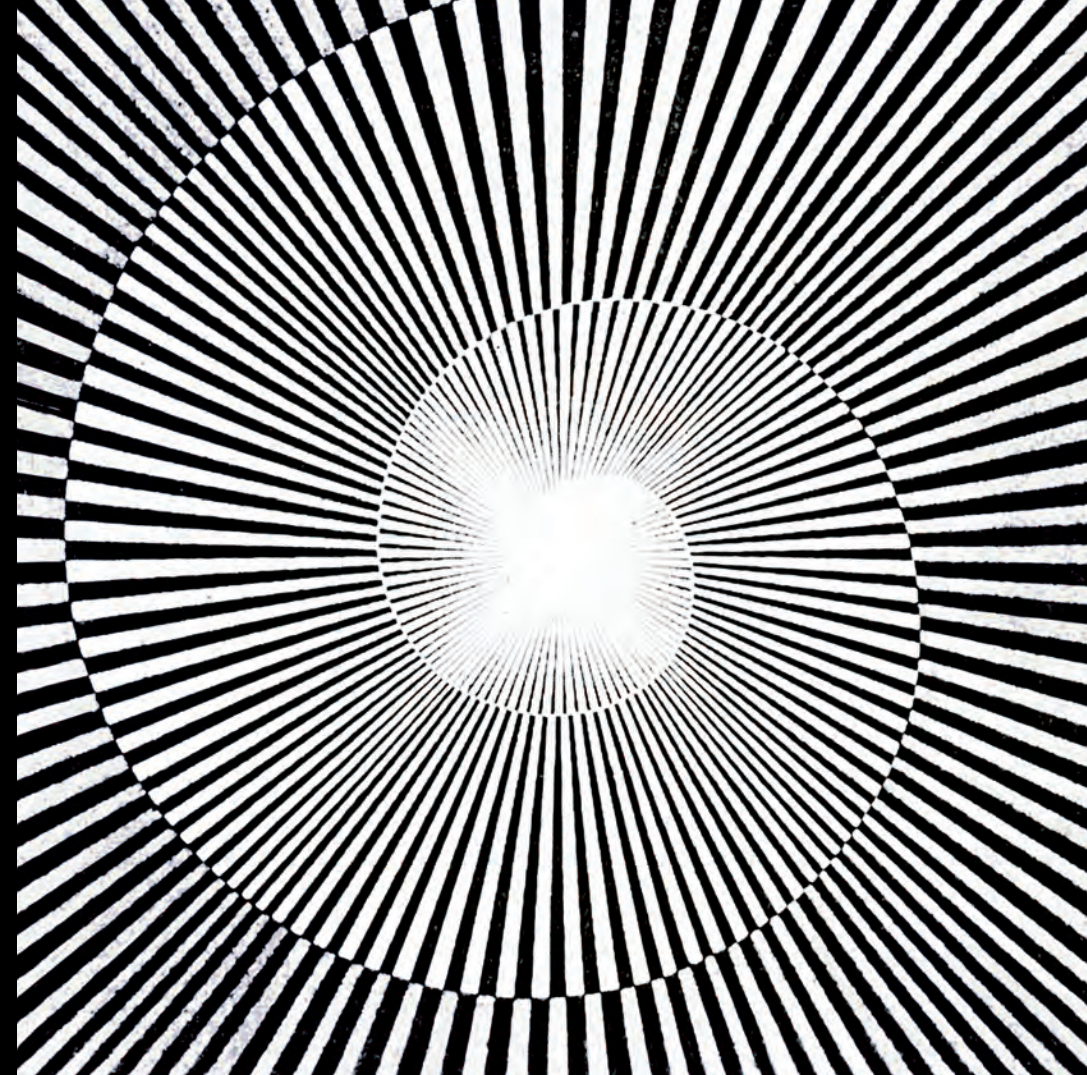
ISBN 978-5-9551-0477-5

9 785955 104775 >

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

М. С. АКСЕНОВЪ

М. С. АКСЕНОВЪ

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ**

М. АКСЕНОВЪ

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

Издание подготовлено
Сергеем Жигалкиным

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
2011

УДК 16
ББК 87.3(2)6
А 42

Аксенов М. С.

А 42 Трансцендентально-кинетическая теория времени / сост., вступит. ст., коммент. С. А. Жигалкина. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 208 с.

ISBN 978-5-9551-0477-5

В изданной в 1896 году малоизвестной книге Митрофана Семеновича Аксенова «Трансцендентально-кинетическая теория времени» *впервые* подробно изложена концепция пространственно-временного представления мира. обстоятельно исследуются законы и принципы четвертого измерения, причем применительно к реальному миру, к которому принадлежим и мы сами, всё существующее вообще. Прошлое и будущее — не небытие, но тоже сущее: вселенная простирается не только в пространстве, но и во времени. Среди законов, выведенных Аксеновым из своей теории, например, изменение плотности и геометрии тел, движущихся относительно наблюдателя, при этом установленные соотношения отличаются от известной формулы Лоренца, представленной в 1904 году. Важнейшая основа концепции — воспринимающее в нас начало, движущееся по линии времени, ортогональной пространству. В пространстве-времени такие исходные понятия, как движение, изменение, причина и следствие, возникновение и уничтожение, рождение и смерть, даже само трехмерное пространство, по Аксенову, приобретают фантомальный характер, либо раскрываются в совершенно ином ракурсе: свободная воля, к примеру, постигается как трансцендентальное предвидение.

Та же концепция, но спроецированная в плоскость современной науки и потому существенно упрощенная, в 1908 году была предложена Германом Минковским в качестве пространственно-временной модели физической вселенной и впоследствии использовалась Альбертом Эйнштейном для построения общей теории относительности. Ныне эта модель известна как пространство-время Минковского.

Несомненно, что исследования М. С. Аксенова, наиболее важные из которых приводятся в настоящем издании, уникальные не только для своего времени, но во многих существенных аспектах также и для нашего, будут интересны математикам, физикам и философам, художникам и поэтам, широкому кругу читателей, но, главным образом, тем, для кого пребывание в этом мире — вопрос.

ББК 87.3

Для оформления переплета использован плакат группы «Движение» к выставке кинетического искусства 1966 г. (по эскизу Л. Нуссберга «Спираль», 1962 г.)

© Издательство «Языки славянских культур», 2011
ISBN 978-5-9551-0477-5 © Жигалкин С. А., сост., вступит. ст., коммент., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Жигалкин. Пространство-время Аксенова 5

М. С. А К С Е Н О В Ъ

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ 49

ОПЫТЪ МЕТАГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (Фрагмент)

Глава I. О зависимости представления о мірѣ
от скорости воспріятія. 89

НѢТЬ ВРЕМЕНИ. Популярное изложєніе основныхъ началъ
метагеометрической философіи (Фрагменты) 101

НѢТЬ СМЕРТИ. Новое ученіе о времени 127

ПРИЛОЖЕНИЯ

Пространство-время Минковского и Аксенова
в журнале «Нива» 1911—1912 гг. 181

Пространство-время до Аксенова
(*Жозеф Луи Лагранж, «S.», Герберт Уэллс*). 189

Список трудов М. С. Аксенова 196

Обложка и первые страницы книги
«Трансцендентально-кинетическая теорія времени»
издания 1896 года 197

About this book 205

ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ АКСЕНОВА

Мир, мы уверены, существует. Однако вчерашнего дня больше нет: нет ни вчерашних людей, ни домов, ни зарниц — вообще ничего, нет также нас, какими мы были вчера, какими мы были даже секунду назад: мир существует *только сейчас*. Мгновения приходят и тут же уходят — являются из небытия и вновь отправляются в небытие. Движение мира во времени вполне очевидно. Но почему это нам очевидно? Потому ли, что мир и на самом деле таков, или же потому, что мы ограниченные существа? Не будь у нас памяти, делающей зримым минувшее, или, допустим, наш ум не имел бы способности сравнивать эпизоды прошлого и наблюдать их метаморфозы, мы бы ничего не знали о течении времени — просто в наивной невинности жили бы в «вечном сейчас». То есть представление о переменах, смене мгновений, эпох обусловлено нашей природой, конституцией нашего существа: имей мы другие возможности — другое сознание, восприятие, плотность телесной субстанции, другое строение, диапазоны и ритмы органов чувств, — мир был бы иным.

Опираясь в своих изысканиях на собственную природу, мы проецируем эту природу на мир. Космос представляется нам пространственно-временным.

Однако в том именно и состоит особенность нашего существа, что оно ставит под сомнение и свою земную природу, не считая ее окончательной мерой вещей. Сознание собственной ограниченности, по всей видимости, недоступное птицам и рыбам, медведям, слонам, означает причастность к тому, что находится вне нам доступного мира, вне мира вообще — изначальную связь нас самих с трансцендентным.

Интуитивно мы знаем наверняка, что преходящий мир не исчерпывает всего бытия, и за пределами сфер, раскрытых нам нашей природой, существует иной горизонт, недоступный ни чувству, ни даже уму. Следуя этой интуиции, мы все же стараемся как-то постичь запредельное — найти к нему путь в размышлении, в уединении и тишине, в далеких странствиях, явственных снах, музыке или поэзии, созерцании звезд в неподвижной воде. Трансцендентное неуловимо для нашего земного существа, и даже если кто-то, столкнувшийся с ним, оставит нам знак, это будет всегда только знак, ускользающий от любой интерпретации ориентир, который можно понять лишь обращением к собственной интуиции трансцендентного.

Самый простой вопрос: если весь мир преходящ, на краткий миг является из небытия и вновь растворяется в небытии, какой смысл во всём? Где Рим, Вечный город? Где древние боги и тайны забытых эпох, где судьбы поэтов, героев, обычных людей? И, наконец, наша жизнь, этот мир — тоже дым, который рассеется без следа?

По нашим обыденным представлениям, прошлого *нет*. Согласно интуиции трансцендентного оно всё же *есть*: гераклитовское становление не противоречит, а соединяется с парменидовским бытием — преходящее каким-то образом погружено во вневременное, присутствует и раскрывается в нём.

«Вот в чем мое утешение: всё, что было — вечно: море снова вынесет всё обратно» (Фридрих Ницше, «Воля к власти», 1065). Как это можно понять? Никак без интуиции трансцендентного.

Поиск символического, умозрительного, какого угодно обоснования интуитивной очевидности существования прошлого и будущего, мироздания в целом, в последние столетия привёл по крайней мере к двум известным концепциям: учению Ницше о вечном возвращении всех вещей и идее четвертого, временного измерения мира. Судьба этих концепций достаточно драматична. Учение Ницше, вообще недоступное логической интерпретации, рациональному уму и требующее иного мышления, преобразования собственного существа, так и осталось непонятым. Концепция же четвертого измерения, как раз из-за возможности, даже необходимости ее выражения в рациональном про-

странстве, утратила свой онтологический смысл, превратившись всего лишь в одну из научных гипотез.

Хотя упоминания о времени как о четвертой координате встречались и в восемнадцатом веке¹ (несомненно, и ранее), мы обратимся сразу к концу девятнадцатого, когда эта идея уже буквально витала в воздухе и готова была проявиться. Прежде всего весьма интересна анонимная заметка, подписанная «S.», под названием «Четырехмерное пространство», в 1885 году опубликованная в журнале «Nature», где в качестве четвертого измерения предлагается время. Не менее интересен изданный в 1895 году рассказ Герберта Уэллса «Машина времени», в котором он кратко, однако довольно отчетливо выразил эту идею². Затем, в опубликованной в 1896 году книге М. Аксенова «Трансцендентально-кинетическая теория времени» пространственно-временная модель вселенной была изложена и исследована подробно и обстоятельно.

Митрофан Семенович Аксенов, о жизни которого ничего не известно, кроме оставленных им переводов, статей и пяти не получивших признания книг, был человеком весьма незаурядного ума, знал несколько языков и имел основательные познания в области философии, психологии, математики, физики, прочих наук. Хотя метагеометрические трактаты Аксенова формально и напоминают научные, по сути это не так — его задача была другой: не построение новой научной теории, а поиск иных перспектив преходящего мира, в которых тот мог бы предстать как единое целое, включающее и нас самих, и все пространства и времена. То есть в своих размышлениях он подразумевал не теоретический мир, построенный абстрагированием от полноты окружающего ради удобства концепции и математической простоты, а именно мир, в котором мы все живем, полный и тайн, и неведомых бездн. Кроме метагеометрии, в книгах Аксенова про-

¹ Например, в энциклопедии Даламбера и Дидро (1754 г.) и у Лагранжа в его «Теории аналитических функций» (1797 г.).

² Фрагменты из текстов Лагранжа и Уэллса, а также анонимная заметка в журнале «Nature» приводятся в настоящем издании.

слеживается и другая тема его изысканий: сверхъестественное, сомнамбулизм, психика, потустороннее, мистика, смерть. И, как мы увидим, эти, казалось бы, несочетаемые темы сочетаются у него удивительно хорошо.

Хронологически трудно проследить зарождение идеи четырехмерного пространства. Гипотезы неевклидовой геометрии начали появляться с начала девятнадцатого века: дневники Карла Гаусса, «воображаемая геометрия» Николая Лобачевского, теории Яноша Бойяи из Трансильвании, Георга Римана, Феликса Клейна, многих других. Конкретно же введение четвертой координаты и доскональное исследование именно четырехмерных геометрических объектов представлено, например, у Людвига Шлефли и Чарлза Хинтона. Однако все эти гипотезы по сути относятся к сфере математических абстракций, никогда под четырехмерным пространством не подразумевался реальный мир (разве что сверхъестественный, как у многих мистиков и теософов того времени), но главное, четвертая координата всегда полагалась пространственной, а не временной. Первый серьезный исследователь именно пространственно-временного континуума, видимо всё же Митрофан Аксенов (вышеуказанная книга 1896 г.), затем, среди многих других известных ученых, философов, теологов, мистиков и писателей¹, такие, как Герман Минковский (доклад 1908 г.), приложивший идею временного измерения к физике и совершивший в последней своеобразный переворот, Петр Успенский (книга «Четвертое измерение» 1909 г.) как представитель целого ряда исследователей, рассматривавших проблематику темы в самых широких аспектах, Альберт Эйнштейн, применивший положения Минковского для развития частной теории относительности (сформулированной в его известной статье 1905 г., но еще не включавшей четвертую

¹ Среди ученых стоит отметить немецкого профессора венгерского происхождения Мельхиора Палагю (Melchior Palágyi) (издавшего книгу «Новая теория пространства и времени. Основы метагеометрии», 1901 г.) и Анри Пуанкаре, около 1905 года формализовавшего четырехмерное пространство-время (в особенности см. его работу «О динамике электрона»).

координату). Сложно, да и не имеет смысла говорить о взаимных влияниях, поскольку в сущности они не имеют никакого значения. Из упомянутых исследователей М. Аксенов и П. Успенский рассматривают пространственно-временную концепцию преимущественно с философских позиций, двое других — с чисто научных.

В «Метафизике» Аристотель указывает, что философия не тождественна ни одной из наук, ибо ни одна из них не исследует общую природу сущего как такового: выделяя себе какую-нибудь часть сущего, науки исследуют лишь свойственное этой части, как, например, науки математические. Разъясняя это, Мартин Хайдеггер отмечает, что хотя современные науки и исследуют сущее, являя собой удивительный феномен: обращение сущего (которым являемся также и мы) к самому себе — постижение и раскрытие им себя самого для себя самого, — все же они не направлены на поиск смысла и сущности бытия. Науки не спрашивают «Что есть сущее?», тем более не задаются вопросом, почему и каким образом оно существует. Вместо этого они интересуются лишь свойствами конкретного сущего, составляющего их предмет.

По Аристотелю, всякая наука сначала всегда определяет собственный предмет, затем изучает его; то есть вопрос науки — вопрос об устройстве того или иного конкретного сущего. При этом всегда подразумевалось и постижение непосредственной связи предмета исследований с мироустройством вообще. Отличие же новой науки в том, что она утратила этот последний, важнейший момент: определяя предмет, она больше не желает рассматривать ни его природы, ни места в общей картине вселенной, ни его взаимосвязи со всем остальным. То есть современные науки оказываются в полной зависимости от своего предмета и уже не имеют достаточной широты, чтобы мыслить всё сущее в целом и пытаться понять хотя бы его устройство.

Конечно, в задачу наук никогда не входило разрешение метафизических вопросов, неразрешимых по своему существу, иначе ни одна наука не сдвинулась бы с места и не смогла бы построить ни одной теории, речь лишь о сознании науками связи

собственных предметов, методов, целей и выводов с миром вообще.

Сегодня не кажется несуразной претензия какой-нибудь конкретной науки (физики, например), что исследуемый ею частный предмет и есть вся вселенная, а прочее — надуманный бред. В какой-то мере такая претензия и в самом деле оправданна, поскольку новая наука давно заменила собой и теологию, и философию, и религию, и традицию, взяв на себя роль окончательного и безусловного толкователя всего мира в целом с правом решать, что из открытого нашему восприятию существует, а что не существует. И хотя у новой науки нет ни внятной картины вселенной, ни ответа ни на один более или менее существенный вопрос, даже нет ясности и диалектической чистоты в ее собственных рассуждениях, она, как наследница материализма, все же успешно справляется с поддержкой и укреплением этой мифологемы.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, кратко остановимся на положении дел в современной математике и физике — дисциплинах, казалось бы, имеющих самое непосредственное отношение к концепции четвертого измерения.

Изначальный предмет математики — число, множество, точка, прямая. В отличие, положим, от древнегреческой математики, где всегда обсуждалась суть сих умозраительных сущих, их статус в космосе, в сферах интеллектуальных пространств, современная математика не дает себе в том труда. «Что есть множество, точка, число?» — неуместный вопрос. Да и сама безупречность математических знаний в значительной степени миф, особенно в фундаментальных ее областях.

Все здание строится приблизительно так.

Первое — это *предмет* или *понятие* (допустим, число или множество). Предмет разъясняют туманно, наивно, в основном на наглядных примерах — как детям, которым стараются втолковать совершенно понятную вещь. И это не случайно, поскольку по сути дела обращаются к непосредственному априорному знанию того же числа или множества. Из этого интуитивного знания, оставляя в стороне его метафизический смысл, в

дальнейшем исходят во всех рассуждениях. Предмет изучения, безусловно, основа основ, но вместе с тем самое темное место любых построений.

Второе — *определения*, суть коих в следующем: назовем то-то и то-то таким-то словом. Формально законность определения несомненна, ведь в сфере чистых абстракций ничто не мешает что угодно назвать как угодно. Можно *назвать* низ небом, а верх землею или какой-то процесс числом. Можно сказать, что скрещение линий *называется* «барабан» или, допустим, «Кузьма Кузьмич». В пространстве логики подобные действия легитимны, недоумения могут возникнуть лишь при проецировании выводов обратно в мир, если умалчивают или забывают, что слова в математике обычно имеют другие значения, чем слова естественного человеческого языка.

Третье — *аксиомы и постулаты*: представляющееся очевидным объявляется истиной, исходными догмами (что далеко не всегда оказывается безупречным).

И только потом начинаются собственно математические доказательства и построения — наиболее объемная, сложная и труднодоступная для многих часть, однако достаточно убедительная сама по себе.

В качестве примеров рассмотрим несколько математических положений, но не изнутри математики, а как бы извне, с точки зрения здравого смысла или, если угодно, обращаясь к глубинному, предшествующему рассудку уровню языка¹.

Понятная всякому математику фраза: «Рассмотрим бесконечное множество X », тому, кто не знает, что подразумеваются совершенно иные значения слов, будет казаться абсурдной, ведь *бесконечное* (в подлинном смысле) нельзя *рассмотреть*, ни зрительно, ни умозрительно, если, конечно, располагают обычным, а не божественным разумом.

¹ Дети, к примеру, сначала научаются говорить, и только потом — рассуждать и обдумывать сказанное. Язык еще и потому глубочайшая вещь, что он — не изобретение человека, а изначально заложен в его архетип, то есть формируется и разивается у детей подобно телесным органам, чувствам, всему.

Всем известная запись $n \rightarrow \infty$ обозначает, что, неограниченно возрастая, натуральное число n «стремится к бесконечности». Однако с точки зрения здравого смысла очевидно, что 10 000 не ближе к бесконечности, чем 2, что все натуральные числа находятся «на одинаковом расстоянии» от бесконечности, то есть что при возрастании натурального числа движения в сторону бесконечности не наблюдается, почему и искать оную следует в другом месте — в центре окружности «бесконечного» радиуса, по ортогонали ко всем числам вообще или где-то еще. Складывается впечатление, что $n \rightarrow \infty$ суть отражение в математике модной теории познания Нового времени, согласно которой, расширяя свои знания во всех областях, мы движемся к окончательному пониманию мироустройства, к которому, правда, можно лишь «приближаться», однако достигнуть которого всё же нельзя. Тогда как бесконечное, трансцендентное, вечное всегда полагали безотносительным всей суммы опыта и количественных знаний, безотносительным этому миру вообще, и искали его у самых основ и начал бытия.

Другой пример. Чтобы различать «бóльшие» и «меньшие» бесконечные множества, по предложению Георга Кантора, используют *мощность*, называя два множества имеющими равную мощность, если между их элементами можно установить взаимно-однозначное соответствие. Для конечных множеств критерий вполне адекватен, однако для бесконечных превращается неизвестно во что. Первая же теорема после такого определения мощности доказывает «равенство» множества всех натуральных чисел и множества только четных натуральных чисел. То есть доказывает, что часть равна целому¹, что с точки здравого смысла — нелепость, абсурд. Что же по сути доказывает сия теорема? Лишь то, что, принимая такой критерий «равенства», мы сразу приходим к противоречию здравому смыслу², а значит,

¹ И не просто «часть», а «сколь угодно малая (но бесконечная) часть» равна целому: ведь можно брать не только четные числа, но, допустим, 1, 10, 100... или 1, 100, 10000... и так далее.

² Или, можно сказать, приходим к необходимости отказаться от куда более очевидного, чем этот критерий, постулата о том, что часть всегда меньше целого.

критерий выбран неверно. Однако вместо этого предлагаются бесчисленные исследования по сравнению бесконечностей — «счетных», «континуальных», «промежуточных» и других, только смущающих всякий далекий от математики ум. Возражение, что речь не о «количественном равенстве», а о «мощности» трудно принять, поскольку если этот критерий характеризует не «равенство», то тогда что? Можно придумать другие критерии, не отражающие ничего, и исследовать бесконечные множества в соответствии с ними, но останется трудный вопрос: а о чем, собственно, речь? Однако для современной математики подобный вопрос неприемлем, поскольку, абстрагировавшись от мира и сущности собственных основ, она в состоянии оценивать легитимность тех или иных построений лишь с точки зрения их *непротиворечивости*.

Ну и последний пример: окончательно принятые в девятнадцатом веке так называемые действительные числа.

В тринадцатой главе пятой книги «Метафизики» Аристотель пишет: «*Количеством* называется то, что разложимо на составные части, каждая из которых, будь их две или более, по своей природе представляет собой что-то одно — определенное единство. Количество является множеством, если оно счислимо, и протяженностью, если измеримо. Множество — это в возможности разложимое на неконтинуальные части, а протяженность — на континуальные. Континуальная в одном направлении протяженность называется длиной, в двух — шириной, и в трех — глубиной. Конечное множество — это число, ограниченная длина — линия, ширина — плоскость, глубина — тело».

То есть довольно ясно разделены дискретное и непрерывное как имеющие различную природу. Дискретное измеряется дискретным — числами например, а непрерывное — непрерывным: отрезок прямой, равный гипотенузе прямоугольного равнобедренного треугольника, с математической точностью определяется катетом, однако нельзя заранее задать никакого числа, по которому его можно было бы отложить без погрешности. Мерить длину или пространство числом допустимо лишь приблизительно, уподобить же их невозможно, что очень легко

доказать. Однако в связи с колоссальным прогрессом и усложнением математических дисциплин в семнадцатом и восемнадцатом веках казалось весьма желательным, даже необходимым поставить знак равенства между числами и прямой. Цель была обозначена, и обоснования не заставили себя ждать.

Хотя вызывает вопросы и введенное в употребление еще в незапамятные времена рациональное число — ведь против сути числа пришлось разбивать единицу (исходное неделимое единство) на части, в результате чего точка отсчета терялась, да и сам счет утрачивал смысл, поскольку больше не существовало числа, следующего за предыдущим числом, и ранее упорядоченное множество чисел превращалось в нечто хаотическое, — иррациональное число кажется просто недоразумением. Если рациональное число еще все же число, хотя бы в том смысле, что оно — некий численный, дискретный эквивалент измеряемой данности, пусть и заданный двумя натуральными числами, то иррациональное число суть бесконечный *процесс*. Это «число» невыразимо с помощью какого-либо набора чисел, то есть имеет другую природу, и никак не является числом, поскольку последнее — нечто фиксированное, определенное, конечное — *мера, а не процесс*.

Определяют иррациональное число, по сути, всегда одинаково: *назовем* числом то, что числом не является — длину окружности, квадратный корень из двух. Иными словами, непрерывное *с помощью определения* отождествляют с дискретным, прямую с числами. Однако такое действие, хотя формально и безупречное, вовсе не сведение воедино предметов различной природы, а простая замена значения слов: парадокс Зенона не разрешается и не раскрывается как подлинный парадокс, а просто объявляется разрешенным.

Из наиболее известных обоснований действительного числа — сечения Рихарда Дедекинда, где исходят из «очевидности», что прямая «непрерывно» заполнена точками (что закрепляется аксиомой), каждой из которых стремятся поставить в соответствие число, метод последовательных приближений Георга Кантора, где иррациональное число определяется как процесс приближения, и всякого рода аксиоматические обоснования числа.

Суть этих последних проста: опираясь на интуитивное представление о числе (сначала натуральном), устанавливают его свойства (особенно в отношении операций), затем некий набор этих свойств выдвигают как формальный набор аксиом¹, определяющих понятие числа и возможные действия с ним. Меняя и расширяя набор аксиом, определяют рациональные, иррациональные, комплексные и другие числа. То есть, абстрагируясь от интуитивного понятия числа, словом «число» называют всё то, что отвечает принятым аксиомам, хотя это часто совсем не число.

Несмотря на грандиозные усилия, основополагающие теории чисел постоянно подвергаются критике и пересмотру даже самими математиками, но на сегодняшний день так и не удалось достичь формальной законченности обоснований и, по всей видимости, при тех же подходах к основам не удастся достичь никогда. И это относится не только к числу, но и к любому исследуемому математикой предмету вообще.

Иными словами, в строгость, совершенство и безупречность математических наук чаще верят лишь малознакомые с ними. Не вникая в суть дела, обычно используют простой аргумент: раз с помощью математики создаются автомобили, заводы, компьютеры, космические корабли, тем самым она и верна. Но мы говорим о другом, о месте и смысле ее во вселенной, насколько она раскрывает если и не основания бытия, то по крайней мере онтологические аспекты своих предметов — единства и множества, точки и линии, конечного и бесконечного, нуля и числа. Что же касается всевозможных устройств, будь то телевизоры или каменные топоры, все они по своей сути конечны, состоят из конечного множества частей, и даже самый сложный компьютер все равно лишь дискретный электронный автомат, не идущий в сравнение просто с амёбой, которую невозможно ни до конца изучить, ни, тем более, воссоздать. По Готфриду Лейбницу,

¹ При этом из набора аксиом исключаются те свойства числа, которые неудобны для новых теорий. Например, как уже отмечалось, исключается необходимость исходного числа (единицы) и принципы построения из нее *последовательности* остальных.

живое отличается от искусственного тем, что, исследуя составляющие его части, затем части частей и так далее, мы никогда не достигнем конца, поскольку каждая часть живого всегда отражает собой весь мир целиком. Для расчета лайнеров и небоскребов вовсе не требуется «бесконечность», достаточно нескольких знаков после запятой. И если прикладную математику переписать, заменив знак $\int$ на знак Σ , в практическом смысле ничего бы не изменилось, разве что она перестала бы служить «доказательством» темных теорий об иерархиях бесконечностей, множествах множеств, иррациональном числе.

Приблизительно та же картина, только еще более запутанная и противоречивая, наблюдается и в современной физике. Действуя с помощью «моделей», являющихся чисто абстрактным представлением исследуемого предмета, и так в высшей степени ограниченного и условного, физики, как и математики, не только не задаются вопросом о сущности этого предмета, но и начинают считать собственные умозрительные теории объяснением мира вообще, аргументируя эту претензию подтверждением их теорий наблюдениями и экспериментами, наглядно демонстрирующими те или иные закономерности феноменов чувственно воспринимаемой вселенной.

Известный физик и талантливый переводчик современных физических гипотез с языка физико-математических формул на простой человеческий язык Стивен Хокинг в самом начале книги «Краткая история времени: от большого взрыва до черных дыр» (1988 г.) пишет: «Что мы знаем о вселенной, и каким образом мы знаем это? Откуда явилась вселенная и что с ней в конце концов произойдет? Было ли у вселенной начало и, если так, то что было до него? Какова природа времени и наступит ли когда-нибудь его конец? Последние прорывы в области физики дают возможность (в немалой степени благодаря новейшим фантастическим технологиям) предположить ответы на некоторые из этих давно поставленных вопросов».

Упоминая действительно существенные вопросы, Хокинг предлагает искать ответы на них в области современной физики, по сути своей имеющей к тому весьма отдаленное отноше-

ние. Если, конечно, под вселенной иметь в виду и в самом деле вселенную — весь настоящий мир, а не ту или иную гипотетическую модель.

Как и всякий аутентичный физик, Хокинг считает вселенной галактики, звезды, планеты, рассматриваемые как «материальные тела», движущиеся в трехмерном пространстве, заполненном всякого рода волнами, излучениями и другими известными и неизвестными физическими феноменами. В галактических масштабах объекты пространства подчиняются теории относительности, а в микроскопических — теориям квантовой физики. Объекты же наших размерностей описываются механическими моделями Исаака Ньютона и прочими классическими моделями об электричестве, теплообмене, состояниях вещества и т. п. Всё мироздание в воображении физиков ассоциируется с такого рода пейзажами. Жизнь, в океане которой располагается весь окружающий мир и которой сам физик как таковой является прежде всего, исключается как несущественное.

Вселенная, сконструированная позитивистской наукой, получилась на редкость бедной и плоской, несоотносимой с той необъятностью, в которой мы все живем: мифическая материя, в непонятном пространственно-временном вместилище трансформирующаяся по непреложным законам, более ничего. Последняя истина — внеположный объективный мир, сущий вне нас и без нас, сам по себе. Тотальная каузальность, власть нерушимых законов и титанических сил, детерминизм. Нет ни сакральных сфер, ни интервенции трансцендентного, ни метафизики бытия. Нет скрытых морей, затерянных стран, континентов, доступных лишь волей судьбы. Ни постигаемых в транс иных измерений, ни онирических сложных пространств, иррациональных прозрений, инициатических троп по ту сторону общепонятного бытия. А между тем все эти горизонты при пересечении сферы события становятся куда более реальны, нежели так называемая действительность. Именно в их направлении в час перехода проложен наш путь. Единственная бездна в научной картине вселенной — догмат альтернативного небытия.

Но даже в обыденной жизни физические законы воображаемой мертвой вселенной оказываются малополезны, попросту

неверны. Никакие дифференциальные уравнения не помогут спланировать собственный день или хотя бы в самых общих аспектах рассчитать предстоящие ситуации. Обычные чувства и мысли, тем более ненависть, страсть, вера и страх, какая-нибудь *idée fixe* и так далее вообще не учитываются, а между тем они радикально влияют даже и на простые «перемещения физических тел». Если, допустим, рассматривать человеческие тела как «физические», то в физике не найдется приемлемых формул, хотя бы приблизительно описывающих их движения. То же относится и ко всем физическим телам, которыми манипулирует, даже которых просто касается, любое живое существо. Причем исследовать эти движения для физики невозможно и в принципе, поскольку *причины* движений не попадают в рассматриваемую ею теоретическую вселенную. Если, положим, человек поднимает камень, то очевидная причина сему — его желание и мысль, каковые не считаются в физике каузальными факторами. Или, допустим, шахматная партия: для предсказания перемещения фигур в первую очередь необходимо знать правила игры, а также стратегию, мысли и настроения шахматистов, на основе же только физических данных вряд ли удастся исчислить, какая фигура двинется с места и куда переместится. Неудивительно и что известная формула о пропорциональной зависимости энергии тела от его массы ($E = mc^2$) у «профана», желающего применить эту формулу к окружающему миру, вызывает недоумение: если, к примеру, представить двух рядом лежащих людей одинаковой массы, но один живой, а другой мертвый, то ясно, что первый обладает большей энергией. Хотя бы потому, что может встать. Или сравним одинаковой массы и тех же размеров и форм маленький камень и семя баобаба: последнее отличается тем, что содержит в потенции гигантское дерево, а также огромную силу роста, способную дать ход этой потенции и претворить ничтожное семя в могучее дерево со стволом десять метров в окружности. Если энергия (от греч. *energeia* — деятельность) — это в каком-то смысле способность воздействовать на окружающее, то маленький человек часто может произвести в окружающем перемены куда более масштабные и радикальные, чем колоссальных размеров скала.

Кроме того, не принимается в расчет, что облик феноменальной вселенной самым существенным образом определяется и природой человеческого существа, от которой зависит даже само наличие так называемых «твердых тел». Если, допустим, наши тела имели бы волновую структуру, мы бы вообще не знали никаких «твердых тел», поскольку, как многие волны, могли бы проходить их насквозь, не замечая препятствия. Зато «твердыми» для нас стали бы совершенно иные формации, родственные нашим телам — всякого рода излучения и поля, преграждающие путь средоточиям наших волн, изменяющие траектории их движения или вообще разрушающие волновые тела. Картина вселенной была бы другой. Радикально другой она была бы и при изменении скорости нашего восприятия, что подробно рассмотрено во включенной в настоящую книгу статье М. Аксенова «О зависимости представления о мире от скорости восприятия». Восприятие наше весьма специфично и в качественном отношении. М. Аксенов приводит такой пример: одни колебания воздуха воспринимаются осязательно, другие — как звук. Даже пространство и время не абсолютны, зависят от нас, разъяснения чему можно найти не только у Иммануила Канта, но и в собственном опыте пространства и времени в сновиденческой и «обыкновенной» реальностях, ведь в сновидениях также присутствуют пространство и время, хотя и немного другие, однако при этом устоявшиеся представления о вселенной рассеиваются — нет шарообразной планеты Земля, нет ни галактик, ни звезд, ни законов Ньютона. Кто порождает пространство и время во сне, как не наш собственный ум?

«Пространство не находится в субъекте, но и субъект созерцает мир не так, „как если бы“ тот был размещен в некоем пространстве: в действительности онтологически правильно понятый „субъект“, то есть здесь-бытие, изначально пространственен. Поскольку здесь-бытие изначально пространственно, пространство и появляется a-priori» (Мартин Хайдеггер, «Бытие и время», § 24).

Что мы вообще изучаем и измеряем, исключив жизнь? О каком мироздании, тем более его начале и причине можем мы говорить? В теологии, философии, мифологии, во всех религиях

прошлых времен начало и причина всего сущего неизменно связывались с разумом, жизнью, непостижимым запредельным, трансцендентным, бесконечно превышающим их. Никогда ещё ответ на этот важнейший вопрос не искали в областях простых «физических» явлений, к тому же как таковых обусловленных (а может быть, и вообще порожденных) ограниченной природой нашего существа. «Большой взрыв» как причина всего? Галактики, звезды, планеты, следующие по своим орбитам неизвестно зачем? Непреложность физических законов, установленных неизвестно кем?¹

Воспринимающего, субъективный аспект никак нельзя обойти стороной, и при всём противодействии он всё же проникает и в новую физику, пусть только как знак или тень — как «наблюдатель с часами» у Альберта Эйнштейна или как подразумеваемый наблюдатель за движением тел у Исаака Ньютона. Причем по мере развития физики поначалу призрачная фигура этого наблюдателя становится все более явственной и значительной. Например, по принципу неопределенности Вернера Гейзенберга невозможно точно определить местоположение микрочастицы, поскольку на него *непредсказуемым образом* влияет само присутствие наблюдателя (или «инструмента наблюдения»).²

¹ Откуда взялись эти законы? «Материальные» они или нет? Где и каким образом существуют? Рождаются, развиваются и умирают, как всё преходящее, или же «вечны и неизменны», как линия и число? Каким образом и почему все вещи подчиняются им? Эти вопросы новая физика по понятным причинам предпочитает не обсуждать.

² Воздействие наблюдателя на окружающее хорошо проиллюстрировано в книге Е. Головина «Мифомания» (Изд-во «Амфора», Санкт-Петербург, 2010): «Даже для современной, сугубо материальной, физики процесс наблюдения влияет на объект наблюдения. Что же сказать о пространствах, где наблюдение не просто влияет, но изменяет пейзаж и трудно сообразить, что с нами делается. К примеру, одиннадцать братьев, обращенных колдуньей в лебедей, несут сестрицу Элизу на крыльях. Впереди — замок феи Фата-Морганы: „Под ними качались пальмовые леса и роскошные цветы величиной с мельничные колеса... И вот горы, леса и замок рухнули, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей. Элиза

Но и придерживаясь чисто научного мировоззрения, на сегодняшний день мы не имеем связного, вразумительного представления о вселенной, поскольку одна теория противоречит другой. К примеру, одна из аксиом, предложенных еще Галилеем, и на которой ныне основывается теория относительности, состоит в том, что законы изменения состояний физических систем одинаковы для всех точек отсчета, движущихся относительно друг друга равномерно и прямолинейно. Однако в квантовой механике действуют другие законы, откуда следует, что законы изменения состояний физических систем существенным образом зависят от размеров последних, то есть неодинаковы для физических систем различных масштабов даже при одной и той же точке отсчета. При всех грандиозных усилиях современные научные гипотезы не складываются в единую теорию, применимую на разных планах и уровнях даже феноменального мира, что противоречит негласно признаваемому и в новой физике принципу «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста: “Quod est inferius est sicut quod est superius, et quod est superius est sicut quod est inferius...” (То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу...)

Можно было бы и далее перечислять темные места и противоречия физико-математических наук, однако не в этом суть: отдавая должное достижениям этих наук в прикладных областях, всякого рода расчетах и систематизации чувственных данных, мы лишь подчеркнули проблематичный характер их фундаментальных концепций и особенно необоснованность приложений их выводов к существенно важным вопросам, касающимся самых основ бытия, мира вообще.

Оставляя в стороне всю историю открытия и развития идеи четырехмерного пространства с временной координатой в современной науке, уделим некоторое внимание лишь двум важным работам, считающимся в физике революционными. Это статья Альберта Эйнштейна “Zur Elektrodynamik bewegter Körper” («К электродинамике движущихся тел», 1905 г.) и

вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, поднимающийся над водой“. (Х. К. Андерсен. „Дикае Лебеди“)».

доклад Германа Минковского “Raum und Zeit” («Пространство и время», 1908 г.), послужившим основой концепции, впоследствии названной «пространством-временем Минковского»¹.

В 1676 году датский астроном Оле Рёмер, наблюдая затмения спутников Юпитера, установил конечность скорости света и приблизительно ее рассчитал. Сенситивная картина вселенной оказалась не такой уж реальной. Настоящее утратило пространственную абсолютность, поскольку, как выяснилось, чем дальше от нас расположен объект наблюдения, тем больше он сдвинут в прошлое. То есть поля и леса вдалеке, корабли на горизонте, солнце, луна, тем более звезды не существуют сейчас — они только некогда *были*. Даже собака, которая рядом виляет хвостом, находится в прошлом, пусть близком. Всё, что мы видим, сосуществует не вместе, но каждый предмет пребывает в своем времени: звезды на небе — не космическое единство, как это кажется нам с земли, но каждая звезда сияет из тем более далекого прошлого, чем она дальше от нас. Иными словами, звездное небо, весь мир вокруг отнюдь не целостная реальность, не упорядоченное в согласии с некой небесной гармонией настоящее, а хаотичные отблески из бездн минувших времён. Пространство, уходя от нас, как от центра, во всех направлениях вдаль, одновременно уходит и в прошлое.

Наряду со смещением точки отсчета сначала на солнце, затем в непонятную галактическую даль и, наконец, в неподвижный эфир, это открытие привело к определенному переосмыслению позитивистской платформы науки: восприятию было в еще бóльшей степени отказано в «объективности», каковую следовало искать лишь в мире формул, гипотез и теорем. Даже

¹ На самом деле уникальность и революционная новизна этих работ безусловно преувеличены: к аналогичным позициям в то время уже пришли и продолжали приходить и многие другие известные ученые — к данным гипотезам, скорее, с необходимостью привело поступательное развитие современной науки. Так, концепция пространства-времени была известна и ранее, а в статье Альберта Эйнштейна использованы теоретические исследования Лоренца, Пуанкаре и других. «В статье „К электродинамике движущихся тел“ не содержится ни единой ссылки на предыдущие исследования. Поэтому создается впечатление совершенно нового подхода. Это, конечно, неверно, как я старался показать» (Макс Борн).

эксперименты приобрели фантомальный характер, поскольку сделались слишком специальными, сложными и невразумительными, спланированными под заранее выведенные следствия той или иной гипотезы и понятными лишь в ее исключительно частном контексте. Ну а когда постановка экспериментов проблематична либо вообще невозможна, для констатации законов вселенной довольствуются и просто формулами, с безукоризненной строгостью выведенными из принятых аксиом.

В статье Альберта Эйнштейна четвертая, временная координата еще не вводится, лишь намечается определенная связь пространства со временем. Изложенная в этой работе гипотеза, в настоящее время известная как «частная теория относительности», пришла на смену зашедшей в тупик теории эфира, которая приводила к неверным результатам при применении на ее основе электродинамики Джеймса Максвелла к движущимся телам, а также противоречила поставленным в 1887 году Альбертом Майкельсоном и Эдвардом Морли опытам, показавшим, что скорость света относительно его источника не зависит от движения последнего. Поэтому исходная модель физического пространства, основанная на пребывающей в абсолютном покое светоносной среде, была заменена на другую, устраняющую абсолютную точку отсчета совсем.

Немного напоминая формальную математику, гипотеза Эйнштейна строится на двух постулатах¹: первый — это постулат о справедливости электродинамических, оптических и других физических законов для всех координатных систем, для которых справедливы уравнения механики, и второй, основанный на опытах Майкельсона и Морли, — что «свет в пустоте всегда распространяется с определенной скоростью V , не зависящей от состояния движения излучающего тела». Далее с помощью определения вводится упрощенное понятие времени, освобождающее исследователя от сложных метафизических проблем. Считается, что время есть нечто, измеряющееся «часами»

¹ В сущности, здесь, как и во всякой научной гипотезе, принимаются за очевидное и все положения лежащей в основе научного мировоззрения мифологемы, например, объективность пространства и времени, то есть их независимость от нашего сознания и восприятия.

(то есть устройством, в котором ритмы физических процессов сходны с ритмами нашего тела, в основном восприятия), благодаря чему можно говорить об *одновременности и времени событий*. Эйнштейн поясняет это так: «Если я, например, говорю: „Этот поезд прибывает сюда в семь часов“, — это означает примерно следующее: „Указание маленькой стрелки моих часов на семь и прибытие поезда суть одновременные события“». О событии, случившемся на какой-то дистанции, мы можем узнать не ранее, чем через время, которое потребуется свету на преодоление расстояния до места события. Поэтому (за неимением иных средств узнать о событии) синхронизация времени и уточнение понятия одновременности должны осуществляться с учетом скорости света¹.

Этих двух постулатов и введенного понятия одновременно оказывается вполне достаточно для перерасчета всей физики в заданной ими новой «модели вселенной».

Многие следствия этой теории далеко не у каждого укладываются в голове, особенно изменение геометрии тел², удаляющихся от нас на больших скоростях (что установлено Лоренцом, затем в новой модели выведено и Эйнштейном), изменение массы и хода времени для таких тел, увеличение интенсивности источника света до бесконечности при приближении к нему со скоростью света, абсолютность последней. Правда, все эти следствия имеют место лишь для стороннего наблюдателя за объектом, а не для самого объекта, но тем не менее они завораживают непонятностью и темнотой. Это всего лишь теория, или же всё именно так обстоит и в действительности? Чтобы

¹ Определение и математическая формализация понятия одновременности, включающие синхронизацию времени, — центральное положение этой статьи Альберта Эйнштейна.

² К тому же выводу ранее пришел и Аксенов, правда, у него тела не сплющиваются, а, наоборот, растягиваются и разрезаются. (Такое различие объясняется тем, что «сплющивание» Лоренца связано со скоростью света, а «растяжение» Аксенова следует из его метагеометрических построений, в которых скорость света вообще не учитывалась. Так, по теории Аксенова, тело, движущееся с бесконечной скоростью, должно было бы растянуться до бесконечности, при этом разредившись до массы, в любом конечном объеме равной нулю.)

ответить на этот вопрос, лучше сначала попытаться понять, что такое «действительность».

В качестве упражнения для начинающих физиков можно было бы предложить им построить аналогичную гипотезу для разумных существ, лишенных зрения, но обладающих утонченным слухом, ограничив теоретическую вселенную воздушным пространством (ведь такие существа не знали бы звезд) и исследованием движения в этом пространстве лишь твердых тел. Вместо света попытаться использовать звук, скорость распространения которого тоже не зависит от движения его источника (что отвечает второму постулату, хотя и не полностью, поскольку скорость звука постоянна относительно пространства, среды его распространения, а не источника), а вместо обычных часов — устройство, периодически бьющее в гонг. Окружающий мир также оказался бы лишь хаотическими отзвуками минувших событий, и также менялась бы геометрия движущихся тел, но по несколько другим формулам.

Частная теория относительности сразу же вступила в противоречие с теорией гравитации Ньютона, согласно которой сила гравитации действует мгновенно (а по теории относительности не существует скоростей больше скорости света). Это противоречие было устранено Эйнштейном в 1915 г. новым переопределением значений слов: оригинальным постулатом, что сила притяжения — это не сила, а следствие искривления пространства-времени присутствующими в нем энергиями и телами, то есть что в действительности все небесные тела и космические волны всегда движутся кратчайшим путем, так сказать, «по прямой», но в искривленном пространстве. Звездное небо оказывалось не только отблеском прошлого, но к тому же весьма искаженным, поскольку орбиты светил на самом деле прямые, а не круги. Круговращение звезд и планет нам только *кажется*, являясь проекцией искривленного пространства-времени в наше трехмерное измерение.

Так что же мы видим на небе в звездную ночь? Трудно сказать, но точно не подлинный мир.

Сама же идея объединения пространства и времени в единую координатную систему была представлена научному миру в известном докладе Минковского (1908 г.), в какой-то степени основанном на намеченной частной теорией относительности связи пространства и времени. В свою очередь положения этого доклада в дальнейшем были использованы для построения общей теории относительности.

Доклад начинается так: «Уважаемые господа! Воззрения на пространство и время, которые я намерен здесь изложить, имеют под собой экспериментально-физическую основу. В этом их сила. Их тенденция радикальна. Отныне пространство само по себе и время само по себе низводятся до роли теней и лишь некий союз обоих еще сохранит самостоятельность». Далее, исходя из инвариантности законов Ньютона относительно положения и равномерно-поступательного движения координатной системы в пространстве, а также из очевидной допустимости произвольного выбора нулевой точки¹, следуют чисто математические рассуждения, рассматривающие эти законы в пространственно-временном измерении. Дополнительно к x, y, z вводится t ; x, y, z, t Минковский называет *мировой точкой*, а «многообразие всех мыслимых систем значений x, y, z, t — *миром*». «Доступный наблюдению объект»², находящийся в данном месте и в данное время, он именует *субстанцией* (по его словам, «чтобы не говорить о материи или электричестве»), затем рассматривает «субстанциональную точку, имеющуюся в мировой точке x, y, z, t ». Пусть субстанциональная точка идентифицируется нами во всякое другое время как один и тот же объект. «Тогда, — говорит Минковский, — мы получаем в качестве изображения,

¹ Данную «очевидность», вообще говоря, следовало бы объявить постулатом, поскольку она означает неизменность физических законов во всей протяженности пространства и времени (то есть законы природы полагаются вечными и абсолютными, поставленными превыше всего), что далеко не очевидно. Аксенов, к примеру, в книге «Нет времени» пишет: «...законы природы и причинная связь потенциально изменяемы, т. е. могут изменяться с изменением структуры четырехмерного мира в направлении временного нашего движения...»

² «Доступный наблюдению» откуда и кем?

так сказать, вечною жизненным пути субстанциональной точки некоторую кривую в мире, *мировую линию*, точки которой можно однозначно отнести к параметру t на всем интервале от $-\infty$ до $+\infty$. Весь мир представляется разложенным на такие мировые линии, и мне хотелось бы сразу отметить, что, по моему мнению, физические законы могли бы найти свое наисовершеннейшее выражение как взаимоотношения между этими мировыми линиями». Ось времени ортогональна пространству, но вместе с тем может быть выбрана произвольно, поскольку для покоящейся и для повернутой и поступательно движущейся в пространстве системы координат законы механики должны быть одними и теми же. «В соответствии с этим, — продолжает Минковский, — мы будем иметь в мире не одно пространство, а бесконечно много пространств, аналогично трехмерному пространству, где имеется бесконечно много плоскостей»¹.

Вот, собственно, и вся представленная им модель феноменальной вселенной, на удивление скудная и поверхностная с онтологической точки зрения, однако вполне достаточная для построения сложнейших научных теорий. Далее в докладе Минковского следуют математические выкладки, приводящие к известным результатам, однако сама модель более не рассматривается и считается исчерпывающим исходным постулатом. То есть, кроме вышеуказанного, никакого существенного содержания к этой модели больше не добавляется.

Характерная особенность этой модели, равно как и ее развития в будущем, — стремление к тождеству пространственных и временной координат ради удобства представления физического мира и ясности математических выкладок. «Благодаря мировому постулату»², — пишет Минковский, — становится возможным равноправное оперирование с четырьмя величинами x , y , z , t . От этого, как будет показано, выигрывает в ясности внеш-

¹ Этот не сразу понятный момент очень хорошо рассмотрен в трактате Аксенова.

² *Мировым постулатом* Минковский называет постулат относительности об инвариантности физических законов. Он использует новое название потому, что в пространственно-временном измерении старое название кажется ему «слишком бледным».

ний вид, в котором проявляются физические законы». «В теории относительности, — констатирует современный физик Стивен Хокинг, — нет никакого различия между пространственной и временной координатами, как нет никакого различия между двумя пространственными координатами».

Между тем это не так (вернее, все обстоит намного сложнее). Пространственная и временная координаты различной природы и имеют различные свойства. Нетрудно заметить, что и Минковский в своих математических выкладках так или иначе опирается на особый физический смысл времени.

Четырехмерное пространство со всеми пространственными координатами существенно отличается от четырехмерного пространства с одной временной координатой. Геометрия четырехмерных объектов, известная математике задолго до доклада Минковского, трактата Аксенова, пассажа Герберта Уэллса и даже анонимной заметки некоего «S.», неприменима к пространству-времени. Например, в пространстве-времени не имеет смысла понятие математической точки, поскольку она означает, что в данный момент и данном месте что-то вдруг появляется безо всяких причин и затем бесследно исчезает. Не имеют смысла конечные линии, как прямые, так и кривые, разве лишь ортогональные времени, невозможны и замкнутые четырехмерные тела, а также многие незамкнутые. Подразумеваемый постулат “*Ex nihilo nihil fit*” радикально меняет геометрию этого пространства, в действительности определяющуюся многими физическими законами: ограниченностью скорости света (которая играет существенную роль и в пространстве-времени Минковского), законом сохранения энергии, причинно-следственными взаимосвязями и другими.

Кроме того, темным местом этой пространственно-временной модели является и позиция самого «наблюдателя», рассматривающего весь мир (в смысле Минковского) «извне», «со стороны» — с какой-то неведомой точки, вынесенной за пределы пространства и времени, из пятого измерения, так сказать¹. Судя по всему, наблюдателя и его «местоположение» символизирует

¹ И другая геометрия пространства-времени, и позиция «наблюдателя» подробно рассмотрены в трактате Аксенова.

сам физик, стоящий у классной доски, на которой начертаны пространственные и временная координаты.

Все научные модели вселенной основываются на неподвергающейся сомнению материалистической парадигме, что пространство и время существуют сами по себе, отдельно от воспринимающего их субъекта, и, таким образом, не признают заключения Канта, что пространство и время относятся к онтологической структуре субъекта, представляя собой, по интерпретации Владимира Соловьева, «как бы схему (*veluti schema*), необходимо присущую нашему уму и обуславливающую для него правильную координацию чувственных данных». Разъяснение этого Хайдеггером уже приводилось выше (с. 19). Сам же Кант комментирует это положение следующим образом: «...вещи, которые мы видим, сами по себе не таковы, какими мы их видим, и взаимосвязи вещей сами по себе не таковы, какими являются нам. И если устранить наше субъективное начало или же устранить только субъективный аспект чувств, то все свойства и все взаимоотношения предметов в пространстве и времени, да и сами пространство и время исчезнут, поскольку как явления они не существуют сами по себе, но только в нас». («Критика чистого разума», «Трансцендентальное учение о началах», «Трансцендентальная эстетика», §8).

Теперь перейдем от представления идеи четвертого измерения в современной науке к исследованиям этой идеи с позиции первой науки. Хотя в философии тоже появляются различные модели мироустройства, имеют они совершенно иной, чем в обычных науках, смысл. Главное отличие, как мы уже отмечали, заключается в том, что во всех рассуждениях, онтологических, диалектических, аллегорических и других, при построении всяких систем и моделей, в философии всегда подразумевают именно сам и весь мир, включая в него и себя, всё вообще. Согласно Хайдеггеру, метафизический вопрос, во-первых, всегда относится к сущему в целом и, во-вторых, относится и к самому вопрошающему как таковому, ставит и его под вопрос. Модели, теории, схемы, системы не имеют такой, как в науке, ценности

сами по себе, они — только способ проникнуть в суть дела, раскрыть иной горизонт, недоступную глубину бытия.

В качестве примера подобного подхода к четвертому измерению кратко остановимся на размышлениях Успенского, после чего, наконец, обратимся к Аксенову.

«... Лучше всего предположить, — пишет Успенский, — что мы *ничего* не знаем, и идти от этого. Но, к сожалению, создать такие условия невозможно. Что-нибудь должно быть положено в основу, что-нибудь должно быть признано известным. Иначе нам все время придется определять одно неизвестное посредством другого»¹.

Поэтому в качестве исходной точки он выбирает «два очевидных человеку факта: *существование мира, в котором он живет, и существование сознания в нем самом*». Казалось бы, и в самом деле неоспоримые факты, надежная основа для будущих рассуждений, однако на деле выходит не так. Прошлого не существует, будущего не существует, но и настоящего также не существует, поскольку в каждый миг оно превращается в прошлое, и даже то, что мы называем «здесь и теперь», по сути всегда лишь отпечаток в нашем сознании уже ушедшего в прошлое и более не существующего мгновения. То есть *мира не существует*. Разрешение этого парадокса Успенский ищет в направлении четвертого измерения.

Принимая как должное положение Канта, он обнаруживает весьма интересную связь пространства и времени, другую, чем у Минковского и Эйнштейна.

«Возьмем улитку, — начинает он раскрывать эту связь. — Мы ничего не знаем о ее внутренней жизни, но, несомненно, ее восприятие очень мало похоже на наше. По всей вероятности, улитка обладает неясными ощущениями окружающего. Вероятно, она чувствует тепло, холод, свет, темноту, голод — и она *инстинктивно* (...) тянется к необъеденному краю листа, на котором она сидит, и отодвигается от сухого листа. Ее движения-

¹ Это и все нижеследующие высказывания П. Д. Успенского приводятся из его книги "Tertium Organum" (Типография СПб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла «Трудъ», 1911 г.).

ми руководит *удовольствие-страдание*, она всегда стремится к одному и уходит от другого. *Она всегда движется по одной линии*. От неприятного к приятному. И по всей вероятности, кроме этой линии она ничего не сознает и не ощущает. Эта линия — весь ее мир. Все ощущения, *приходящие* извне, улитка ощущает на этой линии своего движения. А приходят они *из времени* — из возможных делаются настоящими. Вся наша вселенная для улитки существует частью в возможности, или в будущем, частью в прошедшем — то есть во времени. В пространстве лежит одна линия. Все остальное — во времени. Более чем вероятно, что улитка не сознает своих движений, делая усилия всем телом, она движется вперед к свежему краю листа, но ей кажется при этом, что движется к ней лист, возникая в этот момент, появляясь из времени, как для нас появляется *утро*. Улитка — это одномерное существо».

То есть пространство улитки весьма ограничено, и при столкновении с вещами для нас пространственными, она воспринимает их как приходящие *из времени* — откуда-то *из небытия*.

Собаку и лошадь Успенский считает существами двумерными (вернее, их восприятие мира двумерно), поскольку они видят поверхности, однако не видят объемных тел. Это следует из того, что и мы видим одни лишь поверхности, а перспектива и объемное восприятие складываются в уме. Разум животных развит намного меньше, поэтому они не в такой степени способны воссоздавать в воображении трехмерные предметы, принимая мир большей частью таким, каким видят его. Когда мы идем вокруг каменной глыбы, к примеру, то воспринимаем ее как один и тот же неподвижный трехмерный объект. При движении нам открываются все новые ракурсы, грани, а старые исчезают из виду, однако, благодаря умозрительному представлению каменной глыбы как единого целого, мы считаем все эти ракурсы относящимися к одному и тому же неподвижному предмету, а саму смену, динамику, движение этих ракурсов полагаем иллюзией. Не имея умозрительного представления о глыбе как о едином целом или имея о том весьма смутное представление, мы, как и животные, воспринимали бы лишь то, что есть: динамику граней и ракурсов, являющихся из небы-

тия и вновь отправляющихся в небытие. «Многие совершенно неподвижные для нас предметы, — поясняет Успенский, — собственно, *все предметы*, должны казаться животному движущимися. И именно в этих движениях ему будет являться *третье измерение тел, то есть третье измерение тел будет представляться ему движением*». И далее: «Животное видит два измерения. Третье измерение оно постоянно ощущает, но не видит его. Оно ощущает его как нечто *преходящее*, как мы ощущаем *время*».

Мы видим мир как трехмерный исключительно благодаря уму — бессознательному, когда воспринимаем предметы как нечто объемное, и отчасти сознательному, когда, например, воспринимаем восходящее солнце как то же самое солнце, которое всходило вчера.

Таким образом намечается связь пространства и времени: «всякое существо чувствует как пространство то, что охватывается его чувством пространства, остальное оно относит ко времени, то есть *несовершенно чувствуемое* относится ко времени».

Иными словами, при расширении сознания (вернее, при его качественном изменении, например, при добавлении разума) *новые измерения пространства приходят из времени*. Кажущееся прежде мимолетным и преходящим становится устойчивым и неизменным, движение (время) превращается в протяженность, мир начинает раскрываться как вечносущее целое. Имей мы, допустим, возможность взглянуть на судьбу человека из-за пределов времени, она могла бы предстать как нечто единое, во вневременном измерении запечатленное навсегда.

Успенский, подобно ученым, также отождествляет время с пространством, но совершенно иначе: время для него не просто новая равноправная координата, а скрытые планы вселенной, пока неосознанные как пространство. Какая часть вечносущего целого воспринимается как время и какая как пространство, определяется, как было показано, архетипической структурой сознания конкретного существа¹. То есть обнаруженная Успен-

¹ Размышляя на подобную тему, Аксенов предлагает попытаться вообразить существ, для которых одна из наших пространственных координат была бы временной, а наша временная — пространственной.

ским связь пространства и времени, неожиданная и вместе с тем очевидная, раскрывается не сама по себе, но зависит от третьего, не менее важного элемента — *сознания*.

Однако не будем углубляться в математические исследования Успенским пространственно-временного континуума, тем более в его оккультно-эзотерические изыскания иных горизонтов сознания, а поставим поверхностный, не относящийся к сути вопрос: был ли Успенский знаком с трактатом Аксенова? Этот вопрос напрашивается сам собой, ведь их точки зрения во многом сходны. Поскольку Успенский изучал труды Карла Дюпреля, то Аксенова, как переводчика и автора предисловий ко всем его книгам, он должен бы знать (если, конечно, он читал Дюпреля на русском, а не на немецком языке). Вместе с тем в этих предисловиях Аксенов почти не касается темы четвертого измерения, всего в нескольких фразах, и то косвенно. Успенский нигде не упоминает Аксенова¹, однако в “*Tertium Organum*” есть один странный пассаж.

«Иногда, как, например, в тех теориях, которые раньше пытались соединить с временем идею четвертого измерения, является идея какого-то *пространства во времени*, но вместе с тем допускается движение по этому пространству. Это требование *нового* времени, потому что движения вне времени происходить не может. И в результате *время* идет впереди нас, как наша собственная тень, отступая по мере того, как мы к нему подходим. Всякое представление о движении совершенно спутывается. Потому что если представить новое протяжение пространства и *возможность движения* по этому новому протяжению, то время опять немедленно станет перед нами и заявит, что оно ровно столько же не объяснено, сколько не объяснено и раньше».

В этом пассаже вполне можно усмотреть критические замечания в адрес Аксенова, который действительно предполагает движение «воспринимающего в нас начала» в направлении четвертого измерения, в связи с чем говорит о необходимости пятого и других временных измерений. Вероятно, Успенский все же

¹ Заметим, что и Аксенов в более поздних работах также нигде не упоминает Успенского, в России довольно известного в те времена.

просматривал книгу Аксенова, по крайней мере был знаком с его рассуждениями понаслышке, но так же вероятно, что он имел в виду каких-то иных, не известных нам мыслителей, «пытавшихся соединить с временем идею четвертого измерения». Однако не менее вероятно, что «прежними теориями» о пространстве-времени неким образом являются собственные размышления Успенского, ведь данные критические замечания в не меньшей степени относятся также к нему самому. Буквально через полстраницы после этого пассажа он пишет:

«Четвертое измерение связано со „временем“ и с „движением“. Но мы не поймем *четвертого измерения* до тех пор, пока не поймем *пятого измерения*... *Пятое измерение* — это перпендикуляр к плоскости времени, та высота, на которую должно подняться наше сознание, чтобы одновременно увидеть прошлое, настоящее и будущее».

Правда, пятое измерение у него не совсем новая временная координата, но «свойство самого сознания — та линия или то направление, по которому должно *расти сознание*», освобождаясь от иллюзии движения.

Прежде чем перейти к концепции Аксенова, напомним, что она предшествует упомянутым выше и создавалась, так сказать, на пустом месте. Новые идеи обычно сначала всегда отвергают, и только потом, когда они все-таки получают признание, начинают усиленно развивать, стараясь вписать в устоявшееся мировоззрение. То же произошло и с теорией Аксенова, которую, по его собственным словам, в научных и философских кругах отказывались понимать, не обращали на нее внимания, отделывались ироничными замечаниями либо же просто называли бредом сумасшедшего. Сегодня, когда идея четвертого измерения, хотя бы и спроецированная в плоскость физических и математических дисциплин, входит в учебники и так или иначе известна практически каждому, не так-то и просто отстраниться от принятых представлений, чтобы читать Аксенова непредвзято. Но сделать это необходимо, поскольку иначе легко упустить *другие* подходы и смыслы, отброшенные научными теориями и исчезнувшие без следа.

Пересказывать всю концепцию не имеет смысла, поскольку важнейшие тексты Аксенова включены в настоящую книгу. Оставляя в стороне его метагеометрические исследования, раскрывающие законы и свойства пространственно-временного континуума, рассмотрим лишь некоторые существенные моменты.

«Всѣ объекты нашего воспріятія простираются и въ четвертое измѣреніе, такъ что трехмѣрные для насъ объекты на самомъ дѣлѣ четырехмѣрны... Всѣ объекты четырехмѣрнаго пространства пребываютъ въ абсолютномъ покоѣ, воспринимающее же въ насъ начало непрестанно совершаетъ несознаваемое нами движеніе въ направленіи четвертаго измѣренія, по нормали къ нашему, трехмѣрному пространству. — Такъ какъ, во-первыхъ, мы — существа трехмѣрныя, а значить, существа, не способныя воспринимать объекты пространства четырехмѣрнаго, возвратиться же вспять по пути психическаго нашего движенія въ этомъ пространствѣ мы не можемъ, а во-вторыхъ, это наше движеніе нами не сознается, то, во-первыхъ, мы принимаемъ воспринимаемыя нами перпендикулярныя направленію четвертаго измѣренія трехмѣрныя сѣченія четырехмѣрнопространственныхъ объектовъ за *цѣлыя* объекты, а во-вторыхъ, намъ кажется, что движется гдѣ-то (гдѣ, мы не можемъ опредѣлить, вслѣдствіе сокровенности для насъ четырехмѣрнаго пространства; знаемъ только, что не въ нашемъ пространствѣ) не то, что воспринимаетъ въ насъ, а все, нами воспринимаемое, включая сюда и собственное наше тѣло». («Трансцендентально-кинетическая теорія времени», 1896 г.)

Далее он поясняет: «...четвертое измерение есть „линия времени“, самое же время есть движение по этому измерению воспринимающего в нас начала» (в отличие от идеи Минковского, где четвертое измерение и есть само время, что, вопреки непосредственному представлению о времени, превращает его в нечто застывшее, исключаяющее движение).

Итак, «воспринимающее начало» движется (хотя это движение и трансцендентальное) по четвертому измерению, ортого-

нальному пространству, благодаря чему вечносущее мироздание раскрывается нам как мир перемен¹.

То есть Аксенов в отличие от обсуждавшейся выше научной модели четвертого измерения с самого начала вводит наблюдателя, погруженного в пространство-время и подчиняющегося всем его законам, иными словами, прежде всего включает в свою модель нас самих — и как предмет исследования, и как исследующих.

Что такое «воспринимающее начало», совершенно понятно, однако оно превращается в совершенно непонятное, как только ставится под вопрос. И это неудивительно.

В одном месте Аксенов называет его «резервуаром всех наших восприятий, фокусом схождения всех впечатлений от внешнего мира, включая и наши восприятия процессов, совершающихся в нашем теле и нашей душе», в другом — «трансцендентальным органом нашего восприятия», в третьем — «органом трансцендентального нашего субъекта, находящимся в таком же отношении к телу последнего (астральному телу), в каком головной наш мозг находится к нашему телу (земному)», в четвертом — «сознанием», или же нашим «я». То он считает воспринимающее начало объектом, хотя бы отчасти и четырехмерным, и выясняет его геометрическую форму и характер движения, то говорит, что оно «насквозь трансцендентально» и, «как воспринимающее, оно само невосприемлемо, нашему восприятию не подлежит». «Воспринимать то, что в нас воспринимает, — поясняет он этот момент, — невозможно в такой же мере, в какой невозможно видеть собственный глаз. Из сказанного следует, что не будет большой погрешностью понимать под воспринимающим в нас началом наше сознание». Иногда же Аксенов просто отказывается от постижения сущности воспринимающего начала, ограничивая сферу своих изысканий: «Так как моя теория — кинетическая, то для меня задача определения природы совершающего в нас временное движение начала ограничивается определением геометрических его свойств». В целом же это ограничение, по всей видимости, сводится к следующему «рабочему представлению»: «Для трансцендентального нашего

¹ Причем, "воспринимающее начало" движется непрямолинейно и с переменной скоростью.

субъекта этот орган его не будет трансцендентальным, как не трансцендентален для нас, например, наш глаз».

При этом понимание воспринимающего начала как *органа* трансцендентального субъекта совершенно условно, поскольку гипотетическое расширение восприятия до временного измерения, да и любое гипотетическое расширение восприятия, хотя бы даже и до вневременного созерцания всей полноты мироздания, вовсе не раскрывает сущности воспринимающего начала как такового.

Подобные затруднения и алогизмы в разъяснениях и определениях — не следствие непродуманности или неясности понимания, но неизбежны по сути.

Что такое «воспринимающее начало»? Что такое субъект, монада, душа, сама жизнь, трансцендентное «я»? Сама постановка вопроса исключает возможность ответа: любой ответ на вопрос «Что?» будет чем-то, доступным восприятию, пусть умозрительному, даже чисто абстрактному, — будет объектом, который воспринимающее начало всегда рассматривает со стороны и из которого оно как таковое будет всегда ускользать. Воспринимающее начало не может воспринять себя самого со стороны, как объект. То есть любой ответ, любое представление воспринимающего начала — всегда профанация, фальсификация, заблуждение. Возможно, поэтому у адептов концепции объективного мира, существующего независимо от сознания, и родилась мысль, что души просто нет. По-своему они правы — ведь души и действительно не найти среди доступного наблюдения, воображению, теоретическому уму, то есть в том, что они принимают за весь существующий мир.

Однако чувствующему существу, тем более сознающему себя как некое «я», трудно признать, что этого «я» на самом деле нет. Но как же постигнуть его, не задавая вопрос, что оно такое? Поворотом внимания на сто восемьдесят градусов: извне — внутрь; вернее, обращением к самому себе, даже превращением в самого себя, в свое бытие. Душа — это не «что-то», она — это мы сами, воспринимающие, чувствующие, мыслящие, существующие. Душа — это «я», сознающее себя как себя. «Я» — вовсе не те или иные чувства и мысли, не тело и не

характер, не личность и не ее судьба. «Я» — это тот, кто проходит сквозь это и, забывая одни фантазии, сны и реальности и погружаясь в другие, всегда остается собой. Душа неизменна — та же всегда. Найти ее вовсе не сложно: она и есть мы. Подлинное «я», безличное, трансцендентное, невозможно увидеть, представить себе — им можно лишь *быть*. «Так как суть этого сущего (т. е. здесь-бытия. — прим. С.Ж.), — пишет Хайдеггер, — невозможно определить как ответ на вопрос „Что?“, более того, так как суть этого сущего заключается в том, что оно переживает свое бытие именно как свое собственное бытие, для обозначения этого сущего было выбрано словосочетание здесь-бытие, как выражающее чистое бытие». («Бытие и время», § 4).

Однако такое сознание (вернее, обнаружение) себя самого, своего бытия — не конец, а, скорее, начало пути: именно благодаря обнаружению себя самого, сознанию собственного бытия в нас зарождаются все самые существенные вопросы, ориентирующие в трансцендентное и подтверждающие нашу причастность ему. Вопросы, но не ответы. Откуда явился сей мир, почему мы находимся в нем, зачем обладаем телом и следуем собственной судьбе, что было в прошлом, за горизонтом забвения, и что ожидает нас в будущем, в чем смысл и причина всего и так далее без конца. Мы даже не знаем, каким образом душа связана с телом и миром, и хотя в философии на этот счет существует множество разных теорий, все они, в сущности — предположения, соображения и догадки, а не ответ. Связь воспринимающего с воспринимаемым непостижима ни с помощью разума, ни обращением внутрь¹.

¹ В мифическом мышлении, как говорят, не было разделения на «я» и «не-я», на воспринимающего и воспринимаемое, но космос был неким единством. Однако нам это трудно даже вообразить, поскольку мы слишком укоренены в парадигме субъективного и объективного начал (если, конечно, это и в самом деле лишь парадигма), причем укоренены не только благодаря свойственному нам со времен Платона логическому, диалектическому, рациональному, а не мифическому мышлению, но также и экзистенциально. Тем не менее следы иного, мифического мышления все-таки можно отыскать еще и сегодня, и не только в поэзии, музыке, фольклоре или изобразительном искусстве, но даже и в классической философии, нередко стремящейся освободиться от парадигмы субъекта—объекта.

Возможно, окончательная истина и должна оставаться тайной, возможно, незнание истины и вместе с тем необходимость ее — основа природы человеческого существа, и его назначение вовсе не в том, чтобы найти смысл жизни, разгадку наличия мира, но в раскрытии тайны как таковой, в присутствии в ней. Ведь сокровенное, заблуждение, тайна доступны лишь конечному, ограниченному существу, через которого они только и могут быть постигнуты беспредельностью, включающей в себя всё и вся. Вот почему, вероятно, познания наши отнюдь не рассеивают наше неведение, а лишь раскрывают еще большую бездну его.

Однако не будем углубляться в подобные темы, поскольку они уведут нас от теории Аксенова, специально ограничившего ее непосредственным, а иногда и символическим или условным, пониманием «воспринимающего в нас начала». Достаточно того, что нам совершенно понятно, о чем идет речь, хотя это и невозможно объяснить.

Трансцендентальное движение воспринимающего начала по линии времени, ортогональной пространству (каковое движение, по Аксенову, и есть наша жизнь), последовательно раскрывает трехмерные сечения подлинного, неизменного мира, создавая иллюзию смены мгновений, всяческих перемен. В действительности же всё существует всегда — и прошлое, и будущее, и настоящее.

Разумеется, очень непросто понять, каким образом существует то, откуда мы уже ушли, например, то мгновение, когда в юные годы солнечный луч вдруг пронзил облака, открыв нам на миг небесные сферы, утерянный рай. Что означает, что это мгновение *есть*, если там больше нет нас? Однако не более понятно и *есть* настоящего: что означает, что *есть* всё вокруг и, главное, — я? Аксенов не предпринимает метафизического поиска сущности бытия, поскольку это не входит в его задачу, но поясняет существование прошлого и будущего наглядным

Иоганн Фихте, к примеру, приходит к выводу, что сознающее и познаваемое представляются нам различными исключительно благодаря природе нашего сознания и что нет необходимости в связи между субъектом и объектом, так как наше собственное существо и есть эта связь.

примером: *дорога не растет и не рушится вместе с движением путника.*

В пространстве-времени внешний мир неизменен и *есть*. Но как же онирические ландшафты, интеллектуальные сферы, сомнамбулические путешествия, мистические откровения, да и просто грёзы, фантазии, сны, настроения, чувства и мысли, в которых каждый из нас проводит жизнь? Не остаются ли они за бортом четырехмерной недвижной вселенной, поскольку не пребывают в эмпирическом пространстве?

Хотя Аксенов и говорит о «трехмерном сечении четырехмерного мира», понимает под этим вовсе не то, что имеют в виду представители новой науки — не теоретическое трехмерное пространство, в котором размещены всякого рода физические объекты, — но, скорее, всё актуальное настоящее, известное и неизвестное, включающее всё существующее в данный момент. Это можно заключить, допустим, из замечаний, что воспринимающее в нас начало имеет дело не только со зримым миром, но и с «процессами, совершающимися в нашем теле и нашей душе». Или, еще лучше, из следующего пассажа.

«Мы воспринимаемъ не только объекты внѣшняго міра¹, но и объекты, явленія нашего міра внутренняго. Мы воспринимаемъ, напримѣръ, исходящую изъ извѣстнаго мѣста нашего тѣла боль, испытываемъ душевные движенія, чувства радости, горя, досады и пр., всѣ они исходятъ изъ пространства, но изъ пространства не внѣшняго, а изъ пространства внутренняго; объекты (включая и явленія) внѣшняго міра находятся во внѣшнемъ пространствѣ, объекты (включая сюда и явленія) внутренняго міра находятся во внутреннемъ пространствѣ. Значить, внѣшнее пространство есть пространство, лежащее внѣ нашего тѣла, а внутреннее пространство есть пространство, находящееся въ нашемъ тѣлѣ. Но мы только-что сказали, что образы всего, воспринимаемаго нами отъ внѣшняго міра, находятся въ нашемъ внутреннемъ пространствѣ, слѣдовательно, въ послѣднемъ находятся об-

¹ Выше было уточнено: «мы воспринимаем не сами объекты, а только их образы». (Прим. С. Ж.)

разы всего вообще нами воспринимаемого. Значить, воспринимающее въ насъ начало въ своемъ временномъ движеніи воспринимаетъ то, что уже лежало въ готовомъ видѣ в нашемъ внутреннемъ пространствѣ; всѣ объекты какъ нашего внѣшняго, такъ и нашего внутренняго воспріятія, какъ образы объектовъ внѣшняго міра, так и всѣ наши ощущенія, всѣ наши душевные движенія (эмоціи), всѣ наши мысли и желанія, словомъ, все содержаніе нашего сознанія написано во внутреннемъ пространствѣ нашего существа отъ вѣка вѣковъ». («Нѣтъ времени», 1913 г.)

Отсюда видно, что хотя Аксенов и предполагает некоторую локализацию воспринимающего начала в теле, в «пространстве внутреннем» (без какового предположения невозможно было бы говорить о метагеометрии), в то же время имеет в виду под этим пространством и мысли, и чувства — всё, что мы переживаем и сознаем. То есть «трехмерное сечение» — термин в известном смысле условный, в конечном счете обозначающий «здесь и теперь» — всё, посреди чего мы находимся и с чем имеем дело в данный момент, всё актуальное настоящее. В так понимаемом «здесь и теперь» даже само эмпирическое трехмерное пространство оказывается лишь частным случаем, одним из возможных миров, причем даже явленным нам не всегда, как, скажем, в трансах и снах.

В самом начале своего первого и основного трактата о пространстве-времени Аксенов заявляет, что если окончательно и не разрешил тезиса Канта, то по крайней мере значительно продвинулся на пути к его разрешению. Имеется в виду тезис о субъективности¹ пространства и времени, а также о «вещи самой по себе» (*Ding an sich selbst*). Придерживаясь позиции Канта и многих других философских позиций, в том числе отчасти и позитивистских, Аксенов не подвергает сомнению саму идею «объективного мира», существующего независимо от человека, прочих разумных и неразумных существ. Но, как и Кант,

¹ Следует различать два вида субъективности — индивидуальную и свойственную человеческому архетипу вообще. В данном случае речь идет исключительно о последней.

он сдвигает этот мир за горизонты доступного и полагает его трансцендентальным. Всё, что мы видим и знаем, каким-либо образом способны постичь, пока остаемся людьми — иллюзия, в лучшем случае проекции, отблески подлинного, но никак не объективный мир.

Что же такое пространство-время Аксенова? По сути дела, оно — это *эскиз* или *представление* (самое общее и условное, но все-таки *представление*) трансцендентального объективного мира. Намечен даже и некоторый облик «вещей самих по себе», пусть в основном и «предметных», понимаемых как целостные и неизменные пространственно-временные реалии. Имея в виду это *представление*, становится вполне очевидной иллюзорность таких исходных понятий «трехмерных» существ, как движение, изменение, причина и следствие, воля и действие, даже рождение и смерть. «В реальном, четырехмерном, мире нет становления, в нем есть только бытие (*l'être, Sein*)», — пишет Аксенов.

Хотя вневременной мир, вещи сами по себе и недоступны для нас, эта концепция в каком-то приближении все-таки позволяет о них говорить.

«...метагеометрическая философія приводить насъ къ заключенію о субъективности, призрачности времени, измѣненія, движенія (эмпирическаго), свободы воли, самой воли, дѣйствія, причинности, даже самого нашего (трехмѣрнаго) пространства, — к заключенію, что въ дѣйствительности существуетъ только недоступное нашему воспріятію, трансцендентальное (четыrehмѣрное) пространство и трансцендентальное наше въ немъ движеніе (движеніе воспринимающаго въ насъ начала, нашего сознанія, нашего я, нашей души, словомъ, трансцендентальной части нашего существа) по линіи времени, по четвертому измѣренію, что на самомъ дѣлѣ время есть это движеніе, временное слѣдованіе объектовъ нашего воспріятія есть трансцендентальная ихъ возлѣположенность въ направленіи этого нашего движенія, измѣненіе есть разнородность въ направленіи временного нашего движенія трансцендентального объек-

та соотвѣтствующаго измѣняющемуся объекту, движеніе (эмпирическое) есть трансцендентальнопространственное положеніе трансцендентальнаго объекта соотвѣтствующаго движущемуся объекту, воленіе есть трансцендентальное предвидѣніе и что дѣйствіе и причинность — фикціи, т. е. что онѣ не имѣютъ никакого коррелата, ничего соотвѣтственнаго въ реальномъ, дѣйствительномъ, четырехмѣрномъ мірѣ». («Нѣтъ смерти», 1918 г.)

Стоит обратить внимание на один интересный момент: некоторые реалии преходящего мира раскрываются в четырехмерном (объективном) пространстве в ином, более подлинном ракурсе, как, например, временное следование объектов восприятия, изменение, эмпирическое движение, свободная воля и прочее, а некоторые не имеют вообще «никакого коррелата», как, например, причинность и действие. То есть не все реалии мира перемен суть отражения, пусть искаженные, объективного мира: есть и такие, для которых не существует никакого прообраза. Последние — это иллюзии, заблуждения, ложь, имеющие место (и, соответственно, доступные постижению) лишь в нашем мире, больше нигде. Иными словами, и в нашем мире есть вещи, полностью скрытые от «трансцендентальных существ». Где и как они зарождаются, откуда приходят в наш мир? Если происхождение простых заблуждений, иллюзий, ошибок, намеренной лжи еще можно как-то отслеживать и объяснять ограниченностью разума, темными интенциями нашего несовершенного существа, то намного сложнее с иллюзиями трансперсональными, тем более архетипическими — пространством и временем, волей, движением, жизнью и смертью. И совсем непонятен сам человеческий архетип как главный источник иллюзий: почему наше тело, к происхождению коего мы не имеем никакого отношения, ввергает нас в лабиринт этих бесчисленных заблуждений и миражей? Должно ли нам искать выход из них, или же некогда всё с необходимостью разрешится «само собой»?

В отношении этих проблем Аксенов иногда намекает на Священное Писание, на Ветхого и Нового Адама, иногда — на «эволюционный процесс», заключающийся в постепенном пере-

ходе от мира становления, исполненного движений и перемен, к миру реального, неизменного бытия: от существ одномерных к двумерным, трехмерным, четырехмерным, потом пятимерным и дальше. Этот процесс отнюдь не стихийный, обязанный случаю, «внешней среде», но предустановленный и предопределенный кем-то или чем-то, бесконечно превышающим нас. «Эволюция» желудя в дуб — не усилия желудя, не результат его приспособления к постоянно меняющейся окружающей среде ради собственного выживания, но заложена в желуде изначально, неведомо кем, как, зачем. Путь от младенца до старика, вся «эволюция» от инфузории до человека вовсе не созидательный путь, не достижения нашего вида, а просто развитие, рост, проявление уже спроектированного и осуществленного целого, некогда созданного или, быть может, в безвремяе, в «четырёхмерном пространстве» существующего всегда. Аксенов вспоминает, что пришел к своему воззрению на время благодаря в том числе мысли о «необъясненности, даже необъяснимости таких явлений, как то, что в ребенке, даже в зародыше, пробразованы физические и психические качества взрослого человека».

Следуя Канту, платоновской мифологеме вообще, Аксенов считает наш преходящий мир тенью реальности, лишь отблеском подлинного бытия. Космос людей обусловлен (даже в значительной степени порожден) их ограниченным разумом, композицией тела и органов чувств. Моменты прозрений редки и всегда необычны, однако они — основной ориентир. Направление поиска (или «развития») очевидно: от искаженной, надуманной, ложной картины вселенной к более полной и истинной, но пока недоступной, трансцендентальной. Такая позиция сегодня нам кажется вполне естественной и несомненной, но, надо заметить, не из-за своей онтологической убедительности, а лишь потому, что уже две тысячи лет является основой всех наших мировоззрений.

Мифологичность, сомнительность данной позиции хорошо различима с радикально иной точки зрения — со следующей, например. Совершенно не важно, чем полагать окружающий мир — иллюзией, сном, отражением неба в лунке с водой или не-

уничтожимой материей, непрерывно принимающей всё новые формы. Тем более не важно, из чего состоит всё вокруг — из молекул и атомов, субстанции сна, пустоты. Не важно и то, правда ли всё, что вокруг, или ложь. В конце концов всякое «здесь и теперь» — одна из возможностей бытия. Вся суть заключается в том, что «здесь и теперь» каким-то немислимым образом *есть*. Трансцендентное — это не проблески скрытой картины вечной вселенной, но именно всё, что вокруг, как явственность этого *есть*. Направление поиска будет другое: не к толкованию зримого сущего или раскрытию неведомых нам измерений, законов и перспектив, лишь неограниченно расширяющих мир, но к существованию как таковому, к самому бытию. Где бы и кем бы мы ни были, мы действуем там, где мы есть, в настоящем, и каждый миг раскрывается как трансцендентное, которое непостижимо, но всюду вокруг. Сталкиваясь с существованием как таковым, которое не является ни воспринимаемым, ни воспринимающим, ни сущим, ни несущим, вообще ничем из того, что можно помыслить, почувствовать или вообразить, оказываются перед изначальной бездной, у самых основ мироздания, где более нет никаких расчерченных карт, ориентиров, порядков, путей.

Установив иллюзорность многих реалий нашего мира, Аксенов, как мы отмечали, не всегда отбрасывает их как несущественные заблуждения, но часто стремится найти их прототипы в трансцендентальном пространстве. Особенно это касается фундаментальных реалий, не только необходимых для навигации в ограниченном трехмерном мире, но и определяющих метафизический статус человека вообще. Свободная воля, к примеру. Ввиду ее значимости, Аксенов не отрицает данной свободы, но переносит в трансцендентальное измерение: свобода воли — фикция в эмпирическом мире, но, предположительно, существует в четырехмерном — как свободный выбор «трансцендентальным нашим субъектом» своего «воплощения», собственной судьбы в мире перемен, путями которой по неведомым нам здесь причинам ему необходимо пройти. Эмпирическое движение — фикция, однако происходит из движения трансцендентального субъекта по линии времени. Трехмерный

предмет есть иллюзия ввиду мимолетности и необъяснимости его бытия, однако предмет четырехмерный уже более понятен, поскольку целостен и неизменен, и существует всегда. Обычного времени нет, однако остается трансцендентальное время, связанное с движением нашего «я» в направлении, ортогональном пространству. Нетрудно заметить, что трансцендентальные прототипы времени, воли, движения или предмета вовсе не раскрывают их существо, как таковые они остаются загадкой, тем более остается загадкой сущность и смысл бытия. Разумеется, требовать от трансцендентально-кинетической теории ответов на эти вопросы излишне и неуместно, более чем достаточно и того, что за пределами настоящего найдены поистине необозримые ландшафты сущего. И сам Аксенов, хотя и верил в свою философию, все же не считал ее окончательной разгадкой всего, но лишь началом, лишь первым шагом к иным перспективам вселенной, к иной глубине.

«Значить, метагеометрическая моя философия не вводит насъ въ царство реального? Да. Но если она и не вводит насъ въ него, если она углубляетъ кладезь, таящій въ себѣ истину, если она только усугубляетъ загадочность сущаго, то все-таки она хоть на одну ступень да подымаетъ нашъ интеллектъ по безконечной лѣстницѣ прогрессивнаго его шествованія, все-таки хоть на одинъ шагъ да приближаетъ насъ къ горизонту реальности». («Нѣтъ смерти», 1918 г.)

Что касается интереса Аксенова к мистике, паранормальным способностям, вообще к сверхъестественному, то это, как уже ясно из сказанного, — вполне адекватное, логическое следствие его теории. Все, размышлявшие о четвертом измерении с позиций первой науки, неизменно приходили к тому же. Раз пространственно-временная картина вселенной создается нашим умом, определяется структурой нашего восприятия, конституцией нашего существа, то последнее и само с необходимостью оказывается под вопросом. Проблески вневременного видения, раскрывающего подлинный, вернее, «более подлинный» мир, должно искать в нашем сознании, в нас самих. Утопающий,

перед которым в последние секунды до мельчайших подробностей предстаёт вся его жизнь, для мыслителей подобного рода куда интереснее, чем ряды стройных формул в координатной системе x, y, z, t .

Но вневременное измерение может открыться и «в здравом уме»: вспомним, допустим, греческую трагедию, где зрителю перед началом представления излагается весь сюжет. Развитие событий, интригующие ожидания разрешения ситуаций, надежды зрителя, а также крушения этих надежд становятся не важны. Нет увлеченности будущим, каждая сцена более не устремлена к последующей, а интересна сама по себе. При этом она не становится чем-то отдельным и самостоятельным, ярким самодостаточным эпизодом, не связанным с прошлым и будущим, но воспринимается именно как часть всего действия, открытого в целом и зримого так же, как и происходящее в данный момент. Всё, свершающееся в каждой сцене, из преходящего и мимолетного преображается в трансцендентное, смещается во вневременное измерение, становится самоценным и изначальным, но явленным в некоем единстве со всем, что прошло, и всем, что должно наступить. Как солнечный блик на снегу, когда видят не только его, но и солнце, и небо, и бесконечную белую даль.

Тексты Аксенова в настоящем издании мы приводим в дореволюционной грамматике, так сказать, в аутентичном виде, поскольку при переводе на современный язык пропадает так или иначе присутствующий на втором плане контекст тех времён, в котором всё сказанное, а также сама логика и стиль изложения, раскрываются много яснее и лучше, нежели в дистиллированной атмосфере современной редакции. Не кажутся неуместными даже буквальные повторения в последующих книгах фрагментов предыдущих, чтобы снова, но шире и глубже, разъяснить нам их смысл. Во всяком случае читатель неким образом оказывается в самом начале раскрытия темы, которая предстает перед ним во всей новизне и философической проблематичности. Совсем по-другому, чем если, читая Аксенова, считают его размышле-

ния лишь первым, наивным и во многом ошибочным, шагом к научным пространственно-временным моделям вселенной, ныне обыденным и привычным.

«Для такого челоѡѡка (довольствующегося общепринятым. — прим. С. Ж.) въ окружающемъ его мїрѣ нѣтъ загадокъ; всё въ нёмъ для него хрустально прозрачно, ясно, какъ день. Не то для философа: для него всё — тайна, всё — загадка, весь мїръ для него — сплошной вопросительный знакъ: и свободное паденіе тѣлъ, и завываніе вѣтра, и шелестъ листьевъ, и щебетаніе птицъ, и небо, и звѣзды, и жизнь, и смерть». («Нѣтъ смерти», 1918 г.)

Несомненно, что и ученым, для которых пространство-время давно уже сделалось понятіемъ обиходным, и философам, и широкому кругу читателей, но, главнымъ образом, тем, для кого тайна бытія не абстрактный диалектический вопрос, а самая что ни на есть реальность, будетъ весьма интересно познакомиться съ уникальной гипотезой Митрофана Семеновича Аксенова, приоткрывающей панораму трансцендентальной вселенной.

Сергей Жигалкин

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

Издание 1896 года

ΤΡΑΝΣΕΝΔΕΝΤΑΛΗΝΟ-ΚΙΝΗΤΙΚΗΣΚΑ΢ ΤΕΟΡΙΑ ΒΡΕΜΕΝΙ

Ἰδέ γάρ ἀνδρώποὺς οἷον ἐν καταγείῳ οἰκήσει σπηλαιώδει, ἀναπεπταμένην πρὸς τὸ φῶς τὴν εἴσοδον ἐχούση μακρὰν παρ' ἅπαν τὸ σπήλαιον, ἐν ταύτῃ ἐκ παιδῶν ὄντας ἐν φεσμοῖς καὶ τὰ σκέλη καὶ τοὺς αὐχένας, ὁσ-τε μένειν τε αὐτοῦ εἰς τε τὸ πρόσθεν μόνον ὄραν,... φῶς δὲ αὐτοῖς πυρὸς ἀνωθεν καὶ πόρρωθεν καόμενον ὁπίσθεν αὐτῶν, μεταξὺ δὲ τοῦ πυρὸς καὶ τῶν δεσμιωτῶν ἐπάνω ὁδόν, παρ' ἣν ἰδὲ τειχίον παρφαδομημένον,... Ὁρῶ, ἔφη. Ὅρα τοίνυν παρὰ τοῦτο τὸ τειχίον φέροντας ἀνδρώποὺς σκεύη τε παντοδαπὰ ὑπερέχοντα τοῦ τειχίου καὶ ἀνδριάντας καὶ ἄλλα ζῶα... Ἄτοπον, ἔφη, λέγεις εἰκόνα καὶ δεσμιώτας ἀτόπους. Ὁμοίους ἡμῖν, ἦν δ' ἐγὼ. τοὺς γὰρ τοιοῦτους... ἑαυτῶν τε καὶ ἀλλήλων οἶε ἂν τι ἐωρακέναι ἄλλο πλην τὰς σκιὰς τὰς ὑπὸ τοῦ πυρὸς εἰς τὸ καταντικρὺ αὐτῶν τοῦ σπηλαίου προσιππιούσας Πῶς γάρ, ἔφη, εἰ ἀκινήτους γε τὰς κεφαλὰς εἴχουσιν ἡναγκασμένοι εἶεν διὰ βίου.

(Πλάτων Πολιτεία. Ζ)¹

«Извѣстно всему міру, какой крѣпкій орѣхъ предложилъ разгрызть записнымъ метафизикамъ К а н т ъ своею теоріею пространства и времени; 90 лѣтъ уже грызутъ его и все съ нимъ не покончили». — Такъ говорилъ Л и б м а н ъ 20 лѣтъ назадъ², такъ скажемъ и мы. Болѣе 100 лѣтъ грызутъ этотъ двойной

¹ *Сократъ*. Представь себѣ подземную пещеру съ обширнымъ входомъ, обращеннымъ къ свѣту, и одинаковую по всей своей длинѣ. Вообрази, что въ ней съ дѣтства живутъ люди съ цѣпями на ногахъ и шеѣ, такъ что они не двигаются и могутъ смотрѣть только впередъ. Положимъ, что издали сверху и сзади на узниковъ падаетъ свѣтъ отъ горящаго огня, что между этимъ огнемъ и ими идетъ вверхъ дорога, вдоль которой построена невысокая стѣна. *Главконъ*. Хорошо. *Сократъ*. Допустимъ, что за этой стѣной люди несутъ разные сосуды, статуи людей и изображения другихъ существъ, выдающіеся надъ стеной. *Главконъ*. Твоя картина — небывалая, и узники — тоже. *Сократъ*. Они похожи на насъ. Въ самомъ дѣлѣ. Думаешь ли ты, что кто-либо изъ нихъ можетъ замѣтить что-либо въ себѣ самомъ или въ себѣ подобныхъ кромѣ тѣней, которыя благодаря свѣту падаютъ на противоположную часть пещеры? *Главконъ*. Конечно, это немыслимо, коль-скоро они принуждены держать голову неподвижно въ теченіе всей жизни. («Республика» Платона. Кн. 7).

² *Liebmnn*: «Zur Analysis der Wirklichkeit». 1876. S. 45.

орѣхъ, даже, собственно говоря, не грызутъ его, а больше разсуждаютъ о томъ, какъ его грызть, сразу ли весь или одну изъ его половинъ и какую именно впередъ, а орѣхъ остается все цѣлымъ. Смѣю думать, что благодаря десятилѣтнимъ усиліямъ моимъ, результатомъ которыхъ служить предлагаемая мною теорія, одинъ изъ орѣховъ, образующихъ преподнесенный К а н т о мъ орѣхъ, если и не раскололся, то надтреснулъ.

Начну съ вопроса, находящагося въ неразрывной, органической связи съ вопросомъ о времени, съ вопроса объ *измѣненіи*, и попрошу читателя стать на слѣдующую точку зрѣнія.

Всѣ объекты нашего воспріятія простираются и въ четвертое измѣреніе, такъ что трехмѣрные для насъ объекты на самомъ дѣлѣ четырехмѣрны, *трансцендентально-эстетическая* же точка, звукъ, имѣетъ одно измѣреніе, четвертое¹. Всѣ объекты четырехмѣрнаго пространства пребываютъ въ абсолютномъ покоѣ, воспринимающее же въ насъ начало² непрестанно совершаетъ несознаваемое нами движеніе въ направленіи четвертаго измѣренія, по нормали къ нашему, трехмѣрному пространству. — Такъ какъ, во-первыхъ, мы — существа трехмѣрныя, а значить, существа, не способныя воспринимать объекты пространства четырехмѣрнаго, возвратиться же вспять по пути психическаго нашего движенія въ этомъ пространствѣ мы не можемъ, а во-вторыхъ, это наше движеніе нами не сознается, то, во-первыхъ, мы принимаемъ воспринимаемыя нами перпендикулярныя направленію четвертаго измѣренія трехмѣрныя сѣченія четырехмѣрнопространственныхъ объектовъ за *цѣлые* объекты, а во-вторыхъ, намъ кажется, что

¹ Хотя трансцендентально-эстетическія особенности звука и нѣкоторыхъ другихъ объектовъ нашего воспріятія намекаютъ намъ на существованіе въ четырехмѣрномъ пространствѣ (какъ цѣлыхъ объектов, а не какъ предѣловъ объектовъ четырехмѣрныхъ) объектовъ, имѣющихъ только четвертое измѣреніе, четвертое измѣреніе + одно или два измѣренія нашего пространства, однако при употребленіи въ послѣдующемъ изложеніи нашемъ выраженія «четырехмѣрнопространственные объекты» мы будемъ имѣть въ виду почти исключительно объекты четырехмѣрные.

² Нѣтъ надобности намъ пока въ изслѣдованіи его природы и въ точнѣйшемъ словесномъ его выраженіи.

движется гдѣ-то (гдѣ, мы не можемъ опредѣлить, вслѣдствіе сокровенности для насъ четырехмѣрнаго пространства; знаемъ только, что не въ нашемъ пространствѣ) не то, что воспринимаетъ въ насъ, а все, нами воспринимаемое, включая сюда и собственное наше тѣло.

Чѣмъ же окажется съ этой точки зрѣнія измѣненіе? А вотъ чѣмъ. Если четырехмѣрнопространственный объектъ тождественъ въ направленіи четвертаго измѣренія, будутъ тождественны и всѣ его перпендикулярныя этому направленію трехмѣрныя сѣченія, и намъ будетъ казаться, что представляющій одно изъ таковыхъ сѣченій воспринимаемый нами соотвѣтственный объектъ пребываетъ неизмѣннымъ: если же вышепоименованный объектъ въ направленіи четвертаго измѣренія нетождественъ, будутъ нетождественны и всѣ вышепоименованныя его сѣченія, и намъ будетъ казаться, что представляющій одно изъ таковыхъ сѣченій воспринимаемый нами соотвѣтственный объектъ измѣняется. Это относится какъ къ измѣненію качественному, такъ и къ измѣненію количественному. Если вышепоименованныя сѣченія четырехмѣрнопространственного объекта тождественны по величинѣ, намъ будетъ казаться, что представляющій одно изъ нихъ воспринимаемый нами соотвѣтственный объектъ не измѣняется въ своей величинѣ, въ противномъ случаѣ намъ будетъ казаться, что онъ увеличивается или уменьшается¹.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что измѣняются и уничтожаются не объекты дѣйствительные, объекты четырехмѣрнаго пространства², а объекты нашего воспріятія, проекціи, «тѣни»³

¹ Все сказанное нами относительно измѣненія справедливо безъ всякихъ ограниченій только въ случаѣ пребыванія объекта нашего воспріятія въ состояніи неподвижности. О причинѣ этого будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

² Въ своей книгѣ «Des erreurs et de la vérité», надѣлавшей много шуму въ концѣ прошлаго столѣтія, а теперь забытой, С. Мартинъ говоритъ: «Міръ нашъ подверженъ разрушенію, потому что онъ построенъ о трехъ измѣреніяхъ; если бы онъ былъ построенъ о четырехъ измѣреніяхъ, онъ былъ бы вѣченъ».

³ См. Эпиграфъ.

объектов дѣйствительныхъ, и измѣняются и уничтожаются только для насъ, словомъ, что явленіе измѣненія и уничтоженія есть иллюзія, порождаемая трехмѣрностью нашей природы и непрестаннымъ движеніемъ воспринимающаго въ насъ начала въ недоступномъ нашему воспріятію четырехмѣрномъ пространствѣ. Вызываемая необходимостью примиренія факта объективнаго свойства четырехмѣрнопространственныхъ объектовъ, нетождественности ихъ въ направленіи четвертаго измѣренія, съ фактомъ субъективной особенности нашего духа, *наложенія* воспринимаемыхъ нами сѣченій этихъ объектовъ другъ на друга, наложенія, обусловливаемого трехмѣрностью нашей природы, неуничтожимость матеріи должна уступить мѣсто неуничтожимости реальныхъ четырехмѣрнопространственныхъ объектовъ; отдѣленіе реально нераздѣльных формы и содержанія воспринимаемыхъ нами объектовъ должно быть признано вызываемымъ тою же необходимостью, но не имѣющимъ соотвѣтствія въ реальномъ мірѣ актомъ дѣятельности нашего духа, и возведеніе легшаго краеугольнымъ камнемъ въ основу современнаго естествознанія ученія о неуничтожимости матеріи должно быть признано не «приближеніемъ нашимъ къ объективному горизонту явленій», а чисто субъективнымъ актомъ нашего духа, выходямъ изъ необходимости (*modus vivendi*).

Итакъ, мы воспринимаемъ не *цѣлые* объекты, не объекты, какими они существуютъ «въ себѣ», но объекты, нами созданные, отсѣкаемые нашимъ духомъ отъ реальныхъ объектовъ *части* и уже въ силу одного этого слова Апостола Павла, что «человѣческое знаніе есть знаніе частичное», имѣютъ глубокое значеніе. Такимъ, дѣлающимъ насъ до нѣкоторой степени существами метафизическими, воспріятіемъ нами *по частямъ* объектовъ, не доступныхъ нашему воспріятію *во всей ихъ цѣлости*, для насъ трансцендентальныхъ, мы обязаны движенію воспринимающаго въ насъ начала въ трансцендентальномъ для насъ четырехмѣрномъ пространствѣ. Это движеніе не сознается нами потому, что имъ обусловлено движеніе всего, нами воспринимаемаго, и е с л и б ы о б ъ -

екты четырехмѣрнаго пространства были тождественны въ направленіи четвертаго измѣренія, мы не только не сознавали бы, какъ не знаемъ и теперь, движенія воспринимающаго въ насъ начала, но у насъ не могло бы явиться и самаго представленія *линии времени*.

Ставъ на вышеуказанную точку зрѣнія, легко прійти къ заключенію, что количественное существованіе объектовъ нашего воспріятія есть количественное протяженіе ихъ по четвертому измѣренію, а качественное существованіе ихъ есть качественное протяженіе ихъ по этому измѣренію.

Уже сказаннаго нами вполне достаточно для истиннаго уразумѣнія ученія Канта о времени, равно какъ и для рѣшенія вопроса о томъ, правы или нѣтъ, и если правы, то насколько, натулисты. Моя теорія времени даетъ, такъ сказать, плоть и кровь наименованію Канта о времени «формой» нашего воспріятія, равно какъ и содѣйствуетъ уразумѣнію истиннаго смысла его опредѣленія формы какъ «того, что сообщаетъ распорядокъ содержанію» воспріятія, воспринимаемому. То или другое (со стороны направленія) движеніе воспринимающаго въ насъ начала въ четырехмѣрномъ пространствѣ «будетъ сообщать тотъ или другой распорядокъ» нами въ немъ воспринимаемому: было бы, напримѣръ, направленіе нашего временнаго движенія діаметрально противоположно такому нашему движенію дѣйствительному, мы воспринимали бы въ обратномъ порядкѣ нами воспринимаемое, вслѣдствіе чего «жизнь міра» подверглась бы невообразимому измѣненію¹. Далѣе. Моя теорія даетъ возможность съ неоставляющею желать ничего большаго точностью рѣшить вопросъ о томъ, насколько время идеально, насколько оно реально. Оно идеально постольку, поскольку оно

¹ Укажемъ только на то, что тогда началомъ существованія существа была бы его смерть, а концомъ — его рожденіе, и теченіе всей его жизни совершалось бы въ обратномъ порядкѣ.

есть движеніе воспринимающаго въ насъ начала; оно реально постольку, поскольку это движеніе совершается хотя и въ недоступномъ нашему воспріятію, для насъ трансцендентальномъ, но реальномъ пространствѣ. — Что касается вопроса о заключающемся въ ученіи нативистовъ зернѣ истины, то въ отвѣтъ на него предлагаю слѣдующую, находящуюся въ полномъ согласіи съ моею теорією, гипотезу. Я представляю себѣ трансцендентально-эстетическое развитіе человѣка такъ. Путь этого его развитія въ прошломъ состоялъ въ рядѣ слѣдующихъ родовъ движенія воспринимающаго въ немъ начала: въ движеніи этого его начала по одному изъ измѣреній нѣкоторой плоскости нашего трехмѣрнаго пространства, и тогда онъ былъ существомъ одномѣрнымъ; въ движеніи этого его начала по прямой перпендикулярной къ плоскости предыдущаго психическаго его движенія, и тогда онъ былъ существомъ двумѣрнымъ. Теперь воспринимающее въ немъ начало совершаетъ движеніе по нормали къ пространству, координатами котораго служатъ: путь предшествовавшаго движенія воспринимающаго въ немъ начала и координаты вышесказанной плоскости, т. е. по нормали къ нашему пространству. Настоящее движеніе воспринимающаго въ немъ начала имѣетъ смѣниться движеніемъ этого его начала по пятому измѣренію, т. е. по нормали къ пространству, координатами котораго будутъ служить: путь теперешняго временнаго его движенія и координаты теперешняго его пространства, по нормали къ представляемому имъ себѣ до нѣкоторой степени пространству четырехмѣрному. Тогда онъ будетъ существомъ четырехмѣрнымъ.

Не вдаваясь въ подробное изложеніе историческаго развитія ученія о времени, для меня необязательное да и мало плодотворное, не могу обойти молчаніемъ слѣдующаго. Идея о «внѣвременномъ бытіи въ себѣ», о томъ, что возникновеніе и уничтоженіе существуютъ только «для насъ», носились въ смутныхъ очертаніяхъ предъ внутреннимъ взоромъ многихъ философовъ, и С п и н о з а полагалъ рѣзкое различіе между *безконечнымъ временемъ и вѣчностью*. Далѣе. Л ю т е р ъ ска-

заль, что «Богъ зрѣть время не въ *продольномъ*, а въ *поперечномъ направленіи*; для Него все, растянутое для насъ во времени, собрано какъ бы въ *одну кучу*». Что, изрекая эти слова, Лютеръ догадывался насчетъ истиннаго положенія дѣла, смотрѣлъ на время съ моей точки зрѣнія, это просвѣчиваетъ въ нихъ съ полною ясностью; поражаетъ только на первый взглядъ то, что, стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ долженъ бы былъ сказать какъ разъ наоборотъ, а именно, что Богъ зрѣть время въ *продольномъ направленіи*. Это очень просто объясняется тѣмъ, что Лютеру и его современникамъ было совершенно неизвѣстно ученіе о многомѣрности пространства; не зная же ничего о четвертомъ измѣреніи, онъ, естественно, долженъ былъ «собирать въ кучу растянутое» въ этомъ измѣреніи. Наконецъ, не могу обойти молчаніемъ и слѣдующаго. Гербертъ Спенсеръ, въ своей «Психологіи», разсуждая объ измѣненіи, претерпѣваемомъ «непознаваемымъ» при нашемъ его воспріятіи, и прибѣгая для уясненія этого измѣненія къ аналогіи измѣненія, претерпѣваемаго элементами куба при проектированіи ихъ на поверхность цилиндра, ни однимъ словомъ не обмолвился насчетъ того, что произошло бы съ проекціею этихъ элементовъ на эту поверхность, если бы послѣдняя была приведена въ движеніе. Я не сомнѣваюсь ничуть, что разъ ему пришла бы въ голову мысль, онъ построилъ бы (конечно, съ большимъ искусствомъ и большею полнотою, чѣмъ я), мою теорію времени.

Изложивъ основные начала моей теоріи, обращаюсь къ болѣе подробному ея развитію; но прежде чѣмъ сдѣлаю это, считаю необходимымъ отвѣтить на два вопроса, естественно возникающіе при чтеніи предыдущаго.

Повидимому, моя теорія, подобно множеству метафизическихъ теорій, страдаетъ общемою всѣмъ имъ болѣзнью, именуемою въ логикѣ *petitio principii*, или, выражаясь математическимъ языкомъ, грѣшитъ тѣмъ, что въ даваемую ею для опредѣленія *X* формулу входитъ *X*. Если согласно моей теоріи время есть движеніе, движеніе же немислимо внѣ времени, то возникаетъ вопросъ: строя мою теорію, не верчусь ли я, какъ бѣлка въ колесѣ? Отнюдь нѣтъ, и вотъ почему. Согласно моей

теоріи, время есть движеніе не тѣла нашего, но самого, недоступнаго нашему воспріятію, для насъ трансцендентальнаго, воспринимающаго въ насъ начала, и движеніе не въ нашемъ, но, опять-таки, въ недоступномъ нашему воспріятію, для насъ трансцендентальномъ, четырехмѣрномъ пространствѣ, а значить, оно есть движеніе насквозь трансцендентальное. Это движеніе не можетъ *обниматься* нашимъ временемъ, какъ глазъ не можетъ видѣть самого себя; и если доступно нашему представленію, то при помощи играющей въ этомъ случаѣ такую же роль, какую играетъ при видѣніи глазомъ себя въ зеркалѣ зеркало, аналогіи. Это движеніе могло бы обниматься только временемъ *высшаго порядка*, временемъ, которое получилось бы въ результатѣ движенія воспринимающаго начала существа, обладающаго способностью воспріятія пространства числа измѣреній, превышающаго на единицу число измѣреній нашего пространства, по нормали къ такому пространству, т. е. въ результатѣ движенія въ направленіи пятаго измѣренія воспринимающаго начала существа четырехмѣрнаго. Если мы представимъ себѣ идеальную лѣстницу существъ, воспріятію которыхъ доступны: одно, два, три измѣренія нашего пространства, три измѣренія нашего пространства + наше четвертое, четыре такіа измѣренія + наше пятое и т. д., то движеніе воспринимающаго начала такого одномѣрнаго существа по другому измѣренію нашего пространства дастъ *время перваго порядка*, движеніе воспринимающаго начала такого двумѣрнаго существа по третьему измѣренію нашего пространства дастъ *время второго порядка*, движеніе воспринимающаго начала такого трехмѣрнаго существа (человѣка) по нашему четвертому измѣренію дастъ *время третьяго порядка*, движеніе воспринимающаго начала такого четырехмѣрнаго существа по нашему пятому измѣренію дастъ *время четвертаго порядка* и т. д. Движеніе перваго рода обнималось бы временемъ второго порядка (совершалось бы во времени существа второго рода, даже могло бы быть для него эмпирическимъ, доступнымъ его воспріятію, если бы было доступно его воспріятію воспринимающее начало существа перваго рода), но отнюдь

не временемъ перваго порядка, самимъ собою; движеніе втораго рода обнималось бы временемъ третьяго порядка (нашимъ временемъ, даже могло бы быть для насъ эмпирическимъ, если бы нашему воспріятію было доступно воспринимающее начало нашего гипотетическаго двумѣрнаго существа), но отнюдь не временемъ втораго же порядка, самимъ собою; наконецъ, движеніе третьяго рода, наше временное движеніе, обнималось бы временемъ четвертаго порядка (даже могло бы быть эмпирическимъ для нашего гипотетическаго четырехмѣрнаго существа, если бы его воспріятію было доступно воспринимающее въ насъ начало), но отнюдь не временемъ третьяго порядка, нашимъ же временемъ. — Отсюда следуетъ, что мою гипотезу, гипотезу трансцендентальнаго движенія, нельзя упрекнуть, какъ можно упрекнуть многія другія метафизическія гипотезы, въ недостаткѣ скромности и точности: она разрѣшаетъ въ пространство опредѣленное, четырехмѣрное, и въ движеніе тоже опредѣленное, въ психическое наше движеніе по четвертому измѣренію, время третьяго порядка, наше время, а не время вообще. Но хотя освѣщаемая свѣтомъ моей гипотезы сфера ограничена, она освѣщается имъ съ такою ясностью, что въ ней отчетливо можно видѣть многое, чего вовсе нельзя было видѣть при тускломъ свѣтѣ широкоувѣщательныхъ метафизическихъ системъ. Въ доказательство укажу только на представленную мною градацію родовъ времени, которая умножится еще больше, если мы примемъ во вниманіе, что на каждой изъ ступеней вышепоименованной лѣстницы существъ можетъ находиться нѣсколько *неодинаково равномѣрныхъ* существъ съ *неодинаковымъ* временнымъ движеніемъ; такъ, можно представить себѣ нѣсколько неодинаково трехмѣрныхъ существъ съ неодинаковымъ временнымъ движеніемъ, наприкладъ, существо нашего трехмѣрнаго пространства и такое трехмѣрное существо, воспріятію котораго доступны два измѣренія нашего пространства + наше четвертое измѣреніе и воспринимающее начало котораго совершаетъ движеніе по третьему изъ остальныхъ измѣреній нашего пространства.

Другой вопросъ, естественно рождающійся при чтеніи вышеизложеннаго, состоитъ въ слѣдующемъ: почему я, оставивъ въ сторонѣ изслѣдованіе возникающей при объясненіи съ моей точки зрѣнія явленія измѣненія дилеммы движенія воспринимающаго въ насъ начала и движенія воспринимаемаго и не потрудившись доказать невозможность допущенія второго движенія, становлюсь на сторону перваго? Становлюсь я на сторону допущенія движенія воспринимающаго въ насъ начала потому, что на это есть одно отрицательное основаніе, и потому, что въ пользу этого говоритъ одно соображеніе. Допущеніе движенія объектовъ четырехмѣрнаго пространства было бы равнозначно допущенію существованія въ этомъ пространствѣ *пустоты*. Кроме того, стать на сторону допущенія такого движенія препятствуетъ слѣдующее соображеніе. Думать серьезно, что все воспринимаемое нами (не только внѣшній міръ, но и наше тѣло, наши мысли, чувствованія и желанія, словомъ, все наше феноменальное я) совершаетъ движеніе и непрестанною келейдоскопическою своею смѣною, по волѣ какой-то благосклонной къ намъ силы, тѣшитъ нашъ взоръ, значить проповѣдывать крайне наивный *метафизическій геоцентризмъ*. (Трепещущей на лепесткѣ цвѣтка капль росы, если бы она была одарена сознаниемъ отраженія ею и неба, и окрестныхъ горъ, и другихъ растущихъ подлѣ цвѣтка, на которомъ находится она, цветовъ, и такихъ же, какъ она, капель росы на нихъ, но лишена сознания своего собственнаго движенія, казалось бы, что трепещетъ не она, но все, ею отражаемое).

Сдѣлавъ необходимое, по моему мнѣнію, вступленіе, обращаюсь къ подробному развитію моей теоріи.

Разъ я кладу въ ея основаніе движеніе, я обязанъ дать powerful отвѣты на слѣдующіе вопросы: А) Что именно въ насъ совершаетъ временное движеніе? В) Въ какой оно совершается средѣ? С) Каковъ геометрический видъ пути этого движенія? D) Каково его направленіе? E) Съ какою оно совершается скоростью, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи?

А) Такъ какъ моя теорія — теорія кинетическая, то для меня задача опредѣленія природы совершающаго въ насъ временное движеніе начала ограничивается опредѣленіемъ геометрическихъ его свойствъ.

1. Первый вопросъ, естественно возникающій при этомъ, есть вопросъ о числѣ измѣреній этого начала.

Уже прежде было нами сказано, что мы воспринимаемъ не цѣлые объекты, каковы они въ дѣйствительности, не объекты четырехмѣрнопространственные, но перпендикулярныя направленію четвертаго измѣренія трехмѣрныя ихъ сѣченія¹, и что эти сѣченія представляютъ продуктъ дѣятельности нашего духа. Теперь мы должны дознаться: чтó именно въ насъ производитъ эти сѣченія и почему они трехмѣрны?

Производить эти сѣченія воспринимающее въ насъ начало, которое, будучи трехмѣрнымъ и потому способнымъ къ воспріятію только трехмѣрнаго пространства и трехмѣрныхъ элементовъ, *отражая, разсѣкая* при своемъ движеніи въ четырехмѣрномъ пространствѣ его объекты, воспринимаетъ ихъ трехмѣрными. Только потому что оно трехмѣрно, трехмѣрно и воспринимаемое нами пространство, трехмѣрны и воспринимаемые нами объекты. Простиралось бы оно и въ четвертое измѣреніе на протяженіе, равное протяженію по этому измѣренію нашего тѣла (а значить, и органовъ нашего воспріятія), не было бы ему надобности совершать движенія въ четырехмѣрномъ пространствѣ, временное движеніе, такъ какъ оно воспринимало бы тогда четырехмѣрное пространство и его объекты не по частямъ, а заразъ; но такъ какъ оно трехмѣрно, то для *частичнаго* исчерпыванія четырехмѣрнаго пространства и его объектовъ ему необходимо совершать въ этомъ пространствѣ движеніе.

¹ Въ послѣдующемъ изложеніи нашемъ мы будемъ называть ихъ *временными сѣченіями*.

Только-что нами сказанное не исключаетъ возможности допущенія четырехмѣрности воспринимающаго въ насъ начала; напротивъ, допущеніе это является необходимостью: разъ мы допускаемъ существованіе четырехмѣрнаго пространства, ео ірсо мы должны допустить, что наше пространство по отношенію къ этому пространству идеально въ такой же мѣрѣ, въ какой идеальны по отношенію къ нашему пространству поверхность, линія и точка, что существеннымъ пространственнымъ атрибутомъ объектовъ реального міра служить четырехмѣрность и что, слѣдовательно, воспринимающее въ насъ начало есть объектъ, простирающійся въ нѣкоторой мѣрѣ, хотя и въ далеко меньшей, чѣмъ тѣло наше, въ четырехмѣрное пространство, объектъ четырехмѣрный.

Но какъ же разрѣшить существующее въ двухъ нашихъ опредѣленіяхъ числа измѣреній воспринимающаго въ насъ начала противорѣчіе? Очень просто. Когда мы беремъ воспринимающій, отражающій предѣлъ этого начала, оно будетъ трехмѣрнымъ; взятое же во всей своей цѣлости оно будетъ четырехмѣрнымъ. Обыкновенно, говоря о воспринимающемъ въ насъ началѣ, мы разумѣемъ часть его предѣла, обладающую способностью воспріятія, *свѣтлую* часть этого предѣла, не обращая вниманія на остальную его часть, которая или совершенно лишена этой способности или если и обладаетъ ею, то несознаваемымъ для насъ образомъ. Значить, воспринимающее въ насъ начало есть четырехмѣрный объектъ, прѣделъ котораго, подобно поверхности луны, состоитъ изъ двухъ частей: одна часть его обладаетъ способностью воспріятія и можетъ быть названа *свѣтлою*, другая же не обладаетъ этой способностью (по крайней мѣрѣ для насъ) и можетъ быть названа *темною*.

Здѣсь уместенъ вопросъ, который, безъ сомнѣнія, давно уже преслѣдуетъ читателя. Я неоднократно употреблялъ выраженіе, что, совершая временное наше движеніе, мы воспринимаемъ четырехмѣрные объекты по частямъ, а между тѣмъ воспринимаемое нами совершенно лишено четвертаго

измѣренія. Дѣло выходитъ такъ, будто я проповѣдую возможность полученія отъ сложенія нулевыхъ величинъ величины положительной. Вышеприведенное выраженіе надобно понимать такъ, что хотя нашему воспріятію доступны только лишенныя четвертаго измѣренія трехмѣрныя проекціи четырехмѣрныхъ объектовъ, мы, совершая наше психическое движеніе въ четырехмѣрномъ пространствѣ, исчерпываемъ по частямъ своимъ воспріятіемъ его объекты въ видѣ проекцій.

2. Второ́й стоящій на очереди во́просъ относительно геометрическихъ свойствъ воспринимающаго въ насъ начала есть во́просъ о геометрическомъ видѣ его.

На основаніи соображенія, что для не стѣсняемаго ничѣмъ нашего поля зрѣнія наше пространство принимаетъ всегда сферическую форму, что такую же форму принимаетъ оно и въ нашемъ его представленіи, а равно и на основаніи нѣкоторыхъ другихъ соображеній, въ изложеніе которыхъ, въ силу того, что пришлось бы вдаваться въ разсужденіе о геометрической природѣ нашего пространства, не войду, надобно прійти къ слѣдующему заключенію. Воспринимающее въ насъ начало есть четырехмѣрный объектъ, по своимъ геометрическимъ свойствамъ представляющий аналогъ нашего цилиндра, а именно, аналогъ, образуемый изъ сферы такъ, какъ цилиндръ можно представить себѣ образовавшимся изъ круга, т. е. онъ есть четырехмѣрный объектъ, ось котораго есть прямая, въ направленіи своемъ совпадающая съ четвертымъ измѣреніемъ, часть предѣла котораго, соотвѣтствующая боковой поверхности цилиндра, есть трехмѣрный элементъ, въ сѣченіи своемъ нашимъ пространствомъ дающій поверхность сферы, и части предѣла котораго, соотвѣтствующія основаніямъ цилиндра, сферы. Значитъ, воспринимающее въ насъ начало (свѣтлый предѣлъ его) есть сферическій трехмѣрный объектъ.

3. Обратимся теперь къ третьему вопросу относительно геометрическихъ свойствъ воспринимающаго въ насъ начала, къ вопросу о положеніи его въ четырехмѣрномъ пространствѣ.

На основаніи сказаннаго, опредѣленіе положенія воспринимающаго въ насъ начала въ четырехмѣрномъ пространствѣ сводится на опредѣленіе положенія въ этомъ пространствѣ свѣтлой части предѣла этого начала, т. е. на опредѣленіе положенія въ четырехмѣрномъ пространствѣ трехмѣрнаго элемента. Но послѣднее опредѣленіе вполне аналогично опредѣленію положенія въ трехмѣрномъ пространствѣ элемента двумѣрнаго и, слѣдовательно, равнозначно опредѣленію положенія трехмѣрнаго элемента по отношенію къ другимъ трехмѣрнымъ же элементамъ, положеніе которыхъ въ четырехмѣрномъ пространствѣ считается извѣстнымъ. Но намъ совершенно неизвѣстны никакія другія трехмѣрныя сѣченія четырехмѣрнаго пространства кромѣ нашего пространства, положеніе котораго въ четырехмѣрномъ пространствѣ то же, что и положеніе въ немъ воспринимающаго въ насъ начала, и опредѣляется этимъ положеніемъ. Значить, положеніе воспринимающаго въ насъ начала въ четырехмѣрномъ пространствѣ не можетъ быть *explicandum*, оно — *principium explicandi*¹.

В) Что касается среды временнаго нашего движенія, то мы знаемъ, что ею служить недоступное нашему воспріятію, трансцендентальное, четырехмѣрное пространство, а именно, пространство, опредѣляемое системою такихъ четырехъ координатъ, изъ которыхъ три координаты — координаты нашего трехмѣрнаго пространства, а четвертая — нормаль къ нему. Въ этомъ пространствѣ, какъ тоже мы знаемъ, все, не исключая и нашего, какъ четырехмѣрнопространственного

¹ Сохраняя выраженіе «сѣченіе», придется выразить геометрическое отношеніе между нашимъ трехмѣрнымъ пространствомъ, пространствомъ четырехмѣрнымъ, четвертымъ измѣреніемъ и воспринимающимъ въ насъ началомъ такъ: трехмѣрное наше пространство есть сѣченіе четырехмѣрнаго пространства воспринимающимъ въ насъ началомъ, а четвертое измѣреніе есть нормаль къ этому сѣченію. Такимъ образомъ, четырехмѣрное пространство и воспринимающее въ насъ начало — величины опредѣляющія, а наше трехмѣрное пространство и четвертое измѣреніе — величины опредѣляемыя; изъ четырехъ *termini determinationis* два первые — *termini determinantes*, а два послѣдніе — *termini determinandi*.

объекта, тѣла¹, пребываетъ въ неподвижности; совершаетъ въ немъ движеніе только воспринимающее начало *существовъ*. Такъ какъ наше пространство представляетъ (со стороны его положенія въ четырехмерномъ пространствѣ) только одно изъ трехмѣрныхъ свѣченій пространства четырехмѣрнаго, то ничто не препятствуетъ допустить существованіе въ четырехмѣрномъ пространствѣ такой же «множественности міровъ», какая существуетъ въ нашемъ пространствѣ.

Хотя средою движенія воспринимающаго въ насъ начала служить четырехмѣрное пространство, однако оно представляетъ среду этого движенія только *посредственную*; *непосредственную* же его средою служить *внутреннее трансцендентальное наше пространство*, трансцендентальное наше тѣло. Въ немъ лежатъ вѣчные четырехмѣрные образы реальныхъ объектовъ («вѣчныя идеи», «первообразы» Платона). Мы не воспринимаемъ реальныхъ объектовъ; мы, какъ узники Платоновской темницы², «сидимъ къ нимъ задомъ»: черезъ простирающіеся, какъ и тѣло наше, въ четвертое измѣреніе эмпирическіе органы нашего воспріятія, какъ черезъ двери той же темницы, *до начала времени* проникли во внутреннее трансцендентальное наше пространство, «пещеру», и *застыли* въ ней *въ заколдованномъ снѣ* точныя копіи, «образы» этихъ объектовъ; эти образы, воспринимаясь трехмѣрнымъ свѣтлымъ предѣломъ воспринимающаго въ насъ начала, превращаются въ проекціи, въ «тѣни», дѣлаются объектами трехмѣрнопространственными. Такимъ образомъ, у насъ, собственно говоря, не нѣсколько органовъ воспріятія, а одинъ, называвшійся нами доселѣ воспринимающимъ въ насъ началомъ и имѣющій быть называемымъ нами впредь *трансцендентальнымъ органомъ нашего воспріятія*.

Изъ только-что сказаннаго явствуетъ, что между картиной, изображенной Платономъ въ послужившемъ мнѣ эпи-

¹ Въ послѣдующемъ изложеніи моемъ я буду называть его, въ отличіе отъ эмпирическаго нашего тѣла, трехмѣрнопространственного объекта, *трансцендентальнымъ нашимъ тѣломъ*.

² Всѣ послѣдующія стояція въ кавычкахъ слова этого пункта находятся въ эпиграфѣ къ настоящей моей статьѣ.

графомъ къ настоящему моему этюду мѣстѣ его «Республики», и тѣмъ, что утверждаетъ моя теорія, существуетъ полное согласіе, за исключеніемъ двухъ пунктовъ: первый пунктъ моего разногласія съ Платономъ состоитъ въ томъ, что тогда какъ у Платона на стѣнѣ его пещеры находятся тѣни превращенныхъ въ нихъ дѣятельностью чуждыхъ узникамъ (нашему трансцендентальному органу воспріятія) дѣателей образовъ, по-моему на ней находятся превращаемые собственною духовною нашею дѣятельностью (дѣятельностью трансцендентальнаго органа нашего воспріятія) въ тѣни образы; второй пунктъ, и гораздо болѣе существенный, выше-сказаннаго разногласія состоитъ въ томъ, что тогда какъ въ картинѣ Платона движеніе созерцаемыхъ узниками тѣнѣй есть продуктъ дѣятельности фактора реального, проношенія мимо входа въ пещеру посторонними узникамъ людьми статуи и пр., согласно моей теоріи временное движеніе объектов нашего воспріятія есть продуктъ дѣятельности фактора идеальнаго, трансцендентальнаго нашего движенія. Значить, моя теорія идеалистична въ большей мѣрѣ, чѣмъ картина Платона.

С) Геометрическій видъ пути нашего временнаго движенія.

У каждого изъ насъ существуетъ болѣе или менѣе ясное представленіе о линіи времени, какъ о простирающейся въ безконечность прямой. Это представленіе есть, какъ сказано было выше, продуктъ нами несознаваемого, а потому и приписываемаго каждой точкѣ нашего пространства непрестаннаго движенія трансцендентальнаго органа нашего воспріятія по нормали къ этому пространству.

Если обратимся теперь отъ прирожденнаго всѣмъ людямъ представленія о линіи времени къ представленію о ней философовъ, то увидимъ, что между этими представленіями существуетъ полное согласіе. Въ точнѣйшей формѣ представленіе о линіи времени, какъ о прямой, выражено у Канта. Въ своей «Диссертациі» онъ прямо говоритъ, что линія времени есть прямая, но что послѣдняя можетъ служить схемою представленія только временнаго слѣдованія,

а не сосуществованія, для представленія котораго потребна другая схема, «*alia vera relatio*». Вотъ подлинныя его слова: «*Quamquam tempus sit unius tantum dimensionis, tamen ubiquitas temporis (ut cum Newton loquar), per quam omnia sensitive cogitabilia sunt aliquando, addit quanto actualium alteram dimensionem, quatenus veluti pendent ab eodem temporis puncto. Nam si tempus designes linea recta in infinitum producta, et simultanea in quolibet temporis puncto per lineas ordinatim applicatas: superficies, quae ita generatur, representabit mundum phaenomenon, tam quoad substantiam, tam quoad accidentiam*»¹. И затѣмъ, такъ какъ у Канта изъ этихъ мысленно проводимыхъ имъ въ каждой изъ точекъ линіи времени, какъ оси абсциссъ, черезъ *изохроническія* линіи, какъ ординаты, плоскостей (*superficies*) получается движущееся непрестанно тѣло, то онъ говоритъ о неудержимо катящей свои широкія волны и все заразъ на нихъ уносящей рѣкѣ. (См. Anthr., § 58, где говорится о потокѣ времени, «*Strom der Zeit*»).

Хотя по-моему «потокъ времени» не трехмѣренъ, а четырехмѣренъ, хотя согласно моей теоріи для его образованія потребна система не трехъ, а четырехъ координатъ, *superficies* же обращаются у меня въ трехмѣрныя сѣченія² четырехмѣрнаго пространства, тѣмъ не менѣе изъ вышеприведенныхъ словъ К а н т а явствуетъ, что онъ считалъ время 1) прямою и 2) перпендикулярною къ нашему пространству, обращавшемуся у него каждый разъ, какъ онъ для уясненія понятія времени прибѣгалъ къ образамъ, въ двумѣрное. Это недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что хотя К а н тъ допускалъ существованіе не только четырехмѣрнаго, но и многомѣрнаго пространства, у него не было точнаго представленія о четырехмѣрномъ пространствѣ и четвертомъ измѣреніи, почему ему и не могла

¹ Dis. § 14, 5 N.

² Я буду впредь, всякій разъ какъ будетъ встрѣчаться необходимость въ выраженіи идеи одновременности, называть наше пространство, пользуясь терминологіею географіи, *параллелью сосуществованія*; каждой точкѣ линіи времени соотвѣтствуетъ своя параллель сосуществованія, и наоборотъ.

прійти въ голову мысль объ истинномъ относительно времени положеніи дѣла.

Итакъ, и въ общечеловѣческомъ сознаніи и въ сознаніи людей, изошренныхъ въ умозрѣніи, линія времени существуетъ въ видѣ прямой. Спрашивается: какой геометрической видъ она должна имѣть согласно моей теоріи?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я долженъ познать моего читателя съ моимъ воззрѣніемъ на эмпирическое движеніе, движеніе объектовъ нашего воспріятія.

Хотя изъ проповѣдуемаго моею теоріею пребыванія въ абсолютномъ покоѣ объектовъ трансцендентальнаго міра, объектовъ четырехмѣрнаго пространства, вытекаетъ само собою пребываніе въ такомъ же покоѣ и объектовъ міра эмпирическаго, объектовъ пространства трехмѣрнаго (если неподвижны объекты пространства четырехмѣрнаго, должны быть неподвижны, какъ неотдѣлимые отъ нихъ ихъ сѣченія, какъ ихъ предѣлы, и объекты пространства трехмѣрнаго), тѣмъ не менѣе такое отрицательное доказательство пребыванія въ абсолютномъ покоѣ объектовъ нашего воспріятія можетъ быть выполнено и слѣдующимъ положительнымъ.

Если представимъ себѣ такое двумѣрное существо, пространствомъ котораго будетъ нѣкоторое сѣченіе нашего пространства плоскостію, а временемъ движеніе воспринимающаго въ немъ начала по нормали къ его пространству; далѣе, если представимъ себѣ, что на пути временнаго движенія гипотетическаго нашего существа будетъ находиться наклонный по отношенію къ его пространству и тождественный во всѣхъ своихъ сѣченіяхъ плоскостями перпендикулярными направленію этого его движенія цилиндръ съ произвольнымъ основаніемъ: то въ результатъ всѣхъ этихъ допущеній должно получиться для нашего существа явленіе перемѣщенія представляющаго объектъ его воспріятія вышесказаннаго сѣченія цилиндра, перемѣщенія, скорость котораго будетъ прямо пропорціональна величинѣ угла наклоненія цилиндра къ пространству существа.

Повысивъ всѣ термины этого разсужденія (за исключеніемъ, что въ прочемъ разумѣется само собою, пути временнаго дви-

женія) на единицу, придемъ къ заключенію, что состояніе неподвижности трехмѣрнаго объекта будетъ имѣть для насъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда уголъ, образуемый направлениемъ временнаго нашего движенія, или (что пока для насъ все равно) направлениемъ четвертаго измѣренія, съ образующею четырехмѣрнопространственного аналога цилиндра, имѣющаго основаніемъ этотъ объектъ, равенъ нулю; движеніе же его будетъ имѣть для насъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда этотъ уголъ¹ больше нуля. Въ первомъ случаѣ будетъ имѣть для насъ мѣсто полное взаимное совпаденіе, полная взаимная покрываемость временныхъ сѣченій вышесказаннаго трансцендентальнаго цилиндрическаго объекта, во второмъ будетъ имѣть для насъ мѣсто неполная взаимная ихъ покрываемость, и тѣмъ меньшая, чѣмъ больше уголъ трансцендентальнаго наклоненія этого объекта. Далѣе. Во второмъ случаѣ геометрическій видъ и величина этихъ сѣченій будутъ иными, чѣмъ въ первомъ, а именно: если допустимъ, простоты ради, что въ первомъ случаѣ временными сѣченіями трансцендентальнаго цилиндрическаго нашего объекта будетъ сфера, то во второмъ случаѣ ими будетъ эллипсоидъ вращенія, діаметръ сѣченія котораго плоскостью перпендикулярною оси его вращенія (сѣченія, представляющаго кругъ) и проходящею черезъ его центръ будетъ равенъ діаметру вышесказанной сферы, ось же вращенія котораго будетъ больше этого діаметра, и тѣмъ больше, чѣмъ больше уголъ наклоненія трансцендентальнаго цилиндрическаго нашего объекта.²

¹ Посчитавъ положеніе въ четырехмѣрномъ пространствѣ трехмѣрнаго сѣченія его, представляющаго наше пространство, *горизонтальнымъ*, направленіе въ немъ четвертаго измѣренія вертикальнымъ, будемъ называть этотъ уголъ *угломъ трансцендентальнаго наклоненія*.

² Если въ вышеприведенномъ примѣрѣ допустимъ, что цилиндръ, по отношенію къ пространству существа прямой и что основаніемъ

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что переходъ объекта нашего воспріятія отъ состоянія неподвижности къ движенію долженъ сопровождаться *растяженіемъ* или *расширеніемъ*, *утонченіемъ*¹ (а значить, уменьшеніемъ яркости цвѣта) и измѣненіемъ геометрическаго вида его². Назовемъ эти явленія соотвѣтственно *трансцендентальнымъ расширеніемъ*, *трансцендентальнымъ разрѣженіемъ* (*трансцендентальною ахроматизаціею*) и *трансцендентальною трансфигураціею* и посмотримъ, не противорѣчитъ ли такой строго логическій выводъ изъ принципа моего на эмпирическое движеніе возвращенія дѣйствительности.

Повидимому, при переходѣ объектовъ нашего воспріятія отъ состоянія неподвижности къ движенію и отъ одного ки-

его служить кругъ, то сѣченія его плоскостями перпендикулярными временному движенію существа будутъ для существа взаимно совпадающими, другъ друга покрывающими кругами. Если же представимъ себѣ такой цилиндръ наклоннымъ подъ извѣстнымъ угломъ къ пространству существа, то вышесказанныя сѣченія его не будутъ для существа взаимно совпадать и будутъ эллипсами, меньшая изъ осей которыхъ будетъ равна діаметру прежнихъ сѣченій цилиндра (круговъ), а большая будетъ больше этого діаметра, и тѣмъ больше, чѣмъ больше вышесказанный уголъ. Такимъ образомъ, съ увеличеніемъ угла наклона цилиндра, имѣющаго своимъ основаніемъ кругъ, къ пространству двумѣрнаго существа будутъ возрастать для существа взаимная непокрываемость и растяженіе (эксцентриситетъ) представляющихъ объекты воспріятія существа сѣченій цилиндра (эллипсовъ) плоскостями перпендикулярными направленію временнаго движенія существа.

¹ Собственно говоря, объектомъ нашего воспріятія служитъ совокупность взаимно конгруирующихся возлѣ положительныхъ временныхъ сѣченій соотвѣтственнаго трансцендентальнаго объекта, а не каждое изъ таковыхъ сѣченій въ его атомистической отдѣльности.

² Хотя количественное измѣненіе сопровождается несовпаденіемъ временныхъ сѣченій, а увеличеніе — и ихъ расширеніемъ, но оно не сопровождается измѣненіемъ геометрическаго вида ихъ. При измѣненіи имѣетъ мѣсто симметрическое несовпаденіе количественно различныхъ сѣченій, при движеніи равномерной скорости — асимметрическое несовпаденіе количественно тождественныхъ сѣченій, при движеніи неравномерной скорости — асимметрическое несовпаденіе количественно различныхъ сѣченій.

нетического состоянія къ другому не наблюдается ни одно изъ вышесказанныхъ явленій. Но это — только повидимому; въ дѣйствительности же бываетъ какъ-разъ наоборотъ. Чтобы привести читателя къ убѣжденію въ справедливости этого моего утвержденія кратчайшимъ и, такъ сказать, радикальнѣйшимъ путемъ, напомнимъ ему о такомъ обыденномъ явленіи, какъ явленіе растяженія, утонченія и слитія спицъ вращающагося вокругъ своей оси съ достаточною для этого скоростью колеса въ полупрозрачный кругообразный объектъ. Это явленіе, до сихъ поръ еще никогда никѣмъ съ трансцендентально-эстетической точки зрѣнія удовлетворительно не объясненное, находитъ себѣ въ моемъ на эмпирическое движеніе воззрѣніи вполне удовлетворительное объясненіе, которое въ принципѣ нисколько не противорѣчитъ современному его объясненію фізіологическому, такъ какъ согласно обоимъ объясненіямъ интенсивность объясняемаго явленія прямо пропорціональна скорости движенія.

Итакъ, согласно моей теоріи всякое эмпирическое движеніе (всякое, потому что, несмотря на все разнообразіе совершающихся въ нашемъ пространствѣ движеній, ни одно изъ нихъ не можетъ отличаться отъ другихъ *toto genere*), подобно измѣненію, есть иллюзія, порожаемая трехмѣрностью нашей природы и психическимъ движеніемъ нашимъ въ четырехмѣрномъ, трансцендентальномъ для насъ, пространствѣ, но имѣющая объективнымъ своимъ основаніемъ положеніе четырехмѣрныхъ объектовъ относительно направленія этого нашего движенія¹.

¹ Обѣ иллюзіи, какъ и всякая иллюзія, представляютъ продуктъ факторовъ субъективнаго и объективнаго; субъективный факторъ того и другого продукта — одинъ и тотъ же, а именно, имъ служатъ: трехмѣрность нашей природы и психическое наше движеніе въ направленіи четвертаго измѣренія; объективный же факторъ ихъ — не одинъ и тотъ же: объективнымъ факторомъ измѣненія служить качественное

Разрѣшающій эмпирическое движеніе въ движеніе трансцендентальное вышеизложенный взглядъ мой открываетъ форономіи будущаго обширное поле изслѣдованія. Уже и теперь можно намѣтить основные принципы ея. Они суть слѣдующіе: 1) скорость движенія объекта нашего воспріятія прямо пропорціональна углу наклоненія трансцендентальнаго цилиндрическаго объекта, имѣющаго основаніемъ этотъ объектъ; 2) максимумъ этой скорости долженъ имѣть мѣсто, когда этотъ уголъ — прямой; 3) пребывающій въ состояніи неподвижности и неизмѣнности объектъ нашего воспріятія представляетъ временное сѣченіе нѣкотораго прямого по отношенію къ нашему пространству и тождественнаго въ направленіи образующей (это направленіе въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ направленіемъ временнаго нашего движенія) трансцендентальнаго цилиндрическаго объекта; 4) пребывающій въ состояніи неподвижности и непрестаннаго уменьшенія объектъ нашего воспріятія представляетъ временное сѣченіе нѣкотораго прямого по отношенію къ нашему пространству и обращеннаго основаніемъ *въ сторону прошедшаго* конусообразнаго трансцендентальнаго объекта; 5) пребывающій въ состояніи неподвижности и непрестаннаго увеличенія объектъ нашего воспріятія представляетъ временное сѣченіе нѣкотораго прямого по отношенію къ нашему пространству и обращеннаго основаніемъ *въ сторону будущаго* конусообразнаго трансцендентальнаго объекта; 6) пребывающій въ состояніи неизмѣннаго по своей скорости движенія (а значитъ, въ силу вышесказаннаго, не неизмѣнный количественно и качествен-

протяженіе трансцендентальныхъ объектовъ, объективнымъ же факторомъ эмпирическаго движенія служить положеніе этихъ объектовъ.

но) объект нашего воспріятія представляет временное сѣченіе нѣкотораго наклоннаго по отношенію къ нашему пространству цилиндрическаго трансцендентальнаго объекта.

Обратимся теперь къ прерванному этимъ отступленіемъ обсужденію вопроса о линіи времени и посмотримъ, всегда ли эта линія, или (что, согласно моей теоріи, одно и то же) путь временнаго нашего движенія, представляет прямую; но прежде чѣмъ сдѣлаю это, попрошу у читателя позволенія продолжить еще на краткое время это отступленіе мое.

Если положеніе трансцендентальнаго объекта порождает иллюзію движенія соотвѣтственнаго эмпирическаго объекта, то оно же можетъ породить и иллюзію прекращенія существованія этого послѣдняго объекта. Подобно тому какъ уничтоженіе эмпирическаго объекта, пребывающаго въ состояніи неподвижности, представляет прекращеніе протяженія соотвѣтственнаго трансцендентальнаго объекта, скрытіе его подъ *трансцендентальный горизонтъ*, обусловленное количественнымъ его протяженіемъ, уничтоженіе пребывающаго въ движеніи эмпирическаго объекта представляет скрытіе соотвѣтственнаго трансцендентальнаго объекта подъ *трансцендентальный горизонтъ*, обусловленное его положеніемъ. Послѣднее скрытіе трансцендентальнаго объекта можетъ сопровождаться, можетъ и не сопровождаться прекращеніемъ его протяженія, такъ что послѣ его *заката* за трансцендентальный горизонтъ можетъ наступить вторичный его на этомъ горизонтѣ *восходъ*. Спрашивается теперь: есть ли у насъ, въ случаѣ если временныя сѣченія второй *надгоризонтной* части трансцендентальнаго объекта настолько различны отъ таковыхъ сѣченій таковой же первой его части, что представляютъ для насъ новый объектъ воспріятія, критерій для опредѣленія того, имѣемъ ли мы дѣло съ прежнимъ или съ новымъ объектомъ? Абсолютно нѣтъ, и вот почему¹.

¹ Легко представить себѣ вопросъ, обратный поставленному, въ такой же мѣрѣ и по той же причинѣ, какъ онъ, неразрѣшимый.

Для обладанія такимъ критеріемъ намъ надобно бы было сдѣлаться существами четырехмѣрными; тогда объекты четырехмѣрнаго пространства были бы доступны нашему воспріятію и поставленный нами вопросъ, вопросъ объ индивидуаціи трансцендентальныхъ объектовъ, вовсе не существовалъ бы для насъ. Теперь же для таковой индивидуаціи у насъ нѣтъ принципа, такъ какъ наше пространство и наше время служатъ принципами индивидуаціи (*principia individuationis*) объектовъ міра эмпирическаго, а не объектовъ міра трансцендентальнаго, для которыхъ, согласно моей теоріи таковыми принципами могутъ служить только пространство и время высшаго, чѣмъ наши, порядка, и всякая умозрительная индивидуація которыхъ будетъ всегда страдать *petitio principii*.

Отсюда слѣдуетъ, что невозможность рѣшенія съ точки зрѣнія моей теоріи поставленнаго нами вопроса отнюдь не можетъ служить доказательствомъ того, что моя теорія содержитъ въ своей основѣ фальшь; она служитъ только напомниманіемъ, что область, въ которую я стремлюсь проложить тропу, есть для насъ (и будетъ впредь, пока человѣкъ путемъ біологическаго развитія не подымется на высшую ступень трансцендентально-эстетической лѣстницы существъ, пока онъ будетъ оставаться человѣкомъ), область умопостиженія. Хотя я непоколебимо убѣжденъ, что, подвигаясь по намѣченному мною здѣсь пути, человѣчество увидитъ со временемъ то, о чемъ оно теперь не дерзаетъ и мечтать, однако предъ нимъ будутъ раздвигаться только прístupимыя исторически границы, но отнюдь не преступимые только біологически предѣлы трансцендентальной эстетики. Вооруженное всѣми своими орудіями — аналогіей, идеально склеивающими въ четырехмѣрные объекты реально въ нихъ несклеивающіяся трехмѣрные ихъ сѣченія памятью и воображеніемъ — умопостиженіе не можетъ замѣнить чувственной видимости. Въ силу духовной нашей ограниченности, въ силу *частичнаго* воспріятія нами объектовъ реальнаго міра, даже, собственно говоря, такого воспріятія нами не самихъ объектовъ этого міра, а ихъ «тѣней», въ силу того, что

мы — метафизическія существа въ ничтожной мѣрѣ¹, мы хотя и всегда будемъ стремиться сорвать съ трансцендентальнаго міра вещей окутывающій его покровъ, но всѣ наши усилія въ этомъ отношеніи всегда, даже въ случаѣ блистательнѣйшихъ успѣховъ, будутъ ограничиваться только приподыманіемъ уголковъ этого покрова и узрѣніемъ того, что скрывается под нимъ, не при свѣтѣ дня, а въ вечернемъ сумракѣ.

Теперь окончательно обращаемся къ вопросу о геометрическомъ видѣ пути временнаго нашего движенія.

Изъ сказаннаго нами объ эмпирическомъ движеніи слѣдуетъ, что когда эмпирическое наше тѣло (какъ подлежащій нашему воспріятію трехмѣрнопространственный объектъ) пребываетъ въ покоѣ, уголъ наклоненія трансцендентальнаго нашего тѣла (какъ четырехмѣрнопространственного объекта, трехмѣрныя сѣченія котораго воспринимаются нами въ видѣ нашего тѣла эмпирическаго) равенъ нулю, а когда оно пребываетъ въ движеніи, этотъ уголъ равенъ нѣкоторой заключающейся въ предѣлахъ между нулемъ и 90° и прямо пропорціональной скорости этого движенія величинѣ. Такимъ образомъ, положение нашего трансцендентальнаго тѣла въ трансцендентальномъ пространствѣ не остается неизмѣннымъ; оно измѣняется съ каждымъ измѣненіемъ (по скорости) кинетическаго состоянія тѣла нашего эмпирическаго.

Но трансцендентальный органъ нашего воспріятія совершаетъ непрестанное (временное) движеніе въ трансцендентальномъ нашемъ тѣлѣ (во внутреннемъ трансцендентальномъ пространствѣ), а значитъ, со всякимъ измѣненіемъ (со стороны скорости) кинетическаго состоянія нашего эмпирическаго тѣла долженъ измѣняться въ своемъ направленіи, и темъ больше, чемъ больше скорость движенія этого нашего тѣла, и путь нашего

¹ Въ трансцендентально-эстетическомъ отношеніи мы въ сравненіи съ идеальными четырехмѣрными существами представляемъ неизмѣримо меньшую величину, чѣмъ какую представляютъ лилипуты Свифта въ сравненіи съ его великанами.

временнѣго движенія. Путь этого движенія будетъ прямою и при томъ совпадающею по направленію съ четвертымъ измѣреніемъ, когда наше эмпирическое тѣло пребываетъ въ покоѣ; онъ будетъ прямою, образующею съ направленіемъ этого измѣренія уголъ, пропорціональный скорости движенія этого нашего тѣла, когда эта скорость неизмѣнна; наконецъ, онъ будетъ кривою, когда эта скорость измѣняется.

Итакъ, путь движенія въ трансцендентальномъ пространствѣ трансцендентальнаго органа нашего воспріятія измѣняется. Спрашивается: измѣняется ли или остается неизмѣннымъ (что можетъ имѣть мѣсто, когда этотъ органъ при совершеніи временнѣго движенія остается параллельнымъ самому себѣ) и положеніе въ этомъ пространствѣ этого органа?¹

Допустимъ, что положеніе трансцендентальнаго органа нашего воспріятія въ трансцендентальномъ пространствѣ не измѣняется, и посмотримъ, что должно получиться въ результатъ такого допущенія.

Такъ какъ положеніе трансцендентальнаго нашего тѣла въ трансцендентальномъ пространствѣ (какъ было намъ сказано) измѣняется (почему, было также сказано), то допущеніе наше равнозначно допущенію измѣненія пространственныхъ отношеній трансцендентальнаго органа нашего воспріятія къ трансцендентальному нашему тѣлу, или, что все равно, измѣненію положенія этого органа во внутреннемъ трансцендентальномъ пространствѣ. Но послѣднее допущеніе можетъ имѣть мѣсто въ двухъ случаяхъ: 1) въ томъ случаѣ, когда внутреннее трансцендентальное пространство настолько *обширно*, что ось трансцендентальнаго органа нашего воспріятія, какъ четырехмѣрнаго цилиндрическаго объекта, можетъ отклоняться на число градусовъ, заключающееся въ предѣлахъ между нулемъ и 90°, отъ имѣющаго мѣсто при состояніи неподвижности эмпирическаго нашего тѣла нормальнаго положенія ея, и 2) въ случаѣ соответственнаго измѣненія вида

¹ Здѣсь берется этотъ органъ въ узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ трехмѣрнаго объекта, въ смыслѣ свѣтлаго предѣла этого органа, какъ объекта четырехмѣрнаго.

трансцендентальнаго органа нашего воспріятія, взятаго во всей его цѣлости. Но мы не знаемъ и не можемъ знать ничего какъ относительно геометрическихъ свойствъ внутренняго трансцендентальнаго пространства (вслѣдствіе, съ одной стороны, недоступности его нашему воспріятію, а с другой, отсутствія у насъ каких-либо опорныхъ пунктовъ для умозаключеній о нихъ), такъ и относительно обусловленныхъ *физическою* природою трансцендентальнаго органа нашего воспріятія измѣненій геометрическаго вида его. Значить, кто желаетъ сдѣлать вышесказанное допущеніе, тотъ рискуетъ вдаться въ область абсолютно безпочвенныхъ гаданій. Кромѣ того, это допущеніе влечетъ за собою (какъ мы сказали) допущеніе измѣненія пространственныхъ отношеній трансцендентальнаго органа нашего воспріятія къ трансцендентальному нашему тѣлу; но основаній къ этому послѣднему допущенію у насъ нѣтъ никакихъ, а препятствіе есть, въ аналогіи: пространственныя отношенія эмпирическихъ органовъ нашего воспріятія къ эмпирическому нашему тѣлу не измѣняются.

Вотъ отрицательныя основанія, говорящія въ пользу допущенія измѣненія положенія въ трансцендентальномъ пространствѣ трансцендентальнаго органа нашего воспріятія. Посмотримъ теперь, нѣтъ ли на его сторонѣ и основаній положительныхъ. Есть, слѣдующія. Во-первыхъ, въ пользу его говорить то соображеніе, что еслибы положеніе въ трансцендентальномъ пространствѣ трансцендентальнаго органа нашего воспріятія съ имеющимъ мѣсто при движеніи эмпирическаго нашего тѣла измѣненіемъ положенія въ этомъ пространствѣ нашего трансцендентальнаго тѣла не измѣнялось, то измѣнялось бы положеніе временныхъ сѣченій трансцендентальнаго нашего тѣла относительно трансцендентальнаго органа нашего воспріятія, а слѣдовательно, имѣло бы для насъ мѣсто взаимное несовпаденіе этихъ сѣченій, т. е. явленіе движенія нашего эмпирическаго тѣла. Но въ дѣйствительности это явленіе не имѣетъ мѣста: мы не можемъ наблюдать движенія эмпирическаго нашего тѣла¹ непо-

¹ Не отдѣльныхъ частей нашего тѣла, органовъ его, но нашего тѣла во всей его цѣлости.

средственно, безъ отношенія къ другимъ объектамъ нашего воспріятія, движеніе которыхъ наблюдаемъ непосредственно. Другимъ положительнымъ основаніемъ, говорящимъ въ пользу измѣненія положенія трансцендентальнаго органа нашего воспріятія, служитъ явленіе кажущагося движенія объектовъ нашего воспріятія, имѣющее мѣсто при нахожденіи нашего эмпирическаго тѣла въ движеніи. Это явленіе только и можетъ быть объяснено измѣненіемъ въ трансцендентальномъ пространствѣ положенія трансцендентальнаго органа нашего воспріятія. Мы уже знаемъ, что явленіе движенія объектовъ нашего воспріятія есть иллюзія, порождаемая въ насъ измѣненіемъ положенія въ трансцендентальномъ пространствѣ соотвѣтственныхъ этимъ объектамъ трансцендентальныхъ объектовъ, измѣненіемъ, влекущимъ за собою измѣненіе направленія сѣченій трансцендентальнымъ органомъ нашего воспріятія этихъ послѣднихъ объектовъ. Но измѣненіе направленія этихъ сѣченій будетъ имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, когда измѣнитъ свое положеніе въ трансцендентальномъ пространствѣ не разсѣкаемое, но разсѣкающее, не трансцендентальный объектъ, но трансцендентальный органъ нашего воспріятія.

Итакъ, положеніе трансцендентальнаго органа нашего воспріятія въ трансцендентальномъ пространствѣ измѣняется съ измѣненіемъ положенія въ пространствѣ трансцендентальнаго нашего тѣла, т. е. съ измѣненіемъ (по скорости) кинетическаго состоянія нашего эмпирическаго тѣла. Но вѣдь намъ извѣстно, что положеніе въ трансцендентальномъ пространствѣ нашего пространства и четвертаго измѣренія опредѣляется положеніемъ въ немъ этого нашего органа. Значитъ, съ каждымъ измѣненіемъ кинетическаго состоянія нашего измѣняется положеніе въ трансцендентальномъ пространствѣ нашего пространства и четвертаго измѣренія, и такъ какъ можно сказать, что ни одинъ мигъ нашего существованія наше тѣло не пребываетъ въ абсолютномъ покоѣ, а слѣдовательно, у всѣхъ насъ на одной и той же параллели сосуществованія (въ одно и то же вре-

мя) и у каждого изъ насъ на разныхъ этихъ параллеляхъ (въ разное время) положеніе трансцендентальнаго органа нашего воспріятія не одно и то же, то, строго говоря, понятіе о *нормальномъ* положеніи нашего пространства и четвертаго измѣренія столь же идеально, сколь идеально понятіе о нихъ самихъ. На ихъ комплексъ можно смотрѣть, какъ на непрестанно колеблющейся въ трансцендентальномъ пространствѣ маятникъ, стержнемъ котораго служить четвертое измѣреніе, линзою котораго служить наше пространство и амплитуда колебаній котораго прямо пропорціональна скорости движенія эмпирическаго нашего тѣла.

Но хотя, строго говоря, понятіе о *нормальномъ* положеніи въ трансцендентальномъ пространствѣ нашего пространства и четвертаго измѣренія, о *трансцендентальномъ горизонтѣ* и *трансцендентальной вертикали*, вполне идеально, тѣмъ не менѣе оно, если принять во вниманіе соотвѣтственный и равный максимальному предѣлу измѣненія угла наклоненія трансцендентальнаго нашего тѣла максимальный предѣлъ измѣненія этого положенія, болѣе точно и опредѣленно, чѣмъ понятіе о горизонтальномъ и вертикальномъ положеніи эмпирическихъ объектовъ.

Д) Обратимся теперь къ изслѣдованію вопроса о направленіи временнаго нашего движенія.

Нами было уже сказано, что такъ какъ время есть движеніе трансцендентальнаго органа нашего воспріятія въ таковомъ же пространствѣ, движеніе же это нами не сознается (почему, также было сказано), то намъ кажется, что совершаютъ движеніе въ направленіи противоположномъ направленію этого движенія, «движутся во времени» въ направленіи противоположномъ направленію временнаго нашего движенія всѣ объекты нашего воспріятія, включая сюда и собственное наше тѣло. Отсюда слѣдуетъ, что направленіе нашего временнаго движенія діаметрально противоположно кажущемуся «движенію во времени» всего нами воспринимаемаго, т. е. что временное наше движеніе совершается въ направленіи отъ прошедшаго къ будущему.

Но намъ извѣстно, что всякое измѣненіе кинетическаго нашего состоянія (со стороны скорости) сопровождается измѣненіемъ положенія въ трансцендентальномъ пространствѣ четвертаго измѣренія, а значить, оно сопровождается и измѣненіемъ положенія въ этомъ пространствѣ прошедшаго и будущаго. (Если мы посчитаемъ трансцендентальное пространство четырехмѣрною сферою съ безконечно большимъ діаметромъ, т. е. посчитаемъ его тѣмъ, что можно представить себѣ образующимся изъ нашего пространства такъ, какъ трехмѣрная сфера образуется изъ круга, и назовемъ, держась терминологіи географіи, четвертое измѣреніе осью такой сферы, наше же пространство — экваторіальнымъ ея сѣченіемъ, то прошедшее и будущее будутъ ея полюсами. Разъ непрестанно измѣняется положеніе оси, непрестанно же должно измѣняться и положеніе полюсовъ.) Отсюда слѣдуетъ, что, строго говоря, понятіе о *нормальномъ* положеніи въ трансцендентальномъ пространствѣ прошедшаго и будущаго столь же идеально, сколь идеально и положеніе въ немъ нашего пространства и четвертаго измѣренія.

Но хотя, строго говоря, понятіе о *нормальномъ* положеніи въ трансцендентальномъ пространствѣ прошедшаго и будущаго, о *трансцендентальномъ впереди* и *трансцендентальномъ позади*, вполне идеально, тѣмъ не менѣе оно, если принять во вниманіе соотвѣтственный и равный максимальному предѣлу измѣненія угла наклоненія трансцендентальнаго нашего тѣла максимальный предѣлъ¹ измѣненія этого

¹ Имѣетъ ли мѣсто въ дѣйствительности *maximum* (90°) уклоненія положенія въ трансцендентальномъ пространствѣ нашего пространства, четвертаго измѣренія, прошедшаго и будущаго отъ *нормальнаго* ихъ въ немъ положенія, или, лучше сказать, какъ великъ реальный *maximum* такого уклоненія, это — вопросъ, который, подобно другому вопросу, представляющему его двойникъ, вопросу о реальныхъ величинахъ угла наклоненія трансцендентальныхъ объектовъ, не только абсолютно неразрѣшимъ для насъ, но столь же неразрѣшимъ и для гипотетическихъ четырехмѣрныхъ существъ, такъ какъ ихъ воспріятію (что можно утверждать, основываясь на аналогіи психическаго отношенія нашего къ гипотетическимъ двумѣрнымъ существамъ) недоступны мы и наша психическая жизнь. Можно только съ аподиктиче-

положенія, болѣе точно и опредѣленно, чѣмъ понятіе объ *эмпирическомъ вверху* и *эмпирическомъ внизу*.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, съ одной стороны, то, что наше временное движеніе не можетъ быть уподоблено полету стрѣлы (оно — не прямолинейно), а с другой, то, что оно не можетъ быть уподоблено и рѣянью птицы (*опусканіе нашего взора, заглядываніе наше подъ трансцендентальный горизонтъ* ограничено). Спрашивается: съ чѣмъ же можно его сравнить? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, окинемъ взоромъ весь пройденный нами путь и сгруппируемъ всѣ характерныя черты временного нашего движенія. Изъ предыдущаго оказалось, что это наше движеніе безсознательно, непрестанно, не удержиимо, что оно совершается нами въ замкнутомъ, сообщающемся съ внѣшнимъ трансцендентальнымъ пространствомъ черезъ эмпирическіе органы нашего воспріятія, пространствѣ, внутреннемъ трансцендентальномъ пространствѣ, и что хотя оно не прямолинейно, оно всегда поступательно. Отсюда видно, что трудно сравнить наше временное движеніе съ свободнымъ рѣяньемъ птицы въ ясной лазури неба, что его только и можно сравнить съ насквозь детерминированнымъ движеніемъ въ подземной тоннели никѣмъ не управляемаго локомотива.

Е) Теперь намъ остается сказать только о скорости временного нашего движенія.

Какъ извѣстно, скорость всякаго эмпирическаго движенія есть функція двухъ переменныхъ независимыхъ: пространства и времени. Такъ какъ пространство, въ которомъ мы соверша-

скою достовѣрностью утверждать, что реальный maximum уклоненія направленія временного нашего движенія отъ нормальнаго долженъ быть меньше идеальнаго, такъ какъ это движеніе въ каждой точке своего пути поступательно, совершается всегда въ направленіи отъ одного трансцендентальнаго полюса къ другому. Такъ какъ мы не можемъ рѣшить вышеупомянутыхъ вопросовъ, то мы не можемъ рѣшить и вопроса о томъ, исчерпываемъ ли мы своимъ воспріятіемъ всѣ, какія только могутъ существовать, трехмѣрныя проекціи трансцендентальныхъ объектовъ, всѣ, какія только могутъ быть отбрасываемы этими объектами, трехмѣрныя «тѣни».

емъ временное наше движеніе, пространство четырехмѣрное, недоступно нашему воспріятію, для насъ трансцендентально, и потому не можетъ быть для насъ данной величиной, есть для насъ X , и такъ какъ время, въ которомъ мы совершаемъ это движеніе, время высшаго, чѣмъ наше, порядка, также недоступно нашему воспріятію, для насъ трансцендентально, и потому также не можетъ быть для насъ данной величиной, также есть для насъ X , то и скорость временного нашего движенія есть для насъ абсолютный X . Этот X могъ бы превратиться въ величину извѣстную только для такого существа, воспріятію котораго были бы доступны пространство, въ которомъ мы совершаемъ временное наше движеніе, пространство четырехмѣрное, и время, которое обнимало бы наше время, было бы на единицу высшаго, чѣмъ наше время, порядка, т. е. для существа четырехмѣрнаго, если бы (какъ мы говорили уже прежде) воспріятію такого существа было доступно воспринимающее въ насъ начало, трансцендентальный орган нашего воспріятія.

Только-что сказанное нами находится въ полномъ согласіи съ нашимъ воззрѣніемъ на скорость эмпирическаго движенія. Согласно этому воззрѣнію скорость движенія всякаго эмпирическаго объекта опредѣляется величиною угла наклоненія соотвѣтственнаго трансцендентальнаго объекта, угла, одною изъ сторонъ котораго, въ качествѣ *termini determinantis*, въ качествѣ *постоянной*, служитъ направленіе четвертаго измѣренія, т. е. (въ случаѣ пребыванія эмпирическаго нашего тѣла въ покоѣ; о скорости временного нашего движенія въ случаѣ пребыванія этого нашего тѣла въ движеніи будетъ рѣчь впереди) направленіе временного нашего движенія. Такимъ образомъ, опредѣленіе скорости всякаго доступнаго нашему воспріятію движенія состоитъ въ опредѣленіи положенія въ трансцендентальномъ пространствѣ соотвѣтствующаго совершающему это движеніе эмпирическому объекту объекта трансцендентальнаго относительно направленія въ этомъ пространствѣ пути временного нашего движенія. Значить, и здѣсь оправдаются слова П р о т а г о р а, что «*πάντων χρημάτων μέτρον ἡ ἀρετή*»: въ основаніи измѣренія скорости всякаго доступна-

го нашему воспріятію движенія лежитъ, *какъ единица мѣры*, направленіе временного нашего движенія; направлениѣмъ нашего трансцендентальнаго для насъ движенія мы мѣряемъ скорости всѣхъ эмпирическихъ движеній, и оно въ свою очередь никакому измѣренію, никакому опредѣленію не можетъ для насъ подлежать.

Спрашивается теперь: всегда ли одинакова скорость временного нашего движенія, измѣняется ли она или остается неизмѣнною?

Такъ какъ трансцендентальный орган нашего воспріятія совершаетъ свое (временное) движеніе въ трансцендентальномъ нашемъ тѣлѣ, послѣднее же во время пребыванія нашего эмпирическаго тѣла въ движеніи образуетъ уголъ трансцендентальнаго наклоненія прямо пропорціональный скорости этого послѣдняго движенія, то этому органу приходится въ этомъ случаѣ совершать свое движеніе не по нормали къ нашему пространству, и въ то же время ему приходится, чтобы не отставать въ таковомъ своемъ движеніи отъ трансцендентальнаго органа воспріятія людей и вообще трехмѣрныхъ существъ нашего пространства, пребывающихъ въ это время въ покоѣ, чтобы находиться съ нимъ на одной и той же параллели сосуществованія, совершать это движеніе съ большей, чѣмъ во время пребыванія нашего въ покоѣ, скоростью. Отсюда слѣдуетъ, что временное наше движеніе есть движеніе неравномѣрной скорости, что скорость временного нашего движенія прямо пропорціональна скорости движенія эмпирическаго нашего тѣла, т. е. что, строго говоря, понятіе о *нормальной* скорости временного нашего движенія столь же идеально, какъ и понятіе о нормальномъ его направленіи.

Но хотя понятіе о *нормальной* скорости временного нашего движенія, о *трансцендентальномъ рано* и *трансцендентальномъ поздно*, строго говоря, идеально, тѣмъ не менѣе это понятіе, не затемненное *чувствомъ*, если принять во вниманіе соотвѣтственный и равный максимальному предѣлу измѣненія угла наклоненія трансцендентальнаго нашего тѣла максимальный предѣлъ измѣненія этой скорости, болѣе точно и

опредѣленно, чѣмъ понятіе объ *эмпирическомъ рано* и *эмпирическомъ поздно*.

Я изложилъ сущность моей теоріи. Стремленіе мое не заводитъ читателя в ту глубь трансцендентальныхъ тайнъ, которая рисуется предъ моимъ собственнымъ внутреннимъ взоромъ въ неполнѣ ясныхъ очертаніяхъ, удерживаетъ меня отъ сообщенія ему результатовъ дальнѣйшихъ моихъ въ области трансцендентальной эстетики изслѣдованій.

Познакомившись съ моею теоріею, читатель скажетъ, что она проста; я же скажу, что она очень проста; но простота ея служить для меня надежнѣйшимъ ручательствомъ ея вѣрности. (Теорія Коперника далеко проще загроможденной циклами и эпициклами теоріи Птолемея.) Съ существовавшимъ доселѣ воззрѣніемъ на время жило человѣчество и жилъ каждый его представитель въ отдѣльности всю свою жизнь; вотъ почему оно кажется проще моего; но стоитъ только, отрѣшившись отъ привычки, вдуматься въ дѣло глубже, и мы придемъ къ противоположному заключенію, хотя и не перестанемъ въ практической нашей жизни держаться прежняго воззрѣнія, какъ не перестали съ появленіемъ системы Коперника видѣть движеніе въ солнцѣ. Другимъ ручательствомъ вѣрности моей теоріи служить для меня, съ одной стороны, то, что мнѣ не приходилось еще ни разу набрести на уголокъ области, подлежащей ея освѣщенію, котораго она въ концѣ концовъ оказалась бы не въ состояніи освѣтить, а съ другой стороны, то, что, стирая стоявшіе испоконъ вѣка въ этой области вопросительные знаки, она ставитъ на каждомъ шагѣ новые, множитъ число задачъ и усугубляетъ такимъ образомъ трудъ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать вкратцѣ свой собственный взглядъ на степень новизны моей теоріи и на ея научное и философское значеніе.

Что касается новизны моей теоріи, то мнѣ кажется, что въ средѣ присяжныхъ философовъ, за исключеніемъ Спинозы и главнымъ образомъ Канта (объ остальныхъ не говорю, потому что большинство ихъ, особенно представите-

ли шеллинго-гегеліанской школы, занимались, напрімѣръ, тѣмъ, что старались совершить чудо Навина, или, лучше сказать, уйти отъ собственной тѣни: поймать *настоящее*), я не имѣю предшественниковъ. Въ чемъ я схожусь съ К а н т о мъ и насколько моя теорія времени представляетъ продолженіе и развитіе Кантовскаго о немъ ученія, объ этомъ я вкратцѣ уже сказалъ; поэтому обращаюсь къ геометрамъ.

Начиная съ Л а г р а н ж а геометры, говоря о движеніи, нерѣдко называютъ время четвертымъ измѣреніемъ; но это выраженіе употребляется ими, такъ сказать, въ фигуральномъ смыслѣ и имѣетъ то значеніе, что при опредѣленіи мѣста нахождения движущагося тѣла время играетъ роль какъ бы четвертой координаты.

Что касается значенія моей теоріи для философіи и отдѣльных наукъ, то оно такъ велико, что о немъ можно бы было написать цѣлый трактатъ. Обращу вниманіе читателя только на то, что такъ какъ моя теорія проповѣдуетъ діаметрально противоположный существовавшему и существующему на время взглядъ, во времени же совершаются всѣ доступныя нашему воспріятію явленія, то она, такъ сказать, опрокидываетъ вверхъ дномъ все зданіе нашего знанія. Я уже сказалъ, какъ съ точки зрѣнія моей теоріи измѣняется понятіе объ объекте механики. Но движеніемъ, изучаемымъ этою наукою, не ограничивается движеніе вообще; послѣднее составляетъ объектъ изученія гораздо болѣе обширной науки, форономіи. Далѣе. Моя теорія имѣетъ значеніе если и не для всей не занимающейся изученіемъ явленій области знанія, если и не для всей чистой математики, то, безспорно, для геометріи. Она оказываетъ геометрамъ, занимающимся геометріею многомѣрнаго пространства, метагеометріею, услугу, давая имъ возможность указать противникамъ этой новой отрасли человѣческихъ знаній на то, что всѣ мы, хотя и безсознательно, совершаемъ непрестанное движеніе въ не нашемъ пространствѣ, что это пространство — не вымыселъ, а действительность, и что, слѣдовательно, «новая геометрія» — не область фантазіи, но такая же «положительная наука», какъ и «геометрія старая».

Наконецъ, что касается философіи, то для нея значеніе моей теоріи неисчерпаемо въ такой же мѣрѣ, въ какой неисчерпаемо для нея значеніе времени. Заслуга моей теоріи по отношенію къ трансцендентальной эстетикѣ можетъ быть уподоблена заслуге въ области химіи химика, который вдвое уменьшилъ бы число существующихъ въ химіи элементарныхъ тѣлъ: разрѣшивъ пространство, время, измѣненіе и движеніе въ трансцендентальное пространство и трансцендентальное движеніе, я свелъ четыре *элемента* трансцендентальной эстетики на два. Кромѣ того, моя теорія (какъ въ этомъ могъ убѣдиться на каждомъ шагу при чтеніи предыдущаго мой читатель) сообщаетъ идеѣ времени невообразимое распространеніе. Но философическое значеніе моей теоріи не ограничивается ея значеніемъ трансцендентально-эстетическимъ. Разъ она провозглашаетъ призрачность движенія объектовъ нашего воспріятія и независимость трансцендентальнаго нашего движенія отъ эмпирическаго нашего воленія, *eo ipso* она провозглашаетъ призрачность причинности и эмпирической нашей свободы¹: гдѣ нѣтъ мѣста движенію, тамъ нѣтъ мѣста и причинности; гдѣ нѣтъ выбора, тамъ не можетъ быть и свободы.

Нежеланіе мое выкладывать передъ читателемъ еще несполнѣ обработанный мною матеріалъ не позволяетъ мнѣ вдатся хоть въ мало-мальски обстоятельное разсужденіе объ этомъ предметѣ. Отлагая сообщеніе какъ тѣхъ результатовъ моихъ въ этомъ отношеніи изслѣдований, къ которымъ я уже пришелъ, такъ и тѣхъ, къ которымъ я приду, сообщу здѣсь результаты, къ которымъ я уже пришелъ, въ видѣ слѣдующихъ афоризмовъ: временное слѣдованіе есть трансцендентальная возлѣположенность; законосообразность — количественное единообразіе

¹ Проповѣдуемый моею теоріею «безпощадный» детерминизмъ подрываетъ въ корень свободу феноменальнаго нашего я, акты котораго превращаются согласно этой теоріи въ состоянія; но онъ оставляетъ вполне неприкосновенною свободу «умопостигаемаго» нашего я, нашего я «въ себѣ», трансцендентальнаго нашего я.

трансцендентальных соотношеній¹; причинность — качественное единообразіе такихъ соотношеній; эмпирическая свобода — свобода полета пушечнаго ядра.

Я кончилъ. Пусть читатель не посѣтуетъ на меня, что я преподнесъ ему въ настоящей моей статьѣ далеко не зрѣлый плодъ. Возвѣщая міру скудные результаты моихъ въ области трансцендентальной эстетики изслѣдованій, я руководился единственною цѣлью: произвести въ пребывающей со времени Канта въ состояніи неподвижности области движеніе и тѣмъ вызвать появленіе на ея поверхности перловъ. Пусть достанутъ эти перлы изъ глубины этой области и подарятъ ихъ міру люди болѣе прозорливые, болѣе свѣдущіе, болѣе опытные, болѣе искусные, чѣмъ я.

Харьковъ

18⁸/_{II}96

М. Аксеновъ

¹ Съ точки зрѣнія моей теоріи, какъ и согласно Платону (что явствуетъ изъ послужившаго эпиграфомъ къ настоящей моей статьѣ мѣста его «Республики»), наша наука изучаетъ порядокъ слѣдованія тѣней реальныхъ объектовъ, а не законы ихъ существованія; моя же теорія (какъ видитъ читатель и какъ я уже говорилъ) провозглашаетъ еще болѣе крайній идеализмъ. Кому покажется такой идеализмъ нелѣпостью, тому напомнимъ, что необычайность міровоззрѣнія не можетъ служить доказательствомъ его неправильности и что исторія философіи, взятая во всей ея пространственной и временной цѣлости, представляетъ сплошную проповѣдь идеализма.

ПРИМЕЧАНИЯ,

ДОБАВЛЕННЫЕ М. АКСЕНОВЫМ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ
«ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ВРЕМЕНИ»,
В КАЧЕСТВЕ ВТОРОЙ ГЛАВЫ ВКЛЮЧЕННОЙ В ВЫШЕДШУЮ В 1912 ГОДУ
КНИГУ «ОПЫТ МЕТАГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ»

Примѣчаніе 1. Любопытно, что я упредилъ современныхъ физиковъ и моимъ ученіемъ о *трансцендентальномъ растяженіи и разрѣженіи*. А именно. Величайшій современный физикъ Г. А. Лоренцъ тоже выставилъ, раздѣляемую другими физиками, гипотезу измѣненія формы тѣла при его движеніи. Но этимъ и ограничивается его со мною согласіе: по его гипотезѣ движущееся тѣло укорочивается въ направленіи своего

движенія въ отношеніи $1 : \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$, гдѣ v есть скорость движенія тѣла,

а c — скорость свѣта; съ моей же точки зрѣнія, какъ видѣлъ читатель, выходитъ какъ разъ наоборотъ: движущееся тѣло въ направленіи своего движенія удлинняется; съ точки зрѣнія новѣйшихъ физиковъ сплюсненіе, сжатіе движущагося тѣла происходитъ въ направленіи его движенія, съ моей же точки зрѣнія оно происходитъ въ противоположномъ направленіи, въ направленіи перпендикулярномъ направленію его движенія. Такая полярность моего воззрѣнія и воззрѣнія представителей современной науки меня нисколько не обезкураживаетъ, и вотъ почему. Во-первыхъ, здѣсь можетъ имѣть (я убѣжденъ, что имѣеть) мѣсто недоразумѣніе, а во-вторыхъ, гипотеза Лоренца есть все-таки гипотеза, и ничего больше: вышеприведенная его формула лишена эмпирической базы, она получена имъ умозрительнымъ путемъ, путемъ вычисленій, и вызвана стремленіемъ его спасти другую его гипотезу, гипотезу покоющагося эѳира. Но гипотеза эѳира вообще (покоющагося или нѣтъ) дискредитирована явленіями, на которыя въ послѣднее время натолкнулись Томсонъ, Бугереръ, Планкъ и другіе, что дало основаніе Норманну Кемпбеллю сказать: «Дѣла эѳира обстоятъ до смѣшного плохо даже тамъ, гдѣ его положеніе считалось превосходнымъ; пора бросить его поскорѣе въ ту сорную яму, гдѣ гніють уже флогистонъ и тепловая жидкость».

Примѣчаніе 2. Когда я высказывалъ мысль, что въ реальномъ (четырехмѣрномъ) мірѣ нѣтъ становленія, что послѣднее есть иллюзія, она казалась чудовищно парадоксальною; теперь же она раздѣляется многими представителями науки. В. Винъ въ своей «Теоріи относительности» (изданіе книгоиздательства «Физика»: «Германъ Минковскій. Пространство и время», стр. 70, переводъ) дословно говоритъ: «Весь міръ становленія превращается отнынѣ въ геометрію четырехъ измѣненій».

Глава из книги

ОПЫТЪ
МЕТАГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Издание 1912 года

ОПЫТЪ МЕТАГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Все — призракъ, все — сонъ;
только Богъ и душа — действительность*

ГЛАВА I

О ЗАВИСИМОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МІРѢ ОТЪ СКОРОСТИ ВОСПРІЯТІЯ*

Πάντων χρημάτων μέτρον ἀνθρώπος
(Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей)

Протагоръ

Мы получили от природы нѣсколько вполне опредѣленныхъ мѣръ времени, представляющихъ неизмѣнно повторяющіеся періоды времени естественныхъ явленій и потому насильственно намъ ею навязываемыхъ; таковы: годъ, мѣсяцъ, сутки. Но основныя мѣры времени, служащія намъ мѣрами заимствуемыхъ нами отъ внѣшняго міра мѣръ, мы черпаемъ въ самихъ себѣ. Народы, живущіе безъ часовъ, безъ искусственнаго измѣренія времени, обыкновенно мѣряютъ время промежутками между пріемами пищи, попеременнымъ возвращеніемъ голода и сытости. Обычная минимальная мѣра времени, называемая секундой и опредѣляемая нами искусственно, дана намъ нашей пульсаціей, біеніемъ нашего сердца, совершающимся при нормальныхъ обстоятельствахъ у здороваго здороваго человека съ математической точностью. Но настоящею основною мѣрою времени, которою

* В предисловии М. Аксенов отмечает, что эта статья составлена по «Reden gehalten in naturwissenschaftlichen versammlungen» академика Эрнста Карла фон Бэра (*прим. ред.*).

орудуетъ наше сознаніе, служить гораздо меньшая, психическая мѣра его, а именно, еѹ служить время, потребное для воспріятія нами производимыхъ на наши чувства внѣшнимъ міромъ впечатлѣній. Вотъ почему секунда можетъ показаться намъ продолжительною, если мы въ теченіе ея пребываемъ въ состояніи напряженного ожиданія. Что основною мѣрою времени служить мѣра психическая, это явствуетъ изъ наименованія древними римлянами секунды *momentum*; это слово производятъ отъ глагола *movere*, двигать; имъ, вѣроятно, обозначали время слѣдующаго за уколомъ отдергиванія уколотаго члена; этотъ латинскій терминъ перешелъ и въ большинство новыхъ языковъ.

Итакъ, скорость нашего чувственнаго воспріятія, или (что все равно) слѣдующей за нимъ реакціи на него нашего организма, есть наша настоящая естественная мѣра времени. У сангвиника то и другое совершается скорѣе, чѣмъ у флегматика, а потому первый живетъ скорѣе второго, т. е. онъ проживаетъ въ теченіе одного и того же времени больше, чѣмъ второй. Но у перваго и пульсъ бьется скорѣе, чѣмъ у второго. У кролика пульсація совершается вдвое скорѣе, чѣмъ у человека, а у коровы вдвое медленнѣе. Значитъ, у кролика слѣдованіе ощущеній и движеній совершается гораздо скорѣе, чѣмъ у коровы, а именно, вчетверо, и потому онъ въ теченіе одного и того же времени проживаетъ вчетверо больше, чѣмъ корова, живетъ вчетверо скорѣе ея.

Только потому, что вышесказанная основная наша мѣра времени (равная $\frac{1}{6} - \frac{1}{10}$ ") есть наша естественная минимальная мѣра его, намъ и кажется, что минутно созерцаемый нами, хотя бы множество разъ предметъ, напимѣръ, животное, есть нѣчто постоянное, неизмѣнное по величинѣ и по виду. Созерцаемое нами такимъ образомъ животное въ дѣйствительности далеко не неизмѣнно. Не только находится въ непрестанномъ движеніи его кровь, но въ теченіе одной минуты оно нѣсколько разъ вдохнуло кислородъ и выдохнуло углекислоту, путемъ транспираціи потеряло много входящихъ въ его организмъ веществъ и вообще въ этотъ періодъ времени въ его организмѣ совершилось такое множество не-

видимыхъ нами измѣненій, что если бы мы наблюдали его вооруженные соотвѣтственною мѣрою времени, мы подмѣтили бы и измѣненія въ его внѣшнемъ видѣ.

Если мы теперь вообразимъ, что жизнь человѣка течетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ то имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, то увидимъ, что всѣ совершающіеся въ природѣ процессы предстанутъ предъ нимъ въ иномъ видѣ. Теперь человѣкъ достигаетъ глубокой старости, проживъ 80 лѣтъ, или 29 200 дней и ночей. Допустимъ, что весь циклъ его жизни совершался бы въ $\frac{1}{1000}$ этого времени. Тогда дряхлость наступала бы для него, когда ему было бы 29 дней. Но онъ ничего не потерялъ бы изъ своей внутренней жизни, если бы она текла въ соотвѣтственной мѣрѣ скорѣе, если бы его пульсъ бился скорѣе въ 1000 разъ. При такихъ допущеніяхъ онъ долженъ бы былъ, какъ и мы, воспринимать въ промежутокъ времени между двумя ударами своего пульса 6—10 впечатлѣній, но онъ долженъ бы былъ, какъ и мы, воспринимать многое, нами не воспринимаемое, и наоборотъ. Онъ былъ бы, напримѣръ, въ состояніи совершенно свободно слѣдить взоромъ за пролетающей мимо него ружейной пулей, невидимой нами потому, что она мѣняетъ мѣсто слишкомъ быстро, чтобы мы могли видѣть ее въ опредѣленномъ мѣстѣ; но онъ ничего не могъ бы знать о смѣнѣ временъ года. Насколько же иною показалась бы ему наша природа? «Вот великолѣпно сіяющее на небѣ свѣтило, сказалъ бы онъ въ старости, восходящее, на нѣкоторое время заходящее и затѣмъ снова на немъ восходящее, чтобы изливать свѣтъ и тепло. Это я созерцаю уже 29-й разъ. Но на небѣ было еще другое свѣтило, которое появилось на немъ, когда я былъ еще крошечнымъ ребенкомъ, и которое было сперва совсѣмъ узенькимъ серпомъ, но затѣмъ дѣлалось все шире и все дольше пребывало на небѣ, пока сдѣлалось совсѣмъ круглымъ, и тогда лило свѣтъ всю ночь, свѣтъ хотя и слабѣйшій, чемъ свѣтъ дневного свѣтила, но достаточно яркій, чтобы указывать путь. Но это ночное свѣтило стало уменьшаться и восходить все позднѣе, пока наконецъ не исчезло. Оно исчезло, и наступили черные ночи».

Такой взглядъ былъ бы вполне натураленъ со стороны существа, которое имѣло бы возможность мыслить и наблюдать только въ теченіе мѣсяца и родилось бы въ новолуніе. Понятно, что о смѣнѣ времени года такой *мѣсячный человѣкъ* не могъ бы имѣть никакого представленія, по крайней мѣрѣ онъ не могъ бы почерпнуть о ней понятія изъ своего собственнаго опыта. Но если бы онъ могъ воспользоваться въ этомъ отношеніи опытомъ своихъ предшественниковъ, напримѣръ, такъ, какъ мы пользуемся опытомъ нашихъ предковъ, т. е. путемъ преданія и письменности, то онъ, если бы жилъ лѣтомъ, услышалъ бы или прочиталъ бы съ изумленіемъ, что были эпохи, въ которыя вся земля была покрыта бѣлымъ, холоднымъ веществомъ, снѣгомъ, вода была въ твердомъ состояніи, деревья были лишены листвы и царилъ лютый холодъ, что затѣмъ стало тепло, потекла вода, зазеленѣла земля, одѣлись листвою деревья. Онъ, по всей вѣроятности, отнесся бы къ рассказамъ объ этомъ съ точно такимъ же сомнѣніемъ, съ какимъ относимся мы къ рассказамъ о томъ, что находящіеся въ большей части нашего умѣреннаго пояса слѣды указываютъ на то, что тысячи лѣтъ назадъ цѣлыя страны этого пояса были покрыты толстымъ слоемъ льда, и что, наоборотъ, содержащіеся въ угольныхъ пластахъ Гренландіи остатки растений указываютъ на то, что было время, когда въ ней царилъ тропическій климатъ.

Идея о двадцатидевятидневной продолжительности жизни не заключаетъ въ себѣ ничего нелѣпаго. Вѣдь есть множество существъ, далеко недостигающихъ такого возраста; есть такія, которыя живутъ нѣсколько часовъ, даже нѣсколько минутъ.

Вообразимъ теперь себѣ, что человѣческая жизнь текла бы еще скорѣе въ 1000 разъ. Тогда она равнялась бы 40 минутамъ, и только въ случаѣ достиженія человѣкомъ глубокой старости — 42 минутамъ. Если бы при этомъ не послѣдовало никакого измѣненія во всей остальной природѣ, то она должна бы была показаться въ этомъ случаѣ человѣку опять другою, чѣмъ она казалась ему въ предыдущемъ случаѣ. Такой эфемерно существующій человѣкъ не могъ бы подмѣтить ро-

ста травы и цвѣтовъ, не говоря уже о деревьяхъ; они должны бы были казаться ему неизмѣнными. Въ продолженіе своего существованія онъ не могъ бы составить себѣ ни малѣйшаго понятія о смѣнѣ дней и ночей. Если бы среди такихъ *минутныхъ людей* явился философъ, родившійся, напримѣръ, въ лѣтній день, въ 6 часовъ вечера, то онъ на склонѣ своей жизни сказалъ бы внукамъ своимъ: «Когда я родился, лучезарное свѣтило, отъ котораго, повидимому, исходитъ всякая жизнь, стояло на небѣ выше, чѣмъ теперь. Съ того времени оно ушло на западъ и все опускается. Надобно предположить, что смѣнится еще одно-два поколѣнія, и оно исчезнетъ совсѣмъ. Тогда настанетъ царство сковывающаго все холода, тогда настанетъ конецъ міра, по крайней мѣрѣ конецъ человѣческаго рода».

Какія же измѣненія въ органическомъ мірѣ могъ бы подмѣтить человѣкъ, живущій 40—42 минуты? Мы уже сказали, что для такого человѣка были бы неизмѣнны трава и цвѣты. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь если бы онъ не употребилъ половины своей жизни (20—21 минутъ) на изслѣдованіе выходженія цвѣтка изъ почки (что было бы томительно даже для насъ, для наблюдателя же, для котораго 20 минутъ имѣли бы такое же самое значеніе, какое имѣетъ для насъ дважды взятое такое же число лѣтъ, было бы невыносимо долго), то онъ не подмѣтилъ бы ничего въ этомъ процессѣ. Такой человѣкъ не могъ бы воспринимать движенія животныхъ и членовъ ихъ тѣла. Эти движенія были бы для его быстро воспринимающаго глаза слишкомъ медленными, чтобы онъ могъ созерцать ихъ непосредственно. О нихъ онъ могъ бы узнать только посредственно, путемъ умозаключенія, подобно тому, какъ мы, не имѣя возможности непосредственно воспринимать своимъ глазомъ движенія небесныхъ свѣтилъ, заключаемъ о немъ, основываясь на ихъ удаленіи и приближеніи къ нашему горизонту. Весь органическій міръ показался бы безжизненнымъ такому человѣку, если бы, напримѣръ, подлѣ него не прокричалъ воспринимаемымъ имъ голосомъ какой-нибудь представитель животнаго царства, и въ высокой степени вѣроятно, что вѣчнымъ показался бы онъ ему, существу, которое дума-

ло бы, что можетъ предсказать закатъ солнца, но не имѣло бы никакого основанія вѣрить въ его восходъ. Живыми казались бы ему только существа ему подобныя, вслѣдствіе чего на него должна бы была чрезвычайно сильно вліять мысль о вѣроятной ихъ съ исчезновеніемъ солнца гибели. Какъ безутѣшна и скучна должна бы была казаться ему вся природа! Зато ему были бы доступны утѣхи иного, чѣмъ намъ, рода. Конечно, такой человѣкъ не могъ бы слышать всѣхъ слышимыхъ нами звуковъ, если бы его ухо было организовано подобно нашему; но онъ могъ бы воспринимать звуки, нами невоспринимаемые; онъ могъ бы даже *слышать* свѣтъ, который мы теперь видимъ, если бы его ухо было организовано соотвѣтственнымъ для этого образомъ. Мы слышимъ, какъ звучать тѣла, а вмѣстѣ съ ними и воздухъ, если они совершаютъ не менѣе 14—16 и не болѣе 48 000 колебаній въ секунду, т. е. въ промежутокъ времени между двумя ударами нашего пульса. Мы не слышимъ ни болѣе быстрыхъ, ни болѣе медленныхъ колебаній. Изъ числа воспринимаемыхъ нашимъ ухомъ колебаній быстрѣйшія называются высокими, медленнѣйшія низкими тонами. Но предполагая жизнь человѣческую ускорившуюся въ 1000 разъ, мы предполагали неизмѣнившимся содержаніе его духовной жизни, полагая уменьшившимся въ той же мѣрѣ потребное для чувственного его воспріятія время, равно какъ и соотвѣтственно ускорившимися всѣ прочіе процессы его жизни и неизмѣнившуюся всю остальную природу. Значить, звукъ, совершающій 48 000 колебаній въ промежутокъ времени между двумя ударами нашего пульса, и представляющій для насъ самый высокій, какой мы можемъ воспринять, тонъ, совершалъ бы 48 колебаній въ промежутокъ времени между двумя ударами пульса человѣка, который жилъ бы такою жизнью, и принадлежалъ бы для него къ самымъ низкимъ тонамъ. Представляя себѣ затѣмъ *минутнаго* *человѣка*, мы мысленно ускорили всѣ наши процессы еще въ 1000 разъ, т. е. представили себѣ наши жизненные процессы ускорившимися въ 1 000 000 разъ. Человѣкъ, живущій такою жизнью, не слышалъ бы, конечно, всѣхъ нами слышимыхъ звуковъ; онъ слышалъ бы звуки несравненно болѣе высокіе,

производимые несравненно быстрѣйшими колебаніями. Такія колебанія дѣйствительно существуютъ въ природѣ, хотя мы ихъ не слышимъ, а видимъ. Свѣтъ производится безконечно быстрыми колебаніями нѣкотораго, наполняющаго все міровое межатомное пространство вещества, называемаго эфиромъ. Колебанія его такъ быстры (ихъ считаютъ сотнями билльоновъ въ секунду), что, конечно, они остались бы невоспринимаемыми нашимъ ухомъ, если бы оно было даже въ милліонъ разъ воспріимчивѣе, чѣмъ теперь. Но мы могли бы представить себѣ нашу жизнь ускорившеюся въ такой степени, что воспринимаемыя нами теперь въ качествѣ свѣта и цвѣтовъ колебанія эфира сдѣлались бы нами слышимыми, предполагая обладаніе нами достаточно чувствительнымъ для ихъ воспріятія органомъ слуха. Но развѣ не можетъ еще существовать въ природѣ колебаній слишкомъ быстрыхъ, чтобы они воспринимались нами какъ звукъ, и слишкомъ медленныхъ, чтобы они воспринимались нами какъ свѣтъ? (Къ такого рода колебаніямъ принадлежатъ колебанія, которыми производится теплота, по крайней мѣрѣ лучистая.) А развѣ не можетъ быть въ природѣ еще иныхъ колебаній, нами совсѣмъ невоспринимаемыхъ? Это до нѣкоторой степени вѣроятно. Двигутся планеты, въ числѣ ихъ и наша земля, съ значительною быстротою въ эфирѣ, а слѣдовательно приводится ими въ движеніе и эфиръ; но это его движеніе несравненно медленнѣе свѣтовыхъ его колебаній. Можетъ быть, въ межпланетномъ пространствѣ существуютъ воспринимаемые не нашимъ ухомъ звуки; можетъ быть, существуетъ воспринимаемая не нашимъ, а совсѣмъ инымъ ухомъ «гармонія міровъ».

До сихъ поръ мы, оставляя неизмѣнною жизнь внѣшняго міра, представляли себѣ ускорившеюся, какъ бы сжатою, человѣческую жизнь. Представимъ теперь себѣ обратный процессъ: представимъ себѣ жизнь человѣческую замедлившеюся, произведемъ мысленно ея растяженіе. Допустимъ, что нашъ пульсъ бился бы въ 1000 разъ медленнѣе, чѣмъ теперь, и что для чувственного нашего воспріятія потребовалось бы въ 1000 разъ больше, чѣмъ теперь, времени; соотвѣтственно

этому конецъ нашей жизни наступалъ бы не въ 80 лѣтъ, а въ 80 000 лѣтъ. Такъ какъ съ измѣненіемъ заимствуемой нами изъ сферы нашихъ жизненныхъ процессовъ нашей мѣры времени измѣняется и все наше міросозерцаніе, то при вышесказанномъ допущеніи періодъ нашей жизни въ одинъ годъ имѣлъ бы для насъ такое же значеніе, какое имѣють теперь для насъ $8\frac{3}{4}$ часа нашей жизни. Слѣдовательно, мы могли бы тогда въ теченіе немного болѣе 4 часовъ нашего тогдашняго внутренняго времени созерцать, какъ растаялъ бы покрывающій зимою почву снѣгъ, вскрылись бы рѣки и зашумѣли бы ручьи, зазеленѣла бы трава и запестрѣли бы цвѣтами поля, одѣлись бы листвою, принесли бы плоды и затѣмъ снова обнажились бы деревья. Тогда мы буквально созерцали бы ростъ; зато тогда многіе процессы развитія, напримѣръ, процессъ развитія гриба, остались бы для насъ почти непримѣтными; мы замѣтили бы многія растенія только по достиженіи ими полной стадіи развитія, подобно тому какъ теперь мы замѣчаемъ струю бьющаго вверхъ фонтана, подлѣ котораго стоимъ, только по достиженіи ею предѣльной своей высоты. Въ такой же степени должны бы были казаться намъ при вышесказанномъ допущеніи эфемерными и животныя, особенно низшія. Но что въ особенности должно бы было породить въ насъ тогда идею о непрестанномъ универсальномъ измѣненіи, такъ это было бы то обстоятельство, что тогда въ теченіе соотвѣтствующихъ періоду теперешняго лѣтняго нашего времени четырехъ часовъ день непрерывно смѣнялся бы ночью, свѣтлая минута — полуминутою темною и солнце въ теченіе одной минуты совершало бы весь свой по небу путь, а въ слѣдующую за нею полуминутою было бы нами невидимо. Тогда солнце при кажущейся быстротѣ своего движенія должно бы было оставлять за собою огненную полосу, подобно тому какъ оставляють ее для насъ за собою свѣтящіяся метеоры. Если мысленно замедленную, растянутую нами въ 1000 разъ жизнь человѣка представимъ себѣ замедленною, растянутою еще въ 1000 разъ, то увидимъ, что природа явится предъ нимъ опять въ иномъ видѣ. У человѣка, который жилъ бы такою жизнью, могло бы въ теченіе года

имѣть мѣсто всего-на-всего 189 воспріятій, такъ какъ для каждаго его воспріятія потребовалось бы почти дважды 24 нашихъ часа. При такихъ условіяхъ мы не могли бы узнать ничего относительно правильной смѣны дня и ночи: да мы не могли бы ниразу увидѣть солнца, какъ солнца; оно казалось бы намъ, подобно тому какъ теперь кажется намъ совершающій быстрое круговое движеніе раскаленный уголь свѣтящеюся круговою линіею, только свѣтящеюся на небѣ дугою, и такъ какъ свѣтъ оставляетъ въ нашемъ глазу гораздо болѣе продолжительное, чѣмъ мракъ, впечатлѣніе, то эта дуга не исчезала бы для насъ на небосклонѣ и ночью. Тогда относительно кажущагося движенія солнца мы могли бы по большей мѣрѣ замѣчать, особенно зимою, правильно возвращающееся моментальное ослабленіе свѣта; мы видѣли бы непрерывно вспыхивающую зарницу, и это еще вопросъ, могли бы мы тогда при помощи всего своего глубокомыслія и всѣхъ своихъ научныхъ средствъ узнать, что земля освѣщается вращающимся вокругъ ея огненнымъ шаромъ, а не огненнымъ кольцомъ (что говорила бы намъ видимость), восходящимъ и заходящимъ надъ нею. Вѣдь намъ непремѣнно были бы тогда извѣстны времена года, но они казались бы намъ чрезвычайно быстротечными, потому что тогда въ теченіе $31\frac{1}{2}$ удара нашего пульса предъ нами совершалась бы смѣна всѣхъ временъ года. Тогда въ продолженіе 10 ударовъ нашего пульса (10 тогдашнихъ внутреннихъ нашихъ секундъ) мы видѣли бы въ нашихъ широтахъ землю покрытою снѣгомъ, затѣмъ въ теченіе какихъ-нибудь $1\frac{1}{2}$ удара его созерцали бы таяніе снѣговъ, въ теченіе другихъ 10 его ударовъ видѣли бы, какъ земля и деревья покрываются зеленою, вырастаютъ цвѣты и плоды и, наконецъ, какъ въ теченіе остальныхъ 10 его ударовъ исчезаютъ зелень, цвѣты, плоды и водворяется царство осени съ ея стужей и дождями.

Мы нарочно старались въ предыдущемъ не надѣлять человека новыми способностями, которыя давали бы ему возможность познанія сторонъ природы, скрытыхъ отъ него теперь: ниразу мы не надѣляли его какимъ-нибудь новымъ чувствомъ; ниразу мы не надѣляли его утонченными орга-

нами воспріятія, наримѣрь, микроскопическимъ или телескопическимъ глазомъ; ниразу мы не надѣляли его орудіями воспріятія для насъ сокровеннаго, наримѣрь, восхожденія въ растеніи почвенной влаги и превращенія ея, наримѣрь, въ виноградной лозѣ, въ сахаръ, или процесса питанія и уничтоженія частями тѣла крови; наконецъ, ниразу мы не надѣляли его способностью проникновенія во внутреннюю сущность вещей, постиженія первой причины и конечной цѣли процессовъ природы. Мы брали человѣка такимъ, каковъ онъ есть, и только показывали, какою бы была для него созерцаемая нами природа, если бы он обладалъ не такою, какъ теперь, *мѣрою времени*.

Фрагменты из книги

НѢТЬ ВРЕМЕНИ

Издание 1913 года

Посвящается
Анатолію Федоровичу Кони

НѢТЬ ВРЕМЕНИ

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ МЕТАГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Міръ былъ бы вѣченъ,
если бы онъ былъ построенъ
о четырехъ измѣреніяхъ*

S. Martin

.....

...возрѣніе, согласно которому все движется во времени, есть чувственный обманъ; совершаетъ движеніе по «линіи времени»¹ наше я, все же остальное, включая и наше тѣло, во времени не движется, пребываетъ въ абсолютномъ покоѣ; совершаетъ временное движеніе въ направленіи отъ прошедшаго къ будущему наше я, а намъ кажется, такъ какъ мы не можемъ убѣдиться въ этомъ, не властны остановиться въ такомъ нашемъ движеніи, что движется во времени все остальное, кромѣ нашего я, движется въ немъ все, называемое не-я, въ направленіи противоположномъ, въ направленіи отъ будущаго къ прошедшему. Все человѣчество пребывало всегда и пребываетъ въ убѣжденіи, что прошедшее прекращаетъ свое существованіе, какъ только оно прошло; я же говорю, что если бы мы возвратились вспять по пути временнаго нашего движенія, мы увидѣли бы, что прошедшее только прошло, а не исчезло (въ самомъ словѣ *прошедшее* не заключается идеи объ исчезновеніи), что оно исчезло только для насъ, субъективно, потому что мы *мимо его прошли*, а не само по себѣ, не объективно. Но если движется во времени только наше я, все

¹ Кантовское выраженіе, обозначающее путь, направленіе «движенія времени».

же остальное во времени не движется, то не только существует прошедшее *послѣ* нашего мимо него прохождения, но существует и будущее *до* нашего мимо него прохождения, а не родится, не возникает только съ послѣднимъ. Что касается настоящаго, то согласно обычному на время воззрѣнію выходитъ такъ, что не существуетъ и его, такъ какъ оно непрестанно уходитъ отъ насъ въ область абсолютно исчезающаго прошедшаго; согласно этому воззрѣнію выходитъ, что позади и впереди насъ зияетъ бездна ничтожества, мы же балансируемъ на остромъ, какъ лезвіе отточенной бритвы и непрестанно изъ-подъ нашихъ ногъ ускользающемъ ребрѣ стѣны, висящей надъ бездной.

Отъ такого чудовищнаго нигилизма, от такой нелѣпости, кажущейся намъ истиной только въ силу привычки, вполне свободна моя теория времени. Согласно ей существуетъ разъ и вѣчно и прошедшее, и настоящее, и будущее, согласно ей они — не фикція, а реальнѣйшая реальность. Неправда, что «palais, monuments — tout s'écroule, tout périt»; нѣтъ, все, канувшее въ бездну прошедшаго, перестало существовать только для насъ, на самомъ же дѣлѣ, объективно, оно существуетъ во всей своей полнотѣ и неприкосновенности; нетлѣнны и дворцы и памятники, нетлѣнны всѣ произведенія архитектуры, живописи, зодчества, всѣ формы идеальной красоты человѣческаго тѣла, всѣ акты дѣятельности человѣка и народовъ, всѣ ихъ геройскія дѣянія, всѣ ихъ отвратительныя преступленія. Неправда и то, что книга будущаго представляетъ *tabula rasa*, что вся она состоитъ изъ чистыхъ страницъ; нѣтъ, въ ней нѣтъ ни одной страницы чистой: всѣ онѣ исписаны сверху донизу, только мы не можемъ прочитать изъ нихъ ни одного слова, пока послѣдовательно не прочитаемъ всего, ему предшествующаго. Но разъ такъ, въ моей теоріи пріобрѣтаетъ реальное закрѣпленіе и настоящее: согласно ей настоящее является частью временнаго нашего пути, перестающего существовать по нашемъ ея прохожденіи только субъективно, только для насъ; мы не можемъ убѣдиться въ этомъ потому, что не можемъ вернуться вспять по пути временнаго нашего движенія, какъ можемъ сдѣлать при нашемъ физи-

ческомъ прохожденіи мимо предметовъ, стоящихъ на совершаемомъ нами въ обыденной нашей жизни пути. Отходя безпрестанно, безостановочно, неудержимо вмѣстѣ съ непрестаннымъ, неудержимымъ, безостановочнымъ временнымъ нашимъ движеніемъ въ область прошедшаго, оно перестаетъ существовать только для насъ, только субъективно: оно не можетъ быть остановлено, *закрѣплено* нами, потому что мы невластны остановиться въ нашемъ временномъ движеніи, а если бы и остановились въ немъ, если бы перестали его совершать, то все-таки не совершили бы чуда Навина, не остановили бы времени: мы остановили бы его, но только субъективно, закрѣпили бы настоящее только для себя своею смертью, такъ какъ жить и совершать временное движеніе это — одно и то же. Изъ сказаннаго следуетъ, что извѣчное и вселенское на время возрѣніе, по которому *дорога растетъ и рушится съ движеніемъ путника*, представляетъ заблужденіе, основывающееся на такомъ же чувственномъ обманѣ, какъ и геліоцентризмъ, и на привычкѣ. Неправда, что путь временного нашего движенія растетъ и рушится съ этимъ движеніемъ: нѣтъ, онъ существуетъ объективно въ каждомъ пунктѣ своемъ, каждая пядь его есть реальность, дѣленіе же времени на прошедшее, настоящее и будущее, какъ обусловленное субъективною особенностью нашего духа, нашимъ непрестаннымъ безостановочнымъ, безогляднымъ временнымъ движеніемъ, не имѣетъ коррелата въ дѣйствительности, вполнѣ субъективно, вполнѣ идеально.

.....

Но что же такое воспринимающее въ насъ начало? Когда я говорю, что воспринимаю свѣтъ глазомъ, это не значит, что свѣтъ воспринимается глазомъ; это значить, что я воспринимаю свѣтъ посредствомъ глаза; то же самое надобно сказать о звукѣ и о всемъ, нами воспринимаемомъ. Наши чувства служатъ только каналами воспріятія нами впечатлѣній отъ внѣшняго міра (включая и наше тѣло съ его функціями), вливающихъ черезъ эти каналы въ одинъ общій резервуаръ, сходящихся въ одномъ фокусѣ въ нашемъ тѣлѣ, вѣроятнѣе

всего въ нашемъ головномъ мозгу, но гдѣ именно, на это современная наука дать отвѣта не можѣтъ, да если бы наукѣ и удалось сдѣлать это въ будущемъ, мы все-таки не могли бы созерцать, не могли бы воспринимать того именно, что въ насъ воспринимаетъ, воспринимающаго въ насъ начала. Воспринимающее начало осталось бы и тогда для насъ абсолютно невоспринимаемымъ, невоспріемлемымъ, трансцендентнымъ; тогда мы знали бы только въ точности мѣсто его нахождения въ нашемъ организмѣ, воспринимать же его мы и тогда не могли бы: вѣдь воспринимать то, что въ насъ воспринимаетъ, невозможно въ такой же мѣрѣ, въ какой невозможно видѣть собственный глазъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что не будетъ большою погрѣшностью понимать подъ воспринимающимъ въ насъ началомъ наше сознаніе.

Теперь обратимся къ вопросу, дѣйствительно ли, какъ я утверждаю, имѣетъ мѣсто движеніе воспринимающаго въ насъ начала по четвертому измѣренію или движеніе по этому измѣренію нашего пространства съ его объектами. Я въ основаніе моей теоріи времени полагаю движеніе перваго рода вотъ почему. Допущеніе движенія нашего пространства по четвертому измѣренію, или, что все равно, четырехмѣрнаго пространства по этому измѣренію, было бы равнозначно допущенію существованія въ этомъ послѣднемъ пространствѣ *пустоты*. Кромѣ того, стать на сторону такого допущенія препятствуетъ слѣдующее соображеніе. Думать серьезно, что все нами воспринимаемое (не только внѣшній міръ, но и наше тѣло, все наше существо со всѣми его физическими и психическими функціями) совершаетъ движеніе такого рода и непрестанною калейдоскопическою своею смѣною, по волѣ какой-то благосклонной къ намъ силы, тѣшить нашъ внутренній взоръ, значитъ проповѣдывать крайне наивный метафизический геоцентризмъ. Трепещущей на лепесткѣ цвѣтка капль росы, если бы она была одарена сознаніемъ отраженія ею и неба, и окрестныхъ горъ, и другихъ растущихъ подлѣ цвѣтка, на которомъ находится она, цвѣтовъ, и такихъ же, какъ она, капель росы на нихъ, но лишена сознанія собственнаго своего движенія, казалось бы, что

трепещеть не она, а все ею отражаемое. Съ другой стороны, допустить неподвижность воспринимающаго въ насъ начала значить допустить статизмъ центральнаго очага нашей психической жизни, центральной лабораторіи совершающихся въ насъ психическихъ процессовъ, значить уподобить воспринимающее въ насъ начало безжизненному зеркалу, пассивно отображающему все проходящее мимо его. Къ сказанному надо прибавить еще то, что, какъ увидимъ далѣе, наша жизнь и временное наше движеніе, — это одно и то же.

.....

Разъ время есть движеніе воспринимающаго въ насъ начала по четвертому измѣренію, все же воспринимаемое нами объемлется временемъ, то существованіе вообще обращается въ протяженіе по этому измѣренію (существовать и простирается по четвертому измѣренію — это одно и то же), а длительность существованія — въ количество такого протяженія. Это относится къ нашему тѣлу, какъ объекту нашего воспріятія. Если бы намъ было доступно четвертое измѣреніе, если бы мы могли видѣть и въ направленіи этого измѣренія, созерцать четырехмѣрное пространство съ его объектами, мы увидѣли бы, что мы воспринимаемъ не целые объекты, а только ихъ сѣченія въ направленіи перпендикулярномъ четвертому измѣренію, воспринимаемъ не реальный миръ, не реальные объекты, но миръ и объекты идеальные, что реальный объектъ получится по сложеніи того, что мы получимъ, если возьмемъ объектъ нашего воспріятія во всѣ мгновенія его существованія, что возникновеніе объекта нашего воспріятія состоитъ въ воспріятіи нами въ нашемъ временномъ движеніи перваго временного его сѣченія, а прекращеніе его существованія — въ воспріятіи нами послѣдняго временного его сѣченія. Тогда, въ частности, мы увидѣли бы, что то, что мы называемъ человѣкомъ, есть нѣчто идеальное, частичное, что реальный человѣкъ получится только въ томъ случаѣ, если мы возьмемъ его на всемъ его протяженіи по линіи времени, по четвертому измѣренію, т. е., если мы возьмемъ его такимъ,

какимъ онъ является въ каждый мигъ его существованія, и все взятое суммируемъ въ порядкъ теченія времени; тогда мы увидѣли бы, что рожденіе человѣка и вообще возникновеніе чего бы то ни было состоятъ въ достиженіи воспринимающимъ въ насъ началомъ на пути его временнаго движенія пункта, въ которомъ находится одинъ изъ двухъ краевъ (по четвертому измѣренію) соотвѣтственнаго четырехмѣрнаго объекта, а смерть человѣка и вообще прекращеніе существованія чего бы то ни было — въ достиженіи воспринимающимъ въ насъ началомъ при временномъ нашемъ движеніи пункта, въ которомъ находится другой край соотвѣтственнаго четырехмѣрнаго объекта, — словомъ, что время и все временное насквозь идеальны, что только внѣвременность, только вѣчность реальна¹.

Изъ сказаннаго можно вывести еще и слѣдующее заключеніе. Изъ того, что время есть движеніе воспринимающаго въ насъ начала по четвертому измѣренію въ направленіи отъ прошедшаго къ будущему, слѣдуетъ, во-первыхъ, то, что можно представить себѣ временное движеніе діаметрально противоположное временному нашему движенію и, во-вторыхъ, что можетъ существовать столько временныхъ движеній, пространственно однородныхъ съ нашимъ, сколько можно представить себѣ въ четырехмѣрномъ пространствѣ родовъ прямыхъ, составляющихъ тотъ или другой уголъ съ нашимъ четвертымъ измѣреніемъ нашего временнаго движенія, т. е. что можно представить себѣ безконечное множество разнообразныхъ по своему направленію временныхъ въ четырехмѣрномъ пространствѣ движеній. Но если бы наше временное движеніе было діаметрально противоположнымъ нашему временному движенію теперешнему, то мы воспринимали бы всѣ процессы, всѣ явленія въ порядкѣ обратномъ теперешнему, и тогда

¹ При чтеніи предыдущаго относительно суммированія временныхъ сѣченій, имеющихъ нулевую величину по четвертому измѣренію, у читателя невольно возникнетъ мысль, будто я проповѣдую возможность полученія отъ сложенія нулевыхъ величинъ величины положительной, но вскорѣ я выясню ему, что временное сѣченіе и сѣченіе геометрическое — не одно и то же.

картина міра измѣнилась бы для насъ невообразимо¹; тогда, напримѣръ, рожденіе существа состояло бы въ химическомъ соединеніи веществъ, на которыя разлагается его трупъ по смерти его, въ воскресеніи его, затѣмъ жизнь его потекла бы въ порядкѣ обратномъ теперь наблюдаемому, и смерть его состояла бы въ процессѣ, обратномъ теперешнему процессу его рожденія, т. е. въ уходѣ его изъ свѣта въ материнскую утробу, въ обращеніи его въ зародышъ и такъ далѣе. Тогда потекла бы въ обратномъ имѣвшему мѣсто въ дѣйствительности порядкѣ жизнь человѣчества и вселенной, воскресли бы съ своею культурой, исчезнувшіе тысячи лѣтъ назадъ съ лица земли народы, зажглись бы снова потухшія тысячи, десятки тысячъ лѣтъ назадъ небесныя свѣтила, и мы воочію убѣдились бы въ томъ, что прошедшее только прошло мимо насъ, но не исчезло. — Что касается возможности безконечнаго разнообразія временнаго движенія въ четырехмѣрномъ пространствѣ, то я ограничусь замѣчаніемъ, что стоитъ намъ сдѣлать небольшое усиліе фантазіи, чтобы прійти къ заключенію о возможности встрѣчи нашей, съ такими же, какъ и мы, не только геометрически, но и фізіологически однородными существами.

Теперь пойдемъ далѣе. Мы уже знаемъ, что движеніе объекта нашего воспріятія есть иллюзія, порождаемая наклоненіемъ соотвѣтственнаго ему цилиндрообразнаго трансцендентальнаго объекта къ нашему пространству или, что то же, къ направленію нашего временнаго движенія, и что скорость такого движенія прямо пропорціональна величинѣ угла такого наклоненія, или, иначе, обратно пропорціональна величинѣ угла, образуемаго таковымъ объектомъ съ нашимъ пространствомъ. Но съ увеличеніемъ скорости движенія объекта нашего воспріятія, а слѣдовательно угла трансцендентальнаго наклоненія соотвѣтственнаго трансцендентальнаго объекта должно имѣть мѣсто пропорціональное *удлиненіе* временнаго сѣченія послѣдняго, а слѣдовательно удлиненіе движущагося объекта въ направленіи его движенія (чѣмъ

¹ Нѣчто подобное можно наблюдать на кинематографическомъ сеансѣ при сообщеніи кинематографической лентѣ обратного движенія.

наклоннѣе во взятомъ нами примѣрѣ цилинръ къ поверхности стола, тѣмъ временное его сѣченіе, кругъ, должно все болѣе и болѣе растягиваться, удлиняться, превращаться въ эллипсъ все съ большимъ эксцентриситетомъ въ направленіи кажущагося своего движенія.

Увеличеніе скорости движенія объекта нашего воспріятія должно сопровождаться еще и его *утопченіемъ, разрѣженіемъ*, обусловливаемымъ возрастаніемъ взаимной непокрываемости временныхъ сѣченій соотвѣтственнаго трансцендентальнаго объекта. Изъ послѣдняго вытекаетъ строгое логическое заключеніе, что съ увеличеніемъ скорости движенія объекта нашего воспріятія временныя сѣченія соотвѣтствующаго ему четырехмѣрнаго объекта утончаются, а слѣдовательно, что они имѣютъ четвертое измѣреніе, что временное сѣченіе четырехмѣрнаго объекта не то же самое, что геометрическое его сѣченіе, что въ послѣднемъ содержится безконечное число геометрическихъ сѣченій (тончайшая пластинка изъ какого бы то ни было вещества можетъ быть мысленно разсѣчена въ направленіи перпендикулярномъ ея толщинѣ на безконечное множество пластинокъ)¹, что мы до нѣкоторой степени способны къ воспріятію четырехмѣрныхъ объектовъ, четвертаго измѣренія, что мы до нѣкоторой степени существа четырехмѣрныя, сопричастныя трансцендентальному міру вещей.

Спрашивается: существуетъ ли въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ какой-нибудь коррелятъ, что-либо соотвѣтственное временному сѣченію? Да, существуетъ. Имъ служить скорость воспріятія. Если не ошибаюсь, то впервые заговорилъ о скорости воспріятія Гельмгольцъ; въ этомъ одна изъ его многочисленныхъ и великихъ заслугъ. До него не задавались вопросомъ о длительности процесса нашего воспріятія, считали, что этотъ процессъ не занимаетъ никакого времени, что не суще-

¹ Число геометрическихъ сѣченій объекта четырехмѣрнаго перпендикулярныхъ четвертому измѣренію безконечно, а число временныхъ его сѣченій ограничено, а именно, оно равно протяженію его по этому измѣренію, дѣленному на трансценд. толщину его временнаго сѣченія (на протяженіе послѣдняго по этому измѣренію).

ствуешь никакого промежутка времени между воздѣйствіемъ внѣшняго міра на нашъ организмъ и воспріятіемъ нами такого воздѣйствія, а значить, что такого процесса совсѣмъ не существуетъ. Гельмгольцъ первый поставилъ этотъ вопросъ и экспериментально доказалъ, что процессъ воспріятія занимаетъ нѣкоторое, хотя сравнительно минимальное время, различное для различныхъ нашихъ чувствъ, даже находящееся въ зависимости отъ нашихъ психическихъ состояній. Это время колеблется въ предѣлахъ $\frac{1}{6} - \frac{1}{10}$ ". Вотъ это-то время, промежутокъ времени между воздѣйствіемъ объекта нашего воспріятія на нашъ организмъ и его нами воспріятіемъ, время распространенія иннерваціи отъ периферическихъ концовъ нашихъ нервовъ до нашего головного мозга (въ которомъ фізіологи видятъ мѣсто нахожденія, сѣдалище воспринимающаго въ насъ начала) и называется скоростью воспріятія. Ясно, что эта скорость подъ метагеометрическимъ угломъ зрѣнія, съ моей точки зрѣнія, есть не что иное, какъ трансцендентальная толщина временнаго сѣченія (протяженіе временнаго сѣченія по четвертому измѣренію). Въдъ съ моей точки зрѣнія (это уяснится для читателя въ полной мѣрѣ впослѣдствіи, пока же скажу, что иначе быть не можетъ, такъ какъ съ моей точки зрѣнія движеніе есть иллюзія) всякій процессъ есть иллюзія, а опредѣленіе количества времени, занимаемаго процессомъ, сводится на опредѣленіе протяженія его по четвертому измѣренію¹.

Читая эти строки, читатель можетъ поддаться искушенію вообразить, что я опредѣлилъ скорость временнаго нашего движенія, *скорость теченія времени* (!?). Къ сожалѣнію, это будетъ грубымъ заблужденіемъ; къ сожалѣнію, ни мнѣ, ни кому-либо изъ смертныхъ, существъ трехмѣрныхъ, это не подъ силу. Въдъ опредѣлить скорость какого-нибудь движенія, это значить опредѣлить отношеніе (частное отъ дѣленія) опредѣленной части пути этого движенія, опредѣленной ча-

¹ Отсюда слѣдуетъ, что число временныхъ сѣченій объекта можетъ быть выражено еще и такъ, что оно равно времени его существованія, дѣленному на скорость его воспріятія (на время, потребное для его воспріятія).

сти одного изъ измѣреній нашего пространства къ опредѣленному количеству (нашего) времени, принимаемому за единицу, за мѣру времени, т. е., согласно моей теоріи, къ четвертому измѣренію. Отсюда слѣдуетъ, что если бы намъ была дана трансцендентальная толщина временнóго сѣченія объекта четырехмѣрнаго (протяженіе такового сѣченія по четвертому измѣренію), то и тогда мы все-таки не могли бы опредѣлить скорости временнóго нашего движенія, такъ какъ и тогда отсутствовалъ бы другой факторъ этой скорости, время высшаго, чѣмъ наше время, порядка, слѣдуетъ, что *опредѣлить* скорость временнóго нашего движенія, *скорость теченія нашего времени могло бы только существо высшаго, чѣмъ мы, числа измѣреній*, только существо по крайней мѣрѣ четырехмѣрное, если бы, само собою разумѣется, оно обладало способностью къ этому, если бы его воспріятію было доступно временнóе наше движеніе. Для такого существа скоростью временнóго нашего движенія было бы отношеніе опредѣленной части пути временнóго нашего движенія, напримѣръ, временнóго сѣченія, къ его времени, къ временнóму его движенію, къ движенію воспринимающаго въ немъ начала по пятому измѣренію.

Итакъ, переходъ объекта нашего воспріятія отъ состоянія неподвижности къ движенію долженъ сопровождаться растяженіемъ, или, иначе, утонченіемъ, разрѣженіемъ и измѣненіемъ его формы, геометрическаго его вида. Назовемъ эти явленія соотвѣтственно *трансцендентальнымъ растяженіемъ* или иначе *трансцендентальнымъ разрѣженіемъ* (купно съ трансцендентальною ахроматизаціею) и *трансцендентальною трансфигураціею* и посмотримъ, не противорѣчитъ ли такое строго логическое слѣдствіе изъ принципа моего воззрѣнія на движеніе дѣйствительности.

Повидимому, при переходѣ объекта нашего воспріятія отъ состоянія неподвижности къ движенію и отъ одного кинетическаго состоянія къ другому не наблюдается ни одно изъ вышесказанныхъ явленій. Но это — только повидимому; въ дѣйствительности же имѣютъ мѣсто всѣ они. Чтобы привести читателя къ убѣжденію въ справедливости этого моего

утвержденія кратчайшимъ и, такъ сказать, радикальнѣйшимъ путемъ, напомнимъ ему о такомъ обыденномъ явленіи, какъ явленіе растяженія, утонченія и слитія спиць вращающагося вокругъ своей оси съ достаточною для этого скоростью колеса въ полупрозрачный кругообразный объектъ. Это явленіе, до сихъ поръ еще никогда никѣмъ с трансцендентально-эстетической точки зрѣнія необъясненное, находитъ себѣ въ моемъ на эмпирическое движеніе воззрѣніи вполне удовлетворительное объясненіе, которое нисколько не противорѣчитъ объясненію его фізіологическому; разница состоитъ только въ своеобразности моего взгляда на скорость воспріятія (какъ на временное сѣченіе), вслѣдствіе чего съ моей точки зрѣнія ясному воспріятію подлежитъ только такой объектъ, протяженіе соотвѣтствующаго которому четырехмѣрнаго объекта по четвертому измѣренію больше временнаго его сѣченія, а съ фізіологической точки зрѣнія — только тотъ объектъ, существованіе котораго продолжительнѣе времени его воспріятія; мое объясненіе, какъ уяснится это впослѣдствіи для читателя, тоже фізіологическое, но трансцендентально-фізіологическое, метафізіологическое.

Теперь пойдемъ далѣе. Намъ извѣстно, что мы воспринимаемъ только сѣченія четырехмѣрнаго міра и его объектовъ, что послѣдніе находятся въ неподвижности, а слѣдовательно, что въ неподвижности же пребываетъ и соотвѣтствующій нашему эмпирическому тѣлу четырехмѣрный объектъ, наше тѣло трансцендентальное. Но воспринимающее въ насъ начало находится где-то въ нашемъ эмпирическомъ тѣлѣ (находится въ немъ где-то очагъ, фокусъ схожденія всѣхъ нашихъ воспріятій); слѣдовательно, наше трансцендентальное тѣло служить непосредственною средою временнаго нашего движенія, и мы воспринимаемъ не самые объекты, а только ихъ образы.

Такъ какъ теперь наше тѣло простирается и по четвертому измѣренію, то простираются по этому же измѣренію и всѣ его органы, а слѣдовательно, какъ каналы нашего воспріятія, органы нашихъ чувствъ, такъ и фокусъ схожденія нашихъ воспріятій. Но если так, то не только вѣчны, не только не воз-

никаютъ, не рождаются и не исчезаютъ, не умираютъ объекты нашего воспріятія, объекты внѣшняго міра, но вѣчны и образы ихъ; они находятся на *оси* нашего трансцендентальнаго тѣла, въ нашемъ *внутреннемъ пространствѣ*.

Мы воспринимаемъ не только объекты внѣшняго міра, но и объекты, явленія нашего міра внутренняго. Мы воспринимаемъ, напримѣръ, исходящую изъ извѣстнаго мѣста нашего тѣла боль, испытываемъ душевные движенія, чувства радости, горя, досады и пр., всѣ они исходятъ изъ пространства, но изъ пространства не внѣшняго, а изъ пространства внутренняго; объекты (включая и явленія) внѣшняго міра находятся во внѣшнемъ пространствѣ, объекты (включая сюда и явленія) внутренняго міра находятся во внутреннемъ пространствѣ. Значить, внѣшнее пространство есть пространство, лежащее внѣ нашего тѣла, а внутреннее пространство есть пространство, находящееся въ нашемъ тѣлѣ. Но мы только-что сказали, что образы всего, воспринимаемого нами отъ внѣшняго міра, находятся въ нашемъ внутреннемъ пространствѣ, слѣдовательно, въ послѣднемъ находятся образы всего вообще нами воспринимаемого. Значить, воспринимающее въ насъ начало въ своемъ временномъ движеніи воспринимаетъ то, что уже лежало въ готовомъ видѣ въ нашемъ внутреннемъ пространствѣ; всѣ объекты какъ нашего внѣшняго, такъ и нашего внутренняго воспріятія, какъ образы объектовъ внѣшняго міра, так и всѣ наши ощущенія, всѣ наши душевные движенія (эмоціи), всѣ наши мысли и желанія, словомъ, все содержаніе нашего сознанія написано во внутреннемъ пространствѣ нашего существа отъ вѣка вѣковъ.

.....

Здѣсь будетъ умѣстно коснуться вскользь безконечности каузальной связи. Эта безконечность, подобно безконечности времени, существуетъ только для насъ, существъ трехмѣрныхъ, эмпирическихъ, и въ нашемъ же, трехмѣрномъ, эмпирическомъ мірѣ. Подобно тому, какъ съ трансценден-

тальной точки зрѣнія временное слѣдованіе явленій (событій) превращается въ трансцендентальную возлѣположность и надъ безконечнымъ временемъ высится внѣвременность, сверхвременность, выражаясь языкомъ Спинозы, вѣчность, съ той же точки зрѣнія, эмпирическая причинность превращается въ единообразіе трансцендентальной возлѣположности, и надъ безконечной цѣпью причинъ высится обрывающее, замыкающее эту цѣпь, какъ *первопричина*, какъ *причина причинъ*, наше временное движеніе. И подобно тому, какъ нѣтъ основаній къ недопущенію времени высшаго, чѣмъ наше время, порядка, нѣтъ ихъ къ недопущенію и трансцендентальной причинности, къ недопущенію существованія причинности въ четырехмѣрномъ міре для четырехмѣрныхъ существъ.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, откуда явилась, какимъ образомъ возникла у насъ идея о дѣйствиіи. Эта идея возникла у насъ такъ же, какъ возникло у насъ представленіе объ измѣненіи, въ частности о мѣняющей только свою форму, но остающейся неизмѣнной по существу (только метаморфизирующей) матеріи, представленіе, содержащее въ себѣ, строго говоря, внутреннее противорѣчіе, такъ какъ это представленіе есть представленіе объ *измѣняющемся неизмѣнномъ*. Намъ уже извѣстно, что временное наше движеніе даетъ намъ, существамъ трехмѣрнымъ, возможность воспріятія, хотя и по частямъ, четырехмѣрныхъ объектовъ и этимъ дѣлаетъ насъ существами до нѣкоторой степени причастными трансцендентальному міру вещей, до нѣкоторой степени существами трансцендентальными; но этимъ самымъ оно вноситъ двойственность въ наше сознание: съ одной стороны, чувственному нашему воспріятію доступны только трехмѣрные объекты, эмпирическому нашему сознанію доступны только измѣняющійся, движущійся міръ, съ другой, въ насъ, какъ существахъ въ своемъ временномъ движеніи до нѣкоторой степени воспринимающихъ міръ трансцендентальный, таится смутная, достигавшая у избранныхъ, у гениальныхъ мыслителей значительной ясности, идея о вѣчномъ, неизмѣнномъ мірѣ, мірѣ трансцендентальномъ, и такая же идея, что измѣ-

неніе и движеніе — иллюзіи, создаваемые нами же самими, нашимъ собственнымъ движеніемъ (временнымъ движеніемъ). Вотъ эта-то двойственность психической природы челоуѣка, необходимость для него примиренія воззрѣнія его на міръ, какъ существа эмпирическаго, съ воззрѣніемъ его на міръ, какъ существа трансцендентальнаго, необходимость для него выхода изъ создаваемой двойственностью его существа альтернативы и породила въ немъ всѣ указанныя нами въ этомъ трудѣ иллюзіи; она же породила и иллюзію дѣйствія. Съ одной стороны, онъ, причастный трансцендентальному міру, міру, гдѣ нѣтъ движенія, гдѣ нѣтъ мѣста дѣйствию, гдѣ все — покой и неизмѣнность, сознаетъ, что онъ не можетъ ничего въ немъ создать, даже измѣнить, а съ другой, онъ на готовой уже почвѣ иллюзіи воли своей и измѣненія объектовъ внѣшняго міра строить понятіе дѣйствія и смотреть на себя, какъ на дѣятеля, какъ все-таки на творца, хотя бы только творца измѣненія, какъ на распорядителя въ мірѣ своемъ.

Если мы обратимся теперь къ анализу представленія дѣйствія, то увидимъ, что въ немъ содержатся представленіе о субстанціи и представленіе о движеніи (вообще объ измѣненіи). Наличность субстанціи и движенія (измѣненія) составляетъ *conditio sine qua* дѣйствія: оно немыслимо, съ одной стороны, безъ дѣятеля, с другой, безъ движенія (измѣненія). Въдѣ гдѣ есть дѣйствіе, тамъ есть жизнь, движеніе, гдѣ нѣтъ движенія, тамъ нѣтъ и дѣйствія. Такимъ образомъ въ представленіи дѣйствія соединены два діаметрально-противоположныхъ представленія: съ одной стороны, представленіе о чемъ-то устойчивомъ, постоянномъ, неизмѣнномъ, словомъ, о субстанціи, съ другой стороны, представленіе о движеніи, этомъ синонимѣ измѣнчивости, непостоянства, неустойчивости. Это вполне согласно съ только-что нами сказаннымъ о происхожденіи понятія дѣйствія. Первый элементъ представленія дѣйствія привносится нами въ него изъ міра трансцендентальнаго, второй — изъ міра эмпирическаго. Но мы доказали призрачность и измѣненія и движенія, а слѣдовательно доказали и призрачность дѣйствія, такъ какъ по

отвлеченіи отъ дѣйствія измѣненія и движенія въ остаткѣ получится бездѣйствующая, мертвая субстанція.

Но что же такое субстанція, этотъ крюкъ, на который мы навѣшиваемъ дѣйствіе? Есть ли что-либо адекватное, соотвѣтственное, ей въ мірѣ объективномъ, четырехмѣрномъ, реальномъ? Рѣшительно ничего: понятіе субстанціи есть всего-на-всего фикція, и больше ничего. Создавая эту фикцію, мы занимаемся художествомъ, пишемъ портреты съ самихъ себя, а именно, беремъ наше *Я*, уже надѣленное нами волею и способностью дѣйствія, и все это, превративъ волю и способность дѣйствія въ свойство дѣйствовать, переносимъ, навѣшиваемъ на не-*Я*.¹ Въ процессъ такого художественнаго творчества, архитектурнаго созиданія понятія субстанціи мы мало того, что гиголоизируемъ (оживотворяемъ), мы антропоморфизуемъ (очеловѣкотворяемъ) то, что лишено воли и способности дѣйствія. Мы съ улыбкой снисхожденія относимся къ неразумности ребенка, когда онъ, ударившись о какой-либо предметъ, бьетъ его въ досадѣ на него, а сами вышесказанною дѣятельностью нашей вполне уподобляемся ребенку. — Такимъ образомъ въ результатѣ анализа понятіе дѣйствія оказывается фикціей, а само дѣйствіе иллюзіей, такъ какъ иллюзіей оказываются субстанція, измѣненіе и движеніе, на которыхъ строится дѣйствіе.

Итакъ, время, измѣненіе, движеніе, воля, сила, причинность, дѣйствіе, все это — иллюзіи, и ничего больше какъ иллюзіи. Если присоединимъ сюда ученіе гносеологии, что результатъ нашего воспріятія не адекватенъ нами воспринимаемому ни со стороны количественной (мы не воспринимаемъ, примѣръ, ультракрасныхъ и ультрафіолетовыхъ лучей), ни со стороны качественной (напримѣръ, движеніе воздуха, воспринимаемое нашимъ органомъ слуха, воспринимается нами, какъ звукъ), то придется согласиться съ Кантомъ, что мы видимъ «вещь въ себѣ», объективный міръ сквозь паутину, которою мы сами же его оплетаемъ, что всѣ наши потуги узрѣть объективный горизонтъ уподобляются стараніямъ ребенка схватить радугу, что онъ навѣки останутъ

¹ Такъ мы создаемъ понятіе, напр., о матеріи, о теплотѣ и пр.

ся покушениемъ съ негодными средствами. Съ этой стороны заслуга метагеометрической философіи отрицательна. Раздвигая до бесконечности границы макрокосмоса учениемъ о томъ, что раздвинутое до бесконечности же астрономіей наше трехмѣрное пространство съ неисчислимыми сонмами населенныхъ и ненаселенныхъ въ немъ міровъ есть всего-навсего геометрическое сѣченіе четырехмѣрнаго пространства и что существуетъ бесконечная арифметическая прогрессія пространствъ съ разностью по числу измѣреній равною единицѣ, она расширяетъ кругозоръ человѣческой мысли до такой степени, что микрокосмосъ дѣлается менѣ всякой произвольно-взятой малой величины, что человѣку потребенъ уже микроскопъ, чтобы видѣть свое собственное существо, а разрушая извѣчныя иллюзіи человеческого духа¹, она усугубляетъ въ человѣкѣ сознание ограниченности его духовныхъ силъ, пригнетаетъ до земли его нѣкогда столь высоко подъятую, со времени же Коперника все ниже и ниже склонявшуюся голову и переполняетъ уже и безъ того наполненную почти до краевъ бѣдствіями земной жизни и философіею Шопенгауэра чашу пессимистическаго яда². Но у метагеометрической философіи есть заслуги и положительныя. У нея можно позаимствовать нѣкоторый свѣтъ для освѣщенія глубочайшихъ изъ тайнъ, а именно, тайны смерти и тайны загробной жизни. Но прежде чѣмъ обратиться къ этому, посмотримъ, сколько свѣта для ихъ освѣщенія даетъ намъ положительно рѣшающая вопросы о смерти и о загробной жизни философія индивидуалистовъ³, чтобы соединить его съ свѣтомъ, который мы извлечемъ для этого изъ метагеометрической философіи и затѣмъ направить лучи такого соединеннаго свѣта вглубь этихъ тайнъ.

¹ Иллюзіи воли, дѣйствіе и пр.

² А. Р. Уоллесъ своимъ «Мѣсто человѣка во вселенной» даетъ намъ нѣкоторое основание приподнять голову.

³ Индивидуалистъ есть тотъ, кто за земнымъ существомъ человѣка видитъ скрывающійся въ туманной метафизической дали сверхчувственный, трансцендентальный его субъектъ, метафизическій индивидуумъ, неуничтожимый, недѣлимый психо-физическій атомъ, Лейбницевскую безсмертную монаду.

Такъ какъ по-моему изъ всѣхъ представителей индивидуализма наиболѣе удовлетворительно и притомъ исходя изъ опыта отвѣтилъ на вопросы о смерти и о загробной жизни германскій философъ Карль Дюпрель¹, то для меня ознакомленіе читателя съ ученіемъ индивидуалистовъ сводится къ изложенію ученія Дюпреля. Постараюсь изложить это ученіе возможно кратко и ясно.

Исходя изъ области явленій такъ называемой аномальной жизни человѣка, преимущественно изъ области явленій сомнабулизма, Дюпрель пришелъ къ заключенію о необходимости признанія того, что человѣческое существо состоитъ изъ души, видимаго нами, т. е. воспринимаемаго нашими чувствами, или иначе эмпирическаго тѣла, и не воспринимаемаго нами, или иначе трансцендентальнаго тѣла. За послѣднимъ онъ удерживаетъ стародавнее наименованіе его астральнымъ, иначе звѣзднымъ, эфирнымъ. Наша душа вмѣстѣ съ астральнымъ нашимъ тѣломъ образуетъ трансцендентальный нашъ субъектъ. Этотъ нашъ субъектъ обладаетъ всѣми, что и нашъ субъектъ эмпирическій, способностями, только въ несравненно высшей степени: скорость его воспріятія такъ велика, что для него наша земная жизнь — мигъ (какъ для утопающаго проносящаяся передъ его духовнымъ взоромъ вся его жизнь); онъ до земного своего воплощенія провидитъ всю свою земную жизнь со всѣми ея страданіями и, невзирая на то, избираетъ ее на свой страхъ и совѣсть, съ педагогическою цѣлью, истиннаго блага своего ради (сомнамбулы въ своемъ снѣ диктуютъ себѣ мучительнѣйшую операцію, отвергаемую ими въ состояніи бодрствованія), побуждая родителей предсуществующаго ребенка къ половому соединенію (родители, говоритъ Дюпрель, это какъ бы усыновители своихъ дѣтей).

Подобно тому, какъ нашъ трансцендентальный субъектъ существовалъ до своего земного воплощенія, до нашего рожденія, онъ будетъ существовать, освободившись отъ земной оболочки своей, отъ земного нашего тѣла, т. е.

¹ Основное его сочиненіе «Философія мистики», мною переведенное, вышло недавно вторымъ изданіемъ.

по прекращеніи своего воплощенія, по смерти нашей. При своемъ воплощеніи онъ погружается въ земной міръ вещей не всѣмъ своимъ существомъ, не весь облекается въ земное тѣло. Поэтому имѣющее мѣсто до вступленія его въ земную жизнь, до нашего рожденія, и по выходѣ его изъ нея, послѣ нашей смерти, исключительно трансцендентальное его существованіе въ трансцендентальномъ мірѣ смѣняется съ вступленіемъ его въ земной міръ двойственною жизнью его, земною и трансцендентальною, въ двойственномъ мірѣ, земномъ и трансцендентальномъ. Умеревъ, мы не перенесемся въ пространственно другой міръ, мы останемся въ пространственно томъ же, что и теперь, мірѣ, но мірѣ, чувственно нами во время нахождения нашего въ нормальныхъ состояніяхъ не воспринимаемомъ, для насъ трансцендентальномъ и только до нѣкоторой степени нами воспринимаемомъ во время нахождения нашего въ такъ называемыхъ аномальныхъ состояніяхъ (особенно въ сомнамбулизмѣ, въ мнимой смерти, въ медіумическомъ трансѣ).

Голосъ нашей совѣсти по Дюпрелю трансцендентальнаго происхожденія, диктуемый намъ, повидимому, извнѣ, кантовскій категорическій императивъ «ты долженъ» является у Дюпреля голосомъ нашего собственнаго существа, воленіемъ трансцендентальнаго нашего субъекта (диктуемая сомнамбуломъ самому себѣ въ его снѣ мучительная операція), чѣмъ монистически разрѣшается дуализмъ нашей воли и въ силу чего самоубійство является противленіемъ нашего эмпирическаго лица волѣ трансцендентальнаго нашего субъекта. Наше сознаніе эмпирическое и наше сознаніе трансцендентальное представляютъ по Дюпрелю два концентрическихъ круга, изъ коихъ меньшій — первое сознаніе, большій — второе. Содержаніе нашей эмпирической, земной жизни обнимается нашимъ трансцендентальнымъ сознаніемъ, но содержаніе трансцендентальной нашей жизни нашимъ эмпирическимъ сознаніемъ не обнимается (сомнамбуль въ своемъ снѣ помнитъ содержаніе своей бодрственной жизни, но въ бодрственной своей жизни ничего не помнитъ изъ содержанія своего сомнамбулическаго сна).

Вот сущность ученія Дюпреля. Посмотримъ теперь, пріемлемо ли оно и если пріемлемо, то въ какой мѣрѣ пріемлемо съ метагеометрической точки зрѣнія.

По Дюпрелю человѣкъ есть двойственное существо: у него два тѣла, земное, или эмпирическое, и астральное, трансцендентальное, два таковыхъ же сознанія и двѣ таковыхъ же воли, а потому у него два таковыхъ же существа, но эти два его существа находятся въ монистическомъ соединеніи въ одномъ его существѣ, почему онъ представляетъ двуединое существо, единое по существу и двойственное въ лицахъ, — существо, въ которомъ монистически соединены трансцендентальное и эмпирическое его сознаніе, трансцендентальная и эмпирическая его воля, трансцендентальное и эмпирическое его тѣло, словомъ онъ — амфибія высшаго порядка, онъ двуликій Янусъ.

То же самое говорю и я: я говорю, что у человѣка двѣ природы — трансцендентальная и земная, четырехмѣрная и трехмѣрная, что хотя его воспріятію доступны заразъ только трехмѣрные объекты, но что почастіямъ онъ воспринимаетъ, благодаря движенію воспринимающаго въ немъ начала по четвертому измѣренію, благодаря временному своему движенію, объекты четырехмѣрные, трансцендентальные, что двойственностью его природы, его сознанія объясняется двойственность его воззрѣнія на міръ и что стремленіе его, какъ двуединого существа (какъ существа трехмѣрно-четырехмѣрнаго) къ монистическому разрѣшенію вырастающихъ на почвѣ его двойственности противорѣчій породило въ немъ иллюзіи въ видѣ идей времени, измѣненія (движенія), воли, дѣйствія и причины.

Далѣе. Фундаментомъ моихъ метагеометрическихъ построеній служить, какъ извѣстно читателю, тезисъ: воспринимающее въ насъ начало совершаетъ движеніе по нормали къ нашему трехмѣрному пространству, по четвертому измѣренію; это движеніе и есть время, а путь его есть «линия времени». Это начало четырехмѣрно, трансцендентально, и такъ какъ оно трансцендентально и по существу (какъ воспринимающее оно само не воспріемлемо, нашему воспріятію не подле-

жить), то оно насквозь трансцендентально. Оно простирается въ четвертое измѣреніе въ степени меньшей, чѣмъ въ какой простирается по этому измѣренію наше тѣло, такъ какъ оно совершаетъ свое временное движеніе въ нашемъ трансцендентальномъ тѣлѣ, но въ какой именно степени меньшей, этого определить нельзя; можно только сказать, что въ далеко меньшей.

Если сопоставимъ теперь только—что сказанное съ учениемъ Дюпреля о томъ, что мы живемъ одновременно, не сознавая этого, двоякою жизнью, въ трансцендентальномъ мірѣ трансцендентальною жизнью трансцендентальнаго нашего субъекта и въ эмпирическомъ мірѣ эмпирическою жизнью нашего земного лица, то придемъ къ заключенію, что воспринимающее въ насъ начало (какъ мы уже знаемъ насквозь трансцендентальное) есть органъ трансцендентальнаго нашего субъекта, находящійся въ такомъ же отношеніи къ тѣлу этого субъекта (астральному нашему тѣлу), въ какомъ головной мозгъ нашъ находится къ нашему тѣлу земному. Этотъ органъ и есть та часть, которую по Дюпрелю трансцендентальный нашъ субъектъ погруженъ въ земной міръ вещей. Для трансцендентальнаго нашего субъекта этотъ органъ его не будетъ трансцендентальнымъ, какъ не трансценденталенъ, напримѣръ, для насъ нашъ глазъ. Этимъ органомъ трансцендентальный нашъ субъектъ созерцаетъ четырехмѣрное пространство съ его объектами такъ, какъ мы созерцаемъ наше пространство съ его объектами, т. е. сфера воспріятія имъ его пространства ограничена. Последнее, повидимому, противорѣчитъ ученію Дюпреля о томъ, что нашъ трансцендентальный субъектъ провидитъ весь путь своей земной жизни до своего воплощенія; но это только повидимому: вѣдь до времени совершенія близкимъ мнѣ человекомъ путешествія я могъ изслѣдовать предстоящій ему путь.

Хотя поле созерцанія трансцендентальнымъ нашимъ субъектомъ его пространства ограничено, какъ ограничено поле созерцанія нами нашего пространства, но онъ можетъ по отдѣленіи его отъ своего тѣла свободно рѣять въ трансцендентальномъ пространствѣ и тѣмъ свободнѣе, чѣмъ радикальнѣе

это отдѣленіе его, чѣмъ глубже нашъ вообще сонъ (преимущественно сомнамбулическій сонъ, мнимая смерть и медиумическій трансъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ созерцать все отъ насъ, какъ отъ существъ трехмѣрныхъ, сокровенное. Двумѣрные, напримѣръ, существа не могутъ созерцать внутренняго строенія своего тѣла (какъ и мы не можемъ созерцать внутренняго строенія нашего тѣла) или созерцать другъ друга, будучи отдѣлены другъ отъ друга двумѣрною преградю (какъ мы — другъ друга, будучи отдѣлены другъ отъ друга преградю трехмѣрною); мы же, существа трехмѣрныя, могли бы созерцать то и другое при соотвѣтственномъ измѣненіи фізіологическаго нашего существа. Такъ точно, если стать на исключительно метагеометрическую точку зрѣнія, то можно сказать, что трансцендентальный нашъ субъектъ можетъ насквозь созерцать свое земное тѣло и таковое же тѣло другихъ людей (самосозерцаніе внутренняго строенія тѣла другихъ людей и другія такого же рода способности, обнаруживаемыя сомнамбулами въ ихъ снѣ).

.....

... разъ существуетъ эта иллюзія, ея возникновеніе требуетъ объясненія, объяснить же возникновеніе, генезисъ иллюзіи свободы нашихъ дѣйствій я могу, не погрѣшая противъ послѣдовательности, противъ логики, только допустивъ свободу выбора трансцендентальнымъ нашимъ субъектомъ пути его временнаго движенія, такъ какъ стоитъ только сдѣлать это допущеніе, и тогда возникновеніе въ насъ иллюзіи свободы нашихъ дѣйствій объяснится такъ же, какъ объясняется возникновеніе въ насъ всѣхъ указанныхъ нами иллюзій, а именно, что она возникла въ насъ благодаря сознанію нами, хотя и смутному, свободы выбора трансцендентальнымъ нашимъ субъектомъ земнаго его пути (временнаго его движенія въ тѣлѣ такого-то человѣка). Только двойственностью нашего сознанія, отображеніемъ въ нашемъ эмпирическомъ сознаніи этой свободы и можно объяснить сознаніе нами себя свободными дѣятелями въ этомъ мірѣ, только такимъ путемъ

и можно разрѣшить, выражаясь языкомъ Канта, антиномію свободы и необходимости. Что касается кантовскаго рѣшенія вопроса о свободѣ, разрѣшенія имъ антиноміи свободы и необходимости, то скажу слѣдующее. Я заодно съ Шопенгауэромъ признаю это рѣшеніе Канта, его ученіе о свободѣ «самымъ блестящимъ алмазомъ въ вѣнцѣ кантовской славы», такъ какъ въ этомъ ученіи Кантъ своимъ различіемъ я эмпирическаго, феноменальнаго, и я умопостижаемаго, трансцендентальнаго, какъ и вообще различіемъ «вещи въ себѣ» и явленія обнаружилъ геніальное прозрѣніе того, что санкціонировано впослѣдствіи позитивною философіей безсознательнаго, затѣмъ индивидуалистическою и наконецъ метагеометрическою философіей; но я не могу согласиться съ нимъ ни въ признаніи имъ за человѣкомъ свободы дѣйствія въ земной его жизни, въ эмпирическомъ мірѣ, ни въ его ученіи объ умопостижаемомъ нашемъ характерѣ. Съ моей точки зрѣнія человѣкъ не можетъ въ этомъ мірѣ «самопроизвольно начать рядъ событій, только въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи совершающихся по закону причинности... независимо отъ времяопредѣленія». Онъ не можетъ освободиться отъ сковывающей его въ этомъ мірѣ по рукамъ и ногамъ цѣпи причинности. Что же касается умопостижаемаго характера человѣка, то для меня умопостижаемый или трансцендентальный нашъ характеръ, характеръ трансцендентальнаго нашего субъекта не можетъ обнаруживаться въ этомъ, земномъ, эмпирическомъ мірѣ; хотя у трансцендентальнаго субъекта cadaго человѣка свой характеръ, но послѣдній не можетъ обнаружиться въ земной жизни его, въ дѣйствіяхъ земного нашего лица: онъ можетъ обнаруживаться только въ трансцендентальной его жизни вплоть до выбора имъ пути временнаго его движенія, вплоть до выбора имъ для своего земного воплощенія земного тѣла даннаго человѣка. Итакъ, повторяю, согласно и индивидуалистической и метагеометрической философіи является насквозь детерминированною только наша земная жизнь; тамъ и здѣсь детерминизмъ этимъ и ограничивается, онъ не распространяется на актъ погруженія трансцендентальнаго нашего субъекта въ земной мірѣ ве-

щей, въ наше тѣло, тѣмъ болѣе на его предсуществованіе, на его существованіе до его воплощенія, на его чисто-трансцендентальное существованіе.

.....

НѢТЬ СМЕРТИ

Издание 1918 года

Посвящается
Николаю Васильевичу Горбачевскому

НѢТЬ СМЕРТИ

НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВРЕМЕНИ

И клялся ангель, что не будетъ времени

Апокалипсис IX, 6

Feci quod potui, faciant meliora potentes

Сдѣлалъ какъ могъ, пусть тотъ, кто можетъ, сдѣлаетъ лучше

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемый вниманію читателя трудъ представляетъ плодъ тридцатилѣтней работы мысли. Въ немъ содержится въ существенныхъ чертахъ все изложенное въ трехъ моихъ книгахъ: «Трансцендентально-кинетическая теорія времени», «Опытъ метагеометрической философіи» и «Нѣть времени» съ добавленіемъ двухъ, являющихся здѣсь посильно разработанными отдѣловъ, а именно, *о дѣйствіи* и *о причинности*, которыхъ я въ предыдущихъ моихъ трудахъ только касался мимоходомъ.

Такая медленность работы объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что мнѣ приходится работать въ области, въ которую до меня не проникалъ взоръ ни одного смертнаго, затѣмъ — обстоятельствами моей личной жизни и, наконецъ, стремленіемъ моимъ къ наияснѣйшему изложенію результатовъ моихъ изслѣдованій. Этимъ моимъ стремленіемъ объясняется и то, что всѣ мои труды сходственны по содержанію: у всѣхъ у нихъ, если можно такъ выразиться, одинъ и тотъ же

лейтмотивъ и каждый послѣдующій отличается отъ предыдущаго только бѣльшимъ развитіемъ этого мотива; это — концентрическіе круги; расширяющіеся въ порядкѣ теченія времени.

Насколько я достигъ въ настоящемъ моемъ трудѣ выше-сказанной цѣли и какой интересъ вызоветъ онъ въ обществѣ, покажетъ пріемъ его послѣднимъ.

М. Аксеновъ

ИЗЯСЛАВЛЬ

1918 г. 26 августа

ВВЕДЕНИЕ

Къ новому воззрѣнію на время пришелъ нѣмецкій ученый Эйнштейнъ въ 1904 году, я же изложилъ и развилъ его в брошюрѣ «Трансцендентально-кинетическая теорія времени» въ 1896 году. Собственно говоря, мысль о возможности воззрѣнія на время діаметрально противоположнаго до меня существовавшему возникла во мнѣ за десять лѣтъ ранѣе, в 1886 году; десятилѣтній періодъ времени потребовался для развитія моего воззрѣнія до стадіи, въ которой оно явилось въ сказанной брошюрѣ, и для рѣшенія вопроса о его кѣмъ либо предвареніи.

Если не считать такимъ предвареніемъ (а считать нельзя) того, что еще съ Лагранжа геометры, трактуя объ опредѣленіи мѣстонахожденія движущагося тѣла, смотрѣли на время, какъ на четвертую координату, говорили о времени, какъ о четвертомъ измѣреніи фигурально, то единственнымъ предварителемъ меня въ этомъ отношеніи, единственнымъ конкурентомъ моимъ въ дѣлѣ признанія пріоритета открытія новой точки зрѣнія на время можно было бы считать, согласно тому, что говоритъ Уэльсъ въ предисловіи къ своему сочиненію «Машина времени», англійскаго профессора Симона Ньюкома, высказавшагося относительно возможности такой точки зрѣнія въ Нью-іоркскомъ математическомъ обществѣ въ 1894 году, т. е. за два года до выхода въ свѣтъ сказанной моей брошюры. Но о пріоритетѣ его предо мною, тѣмъ болѣе о заимствованіи у него мною, не можетъ быть рѣчи, впервыхъ, потому, что мысль о возможности моего воззрѣнія на время явилась у меня, какъ я уже сказалъ, въ 1886 году, вовторыхъ, потому, что я совершенно не знаю англійскаго языка, самое же главное, потому, что эта мысль не была высказана Ньюкомомъ въ печати. Къ сказанному прибавлю слѣдующее. Никто еще до сихъ поръ не двинулся ни на волосъ далѣе провозглашенія того, что «время есть четвертое измѣреніе»¹,

¹ О причинѣ взятія мною въ кавычки этихъ словъ будетъ сказано.

не сдѣлать ни шагу по пути развитія этой идеи, вывода изъ нея заключеній и слѣдствій и согласованія ихъ какъ съ существующими научными дисциплинами, такъ и съ основными нашими понятіями и представленіями, тогда какъ я сдѣлать опытъ того и другого и положилъ такимъ образомъ основаніе новой отрасли знанія, названной мною метагеометрическою философіей.

НѢТЬ СМЕРТИ

Все движется, все течетъ во времени. Такъ думало и продолжаетъ думать человѣчество. По какому же пути совершается временное¹ движеніе? Гдѣ искать его? Очевидно, что не въ нашемъ пространствѣ, такъ какъ это движеніе совершаетъ наше пространство, взятое во всей его цѣлости, со всѣмъ его содержаніемъ, со всѣми наполняющими его объектами, включая и наше тѣло. Такъ где же его искать?

Всякъ, кто училъ геометрію, знаетъ, что въ ней допускается существованіе идеальныхъ, только мыслимыхъ, но отнюдь не подлежащихъ нашему чувственному воспріятію элементовъ, а именно: элемента безмѣрнаго, неимѣющаго измѣреній, — геометрической точки, элемента одномѣрнаго, имѣющаго одно измѣреніе, — геометрической линіи, элемента двухмѣрнаго, имѣющаго два измѣренія, — геометрической поверхности (въ частности плоскости) и элемента трехмѣрнаго, имѣющаго три измѣренія, — геометрическаго тѣла, что геометрическое тѣло получается путемъ абстракціи отвлеченія физическаго тѣла, удаленія изъ него всѣхъ его свойствъ за исключеніемъ протяженности, что геометрическая поверхность есть предѣлъ или сѣченіе геометрическаго тѣла, что геометрическая линія есть предѣлъ или сѣченіе геометрической поверхности и что геометрическая точка есть предѣлъ или сѣченіе геометрической линіи. Если теперь мы будемъ продолжать мыслить въ томъ же направленіи, то придемъ къ заключенію, что на геометрическое тѣло можно смотрѣть, какъ на предѣлъ или какъ на геометрическое сѣченіе элемента четырехмѣрнаго. Съ идеальной точки зрѣнія, для чистаго нашего мышленія, это

¹ ВРЕМЕННОЕ (от слова временной), а не ВРЕМЕННОЕ (отъ слова вѣременный): последнее слово имѣетъ совсѣмъ другое, чѣмъ первое, значѣніе, а именно: невѣчный, даже кратковременный; вотъ почему я въ послѣдующемъ изложеніи, въ грамматическихъ формахъ одинаковыхъ для обоихъ словъ ставлю удареніе въ словѣ временной.

не представляет никакой трудности; съ этой точки зрѣнія, существованіе четырехмѣрнаго пространства и таковыхъ же элементовъ не содержитъ въ себѣ ровно ничего парадоксальнаго; для нашего чистаго мышленія допущенія существованія четырехмѣрнаго пространства и четырехмѣрныхъ элементовъ нисколько не труднѣе допущенія существованія геометрической точки, таковой же линіи и таковой же поверхности; что же касается чувства, то для него, для чувственного нашего воспріятія, четырехмѣрное пространство и таковой же элементъ столь же недоступны, сколь недоступны ему пространство и элементы числа измѣреній меньшаго трехъ: всѣ они для нашего чувства не существуютъ, всѣ они для насъ сверхчувственны, трансцендентальны.

Но если такъ, то спрашивается, почему же пространство и элементы числа измѣреній меньшаго трехъ несравненно легче представляются нами, чѣмъ пространство и элементы четырехмѣрные. На это существуетъ слѣдующая причина. Когда мы представляемъ себѣ элементъ двухмѣрный (поверхность или плоскость), то на самомъ дѣлѣ мы представляемъ себѣ его въ видѣ элемента доступнаго нашему чувственному воспріятію, въ видѣ элемента трехмѣрнаго, и иначе, безъ отнесенія его къ послѣднему, представить его себѣ ни за что не можемъ. Какъ бы мы ни старались удалить изъ нашего представленія двухмѣрнаго элемента представленіе элемента трехмѣрнаго, какъ бы мы ни старались абстрагироваться, отдѣлаться отъ послѣдняго, этого мы достигнуть не можемъ; на нашемъ представленіи двухмѣрнаго элемента лежитъ ничѣмъ не смываемая печать трехмѣрности: вѣдь представляя себѣ поверхность какъ предѣлъ тѣла, мы, строго говоря, представляемъ себѣ не геометрическую поверхность, а все-таки тѣло, до безконечности тонкій слой его. Поверхность мы можемъ представить себѣ только при помощи костыля трехмѣрности. На этой же почвѣ, на почвѣ трехмѣрности, вырастаютъ и представленія наши линіи и точки, такъ какъ представленіе линіи вырастаетъ на почвѣ представленія поверхности, а представленіе точки — на почвѣ представленія

линіи; они висят на деревѣ, имѣющемъ тотъ же корень, что и представленіе поверхности, хотя висятъ на немъ еще выше.

Если мы теперь обратимся къ представленію четырехмѣрнаго пространства и такового же элемента, то увидимъ, что здѣсь мы уже не можемъ пользоваться сказаннымъ костылемъ; но и здѣсь есть костыль, которымъ я пользовался при построеніи теоріи времени; такимъ костылемъ служить аналогія между отношеніемъ четырехмѣрнаго пространства къ нашему пространству, трехмѣрному, и отношеніемъ нашего пространства къ двухмѣрному. Хотя этотъ костыль даетъ далеко не такую твердую опору, какъ предыдущій, тѣмъ не менѣе его вполне достаточно для уразумѣнія моей теоріи времени.

Допустимъ же, что существуетъ четырехмѣрное¹ пространство съ соотвѣтственнымъ содержаніемъ и что наше пространство со всѣми его объектами отъ бесконечно отделенныхъ отъ насъ ужасающихъ размѣровъ звѣздъ до ничтожной пылинки представляетъ геометрическое его сѣченіе, а слѣдовательно, что реальное пространство со всѣми его объектами не исчерпывается нашимъ воспріятіемъ, что въ дѣйствительности оно простирается еще и въ четвертое измѣреніе; тогда весь нашъ безграничный міръ превратится всего-на-всего въ идеальный сколокъ реального міра, четырехмѣрно пространственного, а временное движеніе, *время*, — въ *движеніе по четвертому измѣренію*. Въ этомъ и состоитъ сущность новаго воззрѣнія на время. Оно было, какъ сказано выше, провозглашено мною въ 1896 году, а черезъ 8 лѣтъ нѣмецкій ученый Эйнштейнъ пришелъ абстрактнымъ, математическимъ путемъ, къ пріобрѣтающему теперь право гражданства въ наукѣ заключенію, что *время есть четвертое измѣреніе*.

Спрашивается: то ли самое утверждаютъ теперь ученые спеціалисты, что девятнадцать лѣтъ назадъ высказалъ я, и если да, если современная наука провозглашаетъ то самое, только въ другой формѣ, что давно провозгласилъ я, то какая фор-

¹ Впредь я буду употреблять нерѣдко вмѣсто слова четырехмѣрный слово трансцендентальный (неподлежащій воспріятію, сверхчувственный).

ма выраженія новаго воззрѣнія на время предпочтительнѣе? Я ставлю этотъ вопросъ не изъ личнаго моего интереса, а въ интересахъ ясности послѣдующаго изложенія.

Нѣтъ надобности вдаваться въ анализъ представленія времени, чтобы признать, что въ немъ содержится, какъ существенный его элементъ, какъ неизъемлемая изъ него, интегральная его часть, представленіе движенія, а такъ какъ въ представленіи измѣренія вообще и четвертаго измѣренія въ частности представленія о движеніи не содержится, то отсюда слѣдуетъ или то, что современная наука провозглашаетъ не мой взглядъ на время, или то, что она провозглашаетъ тотъ же по существу, что и я, на него взглядъ, но что кто-либо изъ насъ, или я, или она, провозглашаетъ его въ неточной формѣ, въ неточныхъ выраженіяхъ. Въ дѣйствительности имѣеть мѣсто послѣднее, и вотъ почему. Дѣло въ томъ, что надобно различать время и такъ называемую со времени Канта *линію времени*. Если представимъ себѣ существованіе чего-либо, то оно, существованіе, предстанетъ предъ нами въ видѣ прямой, чертимой тѣмъ, существованіе чего мы себѣ представляемъ; эта прямая и есть линія времени; существовать и чертить, тянуть линію времени, это съ трансцендентально-эстетической точки зрѣнія¹ одно и то же. Отсюда слѣдуетъ, что оба опредѣленія времени, и мое опредѣленіе, и опредѣленіе современной науки, будучи тождественными по существу, различаются только формою, но что моя формулировка его предпочтительнѣе.

Итакъ, наше пространство есть сѣченіе четырехмѣрнаго пространства, получающееся при временномъ движеніи, совершающемся по четвертому измѣренію. Но если временное движеніе есть движеніе по четвертому измѣренію, то *временное слѣдованіе превращается въ четырехмѣрнопространственную възлѣположность*, а *прошедшее и будущее оказываются частями четырехмѣрнаго пространства*, которыя существуютъ только субъективно, только для насъ, для нашего воспріятія, но которыя объективно, безъ отношенія къ послѣднему, не

¹ Трансцендентальною эстетикою Канта называется ученіе о пространствѣ и времени.

существуютъ и которыя раздѣляются непрестанно движущеюся по пути временнаго движенія стѣною настоящаго.

Спрашивается: чѣмъ обусловливается такое перемѣщеніе стѣны настоящаго? Дѣйствительно ли оно обусловливается, какъ мы въ этомъ убѣждены, движеніемъ всего нами воспринимаемаго, движеніемъ *не-я*, а значить, въ силу сказаннаго, движеніемъ четырехмѣрнаго пространства въ направленіи, какъ намъ кажется, отъ будущаго къ прошедшему, или на самомъ дѣлѣ четырехмѣрное пространство неподвижно, совершаетъ же временное движеніе въ обратномъ направленіи отъ прошедшаго къ будущему, наше я, воспринимающее въ насъ начало¹, и слѣдовательно движеніе стѣны настоящаго обусловливается этимъ послѣднимъ движеніемъ.

Если читатель задастъ этотъ вопросъ представителямъ современной науки и философіи, то онъ не получитъ ответа ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, такъ какъ первые ограничились только опредѣленіемъ времени, предоставивъ выводъ изъ него заключеній и слѣдствій вторымъ, а эти послѣдніе до сихъ поръ не позаботились объ утилизаціи новаго опредѣленія времени. Отвѣтъ на поставленный вопросъ можно найти только въ моей теоріи времени, и въ этомъ отвѣтѣ вся ея оригиналь-

¹ Подъ воспринимающимъ въ насъ началомъ я разумѣю резервуаръ всѣхъ нашихъ воспріятій, то въ насъ, въ чемъ, какъ въ фокусѣ, соединяются всѣ вступающія въ насъ изъ внѣшняго міра (включая и наше тѣло) черезъ каналы нашихъ чувствъ отъ него впечатлѣнія. Можно называть его *о р г а н о м ъ в о с п р і я т і я*, но при этомъ надобно помнить, что онъ отнюдь не подлѣжитъ нашему воспріятію: вѣдь то, что воспринимаетъ, воспринимающее, не можетъ въ свою очередь подлежать воспріятію, быть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспринимаемымъ, какъ глазъ не можетъ видѣть себя. Можно называть воспринимающее въ насъ начало *с о з н а н і е м ъ*, но при этомъ надобно помнить, что движеніе этого сознанія, наше временное движеніе, нами не создается, что вполне понятно, такъ какъ наше сознаніе, сознаніе наше эмпирическое, чувственное, распространяется только на чувственно нами воспринимаемое, воспринимающее же въ насъ начало для насъ сверхчувственно, трансцендентально. Наконецъ, можно назвать это начало словомъ *Я*, т. е. употребить такъ называемую метанимію, имѣющую мѣсто, напримѣръ, въ выраженіи «сколько сердецъ жаждетъ счастья», где употреблена часть вмѣсто цѣлаго (сердце вмѣсто чѣловѣкъ).

ность. Въ ней я становлюсь на сторону допущенія движенія воспринимающаго въ насъ начала по тремъ главнѣйшимъ причинамъ. Впервыхъ, ставъ на сторону допущенія движенія четырехмѣрнаго пространства, пришлось бы сдѣлать одно еще допущеніе, а именно, пришлось бы допустить конечность, ограниченность четырехмѣрнаго пространства, сдѣлать столь же шаткое допущеніе, какъ и допущеніе конечности нашего пространства. Ввторыхъ, думать серьезно, что все воспринимаемое нами совершаетъ движеніе (временное движеніе) и непрестанною калейдоскопическою своею смѣною, по волѣ какой-то благосклонной къ намъ силы тѣшить нашъ взоръ значить держаться крайне наивнаго *метафизическаго геоцентризма*: трепещущей на лепесткѣ цвѣтка капль росы, если бы она была одарена сознаниемъ отраженія ею и неба, и окрестныхъ горъ, и другихъ растущихъ подлѣ цвѣтка, на которомъ находится она, цвѣтовъ, и такихъ же, какъ она, капель росы на нихъ, но была бы лишена сознания собственнаго своего движенія (мы не сознаемъ временнаго нашего движенія), казалось бы, что трепещеть не она, но все ею отражаемое. Наконецъ, допустить неподвижность воспринимающаго въ насъ начала значило бы уподобить его безжизненному зеркалу, пассивно отражающему все мимо него движущееся, значило бы проповѣдывать статизмъ нашего духа.

Итакъ, временное движеніе совершаетъ наше я, нашъ духъ. Будучи по природѣ своей существами трехмѣрными, мы не можемъ воспринимать ничего четырехмѣрнаго, все четырехмѣрное, вступая въ насъ, воспринимаясь нами, превращается воспринимающимъ въ насъ началомъ въ трехмѣрное, подобно тому, какъ жидкость, вливаясь въ сосудъ, примаётъ его форму¹. Впредь я буду называть получающіяся при временномъ движеніи сѣченія *временными сѣченіями*.

Такъ, значить, намъ придется отказаться отъ извѣчнаго и вселенскаго нашего воззрѣнія на время, придется признать его заблужденіемъ? Да.

¹ Отсюда слѣдуетъ, что наименованіе Кантомъ, пространства ф о р м о ю воспріятія получаетъ плоть и кровь только теперь, въ моментъ ученія о времени.

Вѣка, десятки вѣковъ человѣчество считало свое жилище, землю, центромъ вселенной, единственнымъ неподвижнымъ въ ней пунктомъ, вокругъ котораго вращается все остальное міроздание; вѣка смѣнялись вѣками, объяснение астрономическихъ явленій становилось все затруднительнѣе, росла вавилонская башня вызывавшихся необходимостью примиренія ихъ съ господствовавшею системою (Птолемея) цикловъ и эпицикловъ, а человѣчество продолжало держаться извѣчнаго своего вѣрованія въ центральность земли. Но вотъ явился Коперникъ и провозгласилъ, что до него всѣ люди пребывали въ заблужденіи, что движеніе вокругъ земли всего міроздания — чувственный обманъ, иллюзія, что стоитъ только человѣку поступиться своею гордостью, стать на точку зрѣнія діаметрально-противоположную до него господствовавшей, и объясненіе того, что поддавалось съ такимъ трудомъ объясненію, упростится и облегчится до невѣроятности. Человѣчество вняло голосу Коперника, поступилось своею гордостью, перестало смотрѣть на землю какъ на центръ вселенной, отказалось отъ сенсуалистическаго монизма, стало на сторону дуализма, раскола чувства и мысли, и, созерцая движеніе солнца, перестало вѣрить въ его движеніе.

Теперь человѣчеству придется поступиться гордостью еще в другомъ отношеніи: ему придется отказаться отъ такого же извѣчнаго своего заблужденія, отъ своего воззрѣнія на время, признать, что временное движеніе *не-я* есть иллюзія, что это движеніе совершаетъ въ направленіи противоположномъ кажущемуся направленію движенія *не-я* наше *я*, ему придется сдѣлать это въ силу сказаннаго и отчасти¹ еще вотъ почему.

Хотя мы благодаря извѣчной привычкѣ и не сознаемъ этого, но въ нашемъ воззрѣніи на время кроется чудовищный, доходящій до абсурда, до нелѣпости *метафизическій*

¹ Отчасти, такъ какъ указываемый ниже недостатокъ стараго воззрѣнія на время устраняется, хотя съ меньшимъ удобствомъ, противоположнымъ допущеніемъ, допущеніемъ неподвижности нашего *я*, допущеніемъ, что временное движеніе совершаетъ то, что называется *не-я*.

*нигилизмъ. А именно. Согласно этому воззрѣнію прошедшее, какъ только оно прошло, уже не существуетъ (хотя въ самомъ словѣ прошедшее идеи объ исчезновеніи не содержится), оно погружается въ бездну ничтожества, будущее, пока оно не сдѣлалось настоящимъ, тоже не существуетъ, тоже пребываетъ въ безднѣ ничтожества, что же касается настоящаго, то согласно обычному на время воззрѣнію выходитъ, что не существуетъ и оно, такъ какъ оно непрестанно уходитъ отъ насъ въ область абсолютно исчезающаго прошедшаго; значить, согласно обычному на время воззрѣнію выходитъ, что позади и впереди насъ зіяетъ бездна ничтожества, мы же балансируемъ на остромъ, какъ лезвіе отточенной бритвы, ребрѣ непрестанно выбѣгающей изъ бездны будущаго и убѣгающей изъ-подъ нашихъ ногъ въ бездну прошедшаго стѣны настоящаго, лучше сказать, выходитъ, что *дорога растеть и рушится по мѣрѣ движенія путника.**

Кромѣ привычки не маловажную роль играетъ въ незнаваемости нами нелѣпости обычнаго воззрѣнія на время существованіе въ мірѣ относительно неизмѣнныхъ, такъ называемыхъ вѣковѣчныхъ объектовъ. Подобно гордо взирающимъ на бушующія вокругъ нихъ волны океана, они противятся непрестанно уносящему все на своемъ пути въ бездну небытія потоку времени, утолщаютъ стѣну настоящаго и, препятствуя возникновенію у насъ сомнѣнія въ правильности нашего обычнаго на время воззрѣнія и пробужденію въ насъ стремленія къ его исправленію, укрѣпляютъ въ насъ заодно съ привычкою наше обычное на время воззрѣніе.

Отъ указанной нами чудовищной нелѣпости нашего обычнаго воззрѣнія на время освобождаетъ насъ мое ученіе о времени вообще, особенно же моя гипотеза, согласно которой *временное движеніе совершается въ направленіи отъ прошедшаго къ будущему воспринимающимъ въ насъ началомъ, нашимъ я, все же остальное, все воспринимаемое нами, включая и наше тѣло, все, что мы называемъ словомъ не-я, пребываетъ въ абсолютномъ покоѣ, въ абсолютной неподвижности.* Этого нашего движенія мы не можемъ созна-

вать такъ же и по той причинѣ, какъ не можемъ сознать движенія, совершаемаго нами вмѣстѣ съ землею¹.

Разъ мы сдѣлаемъ такое допущеніе, то хотя оно и внесетъ въ трансцендентально-эстетическое наше воззрѣніе такой же расколъ чувства и мысли, какой внесла система Коперника въ астрономическое наше воззрѣніе, но оно освободитъ наше воззрѣніе на время отъ вышесказаннаго недостатка: воскресить погребенное нами прошедшее, вызоветъ къ бытію будущее и сдѣлаетъ излишнимъ въ теоріи дѣленіе времени на настоящее, прошедшее и будущее. Тогда наше я явится въ видѣ движущагося въ четырехмѣрномъ пространствѣ по четвертому измѣренію въ направленіи отъ прошедшаго къ будущему путника², прошедшее время превратится въ часть пути, оставленную имъ за собою, а будущее — въ путь, *предъ* нимъ лежащій, погруженіе содержанія прошедшаго времени въ нѣдра ничтожества превратится изъ абсолютнаго, объективнаго, въ относительное, субъективное, подобное исчезновенію для путника предметовъ, находящихся на пути, имъ пройденномъ, а выплываніе содержанія будущаго времени изъ нѣдръ ничтожества — въ появленіе предъ путникомъ предметовъ, находящихся на пути, подлежащемъ его прохожденію.

Другимъ, кромѣ нелѣпости стародавняго воззрѣнія на время, и притомъ первымъ, если не по силѣ и значенію, то по времени, стимуломъ къ построенію новаго ученія о времени послужила для меня невозможность объясненія загадки антиципаціи (предваренія) въ зародышѣ органическаго

¹ Еслибы объекты нашего воспріятія были неизменны, еслибы не существовало въ мірѣ измѣненія, то мы не только не сознали бы, какъ не сознаемъ и теперь, совершенія временнаго движенія нашимъ я, но не сознали бы временнаго движенія вообще, не имели бы никакого представленія о суточномъ движеніи земли, еслибы не видѣли солнца, еслибы оно было темною звѣздою.

² Единственная разница въ томъ, что путникъ можетъ вернуться назадъ и убѣдиться въ существованіи предметовъ, находящихся на пройденномъ имъ пути, мы же невластны ни остановиться въ нашемъ временномъ движеніи, ни возвратиться вспять, такъ какъ непрестанно совершаемъ его въ одномъ и томъ же направленіи, повинуюсь какой-то силѣ.

существа всѣхъ его физическихъ качествъ и психическихъ особенностей. Моя теорія, отрицающая процессъ, развитіе, словомъ, становленіе, совершенно упраздняетъ эту загадку. Съ ея точки зрѣнія это антиципированіе превращается въ непрерывный рядъ временныхъ сѣченій трансцендентальнаго конусообразнаго объекта, своимъ основаніемъ обращеннаго въ сторону будущаго времени, представляющихъ качественно тождественные, но непрерывно и равномерно во всѣхъ своихъ мельчайшихъ деталяхъ увеличивающіеся образы.

Извѣстная проблема эмбриональнаго антиципированія будущности органическаго существа никогда, никѣмъ до меня не была еще разрѣшена хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Было много словъ, тождесловія, словомъ суесловія, были объясненія неизвѣстнаго неизвѣстнымъ, и только. Даже матеріализмъ, столь гордая и самонадѣянная система, и тотъ становился предъ нею втупикъ, въ безсиліи и безнадежности повторялъ «*ignoramus et ignorabimus*» (не знаемъ и не узнаемъ).

Итакъ, согласно моей теоріи *время есть движеніе воспринимающаго въ насъ начала по четвертому измѣренію отъ прошедшаго къ будущему* и притомъ *по нормали* (перпендикуляр) *къ нашему пространству*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, дѣйствительно ли по нормали, обращу вниманіе читателя на то, что еслибы оно совершалось въ какомъ либо другомъ направленіи, напримѣръ, въ направленіи отъ будущаго къ прошедшему, то картина міра подверглась бы невообразимому измѣненію; тогда мы созерцали бы существованіе чего либо, напримѣръ, человѣка, въ обратномъ теперешнему порядкѣ: его погребеніе превратилось бы для насъ въ возстаніе его изъ мертвыхъ, въ его воскресеніе, затѣмъ процессъ его одряхлѣнія предсталъ бы предъ нами въ видѣ его молодѣнія, процессъ его возмужалости — въ видѣ возврата его къ дѣтству, затѣмъ мы созерцали бы процессы утраты имъ способности рѣчи и хожденія, процессы выпаденія у него волосъ и зубовъ и т. д., кончая уходомъ его въ материнскую утробу. Отсюда видно, что мое ученіе о времени даетъ плоть и кровь и Кантовскому наименованію времени формою воспріятія, такъ какъ Кантъ

въ своей Трансцендентальной эстетикѣ (одна изъ главъ «Критики чистаго разума») прямо говоритъ: «я называю формою воспріятія то въ насъ, что сообщаетъ распорядокъ нами воспринимаемому».

Прочитавъ мое опредѣленіе времени, мало вдумчивый, наивный читатель можетъ вообразить, пожалуй, будто я, утверждая, что время есть движеніе, и упуская изъ виду, что всякое движеніе совершается во времени, верчусь въ заколдованномъ кругу, верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ, и жестоко ошибется. Вѣдь по-моему время есть движеніе по четвертому измѣренію, по измѣренію, выходящему изъ предѣловъ нашего пространства, нашему воспріятію недоступному, для насъ трансцендентальному, и движеніе не нашего тѣла, а воспринимающаго въ насъ начала, тоже нашему воспріятію недоступнаго, тоже для насъ трансцендентальнаго, а значить по-моему время есть движеніе насквозь сверхчувственное, насквозь трансцендентальное, а не какое либо изъ движеній, имѣющихъ мѣсто въ нашемъ мірѣ, не движеніе доступное нашему воспріятію, не движеніе эмпирическое. Временное наше движеніе не можетъ обниматься нашимъ временемъ, оно могло бы обниматься временемъ высшаго, чѣмъ наше время, порядка, каковымъ было бы движеніе воспринимающаго начала существа четырехмѣрнаго въ пятимѣрномъ пространствѣ, по пятому измѣренію (съ математической точки зрѣнія можетъ существовать всякое число измѣреній, какъ говорятъ математики, *n* измѣреній); такое существо могло бы даже (еслибы его воспріятію были доступны мы съ воспринимающимъ въ насъ началомъ) измѣрить скорость временнаго нашего движенія (необходимыми для этого данными были бы временное наше движеніе и его время).

Изложивъ въ общихъ чертахъ мое ученіе о времени, обращаюсь къ изложенію главнѣйшихъ изъ него выводовъ и заключеній. Читатель увидитъ, насколько основная идея моего ученія о времени, а именно, что линія времени есть четвертое измѣреніе, чревата оригинальнѣйшими идеями капитальной важности, какъ бы сами собою вырастающими на ея почвѣ и образующими архитектурно совершенно зданіе

знанія, мною построенное и мною названное метагеометрическою философіей. Начну съ измѣненія.

Представимъ себѣ какую либо поверхность (простоты ради плоскость), напр., поверхность крышки мраморнаго стола, и въ нее вкрапленнымъ двухмѣрное существо, т. е. существо съ двухмѣрнымъ тѣломъ и съ способностью представленія только двухмѣрнаго пространства съ его элементами: двухмѣрнымъ, одномѣрнымъ и безмѣрнымъ. Такому гипотетическому существу было бы въ такой же мѣрѣ недоступно представленіе вполне доступнаго нашему представленію третьяго измѣренія, въ какой намъ недоступно представленіе измѣренія четвертаго. Еслибы крышка стола состояла изъ кубиковъ и еслибы одинъ изъ нихъ провалился, то для нашего существа это было бы такимъ же чудомъ, какимъ былъ бы для насъ уходъ какого-нибудь объекта изъ нашего пространства.

Допустимъ теперь, что поверхность крышки нашего стола въ нѣкоторомъ ея мѣстѣ возвышается въ видѣ цилиндра или что на ней плотно стоитъ такой же (изъ такого же вещества) какъ и столъ, цилиндръ. Тогда воспріятію нашего гипотетическаго существа будетъ доступно только основаніе нашего цилиндра, самъ же цилиндръ какъ трехмѣрный объектъ, его воспріятію доступенъ не будетъ. Но абсолютно ли недоступенъ воспріятію нашего существа нашъ цилиндръ? Нѣтъ, не абсолютно. Нашъ цилиндръ недоступенъ воспріятію нашего существа, какъ трехмѣрный объектъ, но онъ могъ бы быть воспринятъ имъ путемъ послѣдовательнаго воспріятія двухмѣрныхъ своихъ сѣченій, что могло бы имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, если бы воспринимающее начало нашего существа совершало движеніе по нормали къ его пространству, по линіи перпендикулярной къ поверхности крышки нашего стола или, что все равно, по образующей¹ нашего цилиндра или по его оси (цилиндр берется прямой, т. е. такой, ось котораго перпендикулярна къ поверхности крышки стола), т. е. по третьему измѣренію.

¹ Прямая, проходящая по боковой поверхности цилиндра перпендикулярно его основанію (въ прямомъ цилиндрѣ), или параллельно его оси.

Повысивъ всѣ термины предыдущаго разсужденія на единицу, придемъ къ заключенію, что четырехмѣрное пространство съ его объектами можетъ быть доступно нашему воспріятію путемъ послѣдовательнаго воспріятія нами трехмѣрныхъ ихъ сѣченій, что можетъ имѣть мѣсто въ случаѣ движенія воспринимающаго въ насъ начала по нормали къ нашему пространству и что согласно моей теоріи имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности.

Допустимъ же, что наше гипотетическое существо дѣйствительно совершаетъ свое временное движеніе по перпендикуляру къ поверхности крышки нашего стола и что нашъ цилиндръ въ этомъ направленіи качественно тождественъ, однороденъ. Тогда получающіеся при такомъ временномъ движеніи нашего гипотетическаго существа временныя сѣченія нашего цилиндра, круги, будутъ тождественны и для нашего существа объект его воспріятія, кругъ будетъ неизмѣненъ. Если же допустимъ, что нашъ цилиндръ въ сказанномъ направленіи нетождественъ, то его временныя сѣченія не будутъ тождественны, и у нашего существа, такъ какъ оно не можетъ сознавать, что оно воспринимаетъ разные объекты, разные сѣченія недоступнаго его воспріятію трехмѣрнаго объекта, а не одинъ и тотъ же объектъ, какъ ему кажется, возникнетъ *идея объ измѣненіи, понятіе измѣненія*, ему будетъ казаться, что объектъ его воспріятія, кругъ, измѣняется.

Повысивъ всѣ термины предыдущаго разсужденія на единицу, придемъ къ заключенію, что когда объектъ нашего воспріятія неизмѣненъ, это значить, что соотвѣтствующій ему четырехмѣрный цилиндрикообразный объектъ (котораго онъ есть временное сѣченіе) тождественъ по четвертому измѣренію, и наоборотъ, и что *измѣненіе есть иллюзія, порождаемая въ насъ, какъ и всякая иллюзія, двумя, факторами: субъективнымъ, несознаваемою нами воспріятія нами различныхъ сѣченій одного и того же четырехмѣрнаго объекта, и объективнымъ, качествомъ четырехмѣрныхъ объектовъ, ихъ разнородностью по четвертому измѣренію*. Значить, выражаясь философскимъ языкомъ, въ четырехмѣрномъ мірѣ

(объективномъ, реальномъ) нѣтъ адекватна измѣненія (самого измѣненія), а есть только его коррелятъ (соотвѣтствіе).

Обратимся теперь къ частному виду измѣненія, къ движению, посмотримъ, чѣмъ оно оказывается съ метагеометрической точки зрѣнія.

Уже а priori можно сказать, что если согласно моей теоріи четырехмѣрное пространство и его объекты неподвижны, то должны быть неподвижны, какъ ихъ сѣченія, и наше пространство и его объекты, а слѣдовательно, что согласно моей теоріи времени должно быть иллюзіей и движеніе.

«Какой вздоръ, какая дикая фантазія!» воскликнетъ читатель. «Развѣ можетъ быть, чтобы вездѣсущее, наполняющее весь міръ, дающее ему жизнь и окраску движеніе было призракомъ, иллюзіей! Этакъ можно договориться до всего».

Нѣтъ, это не взоръ, не дикая фантазія, даже не отчаянный парадоксъ; это строжайшій логическій выводъ изъ новаго на время воззрѣнія, с желѣзною необходимостью вытекающее изъ него заключеніе. Да и что значить «это — вздоръ», «это — фантазія»? Что теперь вздоръ, что теперь фантазія, может оказаться не вздоромъ, не фантазіей, черезъ нѣсколько лѣтъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже дней. Развѣ какихънибудь 20—25 лѣтъ назадъ не звучало бы столь же дико, не казалось бы отчаяннымъ парадоксомъ утвержденіе современной науки, что матерія невечна, что атомъ подлежитъ диссоціаціи, распаденію, что въ мірѣ имѣютъ мѣсто *овеществленіе* и *развеществленіе*, что матерія рождается, развивается и умираетъ, какъ все на землѣ? Наконецъ, отрицаніе движенія не такая уже новость, какъ кажется: оно было высказано, какъ это ни удивительно, еще одною изъ древнегреческихъ философскихъ школъ, а именно, элеатами.

Возьмемъ нашъ примѣръ и сперва съ прямымъ цилиндромъ, т. е. съ цилиндромъ, ось (или образующая) котораго перпендикулярна къ поверхности крышки нашего стола, къ пространству нашего гипотетическаго существа. Тогда всѣ сѣченія нашего цилиндра, получающіяся при временномъ движеніи нашего существа, будутъ конгруироваться (взаимно покрываться, совпадать), и для нашего существа объектъ

его воспріятія, кругъ, будетъ неподвиженъ. Если же возьмемъ цилиндръ къ поверхности крышки нашего стола наклонный, т. е. такой, ось (или образующая) котораго наклонна къ поверхности крышки нашего стола, къ пространству нашего существа, а слѣдовательно, образуетъ уголь съ направлениемъ временнаго движенія нашего существа, то временныя сѣченія такого цилиндра не будутъ уже взаимно покрываться, взаимно совпадать, и нашему существу, несознающему того, что оно воспринимаетъ разные объекты, разные временныя сѣченія нашего цилиндра, мнящаго, что оно воспринимаетъ одинъ и тотъ же объектъ, будетъ казаться, что объектъ его воспріятія, кругъ, находится въ движеніи.

Повысивъ всѣ термины предыдущаго разсужденія на единицу, придемъ къ заключенію, что когда объектъ нашего воспріятія пребываетъ въ неподвижности, это значить, что ось или образующая соотвѣтствующаго ему четырехмѣрнаго цилиндрообразнаго объекта (котораго онъ представляетъ временное сѣченіе) совпадаетъ съ направлениемъ нашего временнаго движенія (съ линіей времени), и что когда объектъ нашего воспріятія находится въ движеніи, это значить, что ось соотвѣтствующаго ему цилиндрообразнаго объекта четырехмѣрнаго міра образуетъ уголь съ направлениемъ временнаго нашего движенія, съ линіей времени, причемъ скорость его движенія прямо пропорціональна величинѣ этого угла, названнаго мною *угломъ трансцендентальнаго наклоненія или склоненія*.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что *движеніе есть иллюзія, порождаемая субъективнымъ факторомъ, каковымъ служитъ тотъ же факторъ, что и факторъ иллюзіи измѣненія, и объективнымъ, положеніемъ* (относительно направленія временнаго нашего движенія) *соотвѣтствующаго находящемуся въ движеніи объекту цилиндрообразнаго объекта четырехмѣрнаго міра, а значить, что* (выражаясь философскимъ языкомъ) *въ реальномъ мірѣ нѣтъ адекватна движенія* (самого движенія), *а есть только его коррелятъ* (соотвѣтствіе).

Теперь я покажу, что изложенное мною воззрѣніе на движеніе, вытекающее, какъ я надѣюсь, показаль, съ строгаго

логичностью изъ принциповъ моего ученія о времени, оправдывается дѣйствительностью, такъ какъ ею оправдываются вытекающія съ такою же логичностью изъ этого воззрѣнія слѣдствія, къ изложенію которыхъ я и обращаюсь.

Мы уже знаемъ, что скорость движенія объекта нашего воспріятія прямо пропорціональна углу наклоненія соотвѣтствующаго ему трансцендентальнаго объекта, но увеличеніе такового угла должно сопровождаться *удлиненіемъ* временныхъ сѣченій послѣдняго объекта, т. е. *удлиненіемъ движущагося объекта въ направленіи его движенія* (чѣмъ наклоннѣе во взятомъ нами примѣрѣ цилиндръ къ поверхности крышки стола, тѣмъ временное его сѣченіе, кругъ, должно все болѣе растягиваться, удлиняться, превращаться въ эллипсъ, все съ большимъ эксцентриситетомъ въ направленіи кажущагося своего движенія); слѣдовательно увеличеніе скорости (ускореніе) движенія объекта нашего воспріятія должно сопровождаться его удлиненіемъ въ направленіи его движенія.

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что я упредилъ современную науку и въ этомъ пунктѣ моего ученія о времени. А именно. Выдающійся современный физикъ Лоренцъ выставилъ гипотезу *укороченія движущагося тѣла въ направленіи его движенія*. Эта гипотеза разделяется большинствомъ физиковъ. Какъ ни расходится другъ с другомъ гипотеза Лоренца и только-что выведенное мною изъ моего ученія о времени слѣдствіе, онѣ сходятся въ существенномъ пунктѣ, а именно, въ томъ, что согласно имъ движущееся тѣло претерпѣваетъ измѣненіе въ своей формѣ.

Увеличеніе скорости движенія объекта нашего воспріятія сопровождается еще и утонченіемъ, разрѣженіемъ его. Это явленіе обусловливается тоже возростаніемъ взаимной непокрываемости временныхъ сѣченій соотвѣтствующаго движущемуся объекту нашего воспріятія четырехмѣрнаго цилиндрическаго объекта съ увеличеніемъ угла трансцендентальнаго его наклоненія, что легко себе представить при помощи взятаго нами примѣра.

Чѣмъ же дѣйствительность оправдываетъ эти два выведенныя мною умозрительнымъ путемъ явленія? Действительная

сопровождаемость ими движенія доказывается такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, какъ явленіе растяженія, утонченія, и слитія спиць вращающагося вокругъ своей оси съ достаточною для этого скоростью колеса въ полупрозрачный кругообразный объектъ. Это явленіе, до сихъ поръ еще никогда никѣмъ съ трансцендентально-эстетической точки зрѣнія необъясненное, находитъ себѣ въ моемъ воззрѣніи на движеніе вполне удовлетворительное такового рода объясненіе, нисколько не противорѣчащее существующему его фізіологическому объясненію; но о взаимномъ отношеніи этихъ объясненій говорить здесь не буду; скажу только, что (какъ увидимъ далѣе) съ метагеометрической точки зрѣнія такъ называемая *скорость воспріятія* (minimum времени потребнаго для воспріятія нами впечатлѣній) превращается въ *потребный для воспріятія объекта minimum трансцендентальнаго* (по четвертому измѣренію) *протяженія его*.

Изъ только-что сказаннаго слѣдуетъ, что временное сѣченіе *имѣетъ четвертое измѣреніе, что оно четырехмѣрно*, а значитъ, что оно отнюдь не тождественно съ геометрическимъ сѣченіемъ четырехмѣрныхъ объектовъ, четвертаго измѣренія не имѣющимъ.

Итакъ, всякое эмпирическое (доступное нашему воспріятію) движеніе есть иллюзія, — всякое, потому что невзирая на все имѣющее мѣсто въ нашемъ мірѣ разнообразіе движенія ни одно изъ его движеній не можетъ отличаться *toto genere* отъ остальныхъ его движеній.

Изъ всѣхъ родовъ движенія наибольшаго труда стоило мнѣ объясненіе съ моей точки зрѣнія вращательнаго движенія, но и оно *сдалось на капитуляцію* при помощи принципа винта.

Вотъ результаты моихъ въ этомъ отношеніи изслѣдованій.

Вращательное движеніе всякаго объекта нашего воспріятія, нашего міра, (напр. шара вокругъ своей оси) есть результатъ непрерывнаго временнаго сѣченія (ряда послѣдовательныхъ временныхъ сѣченій) трансцендентальнаго винтообразнаго объекта (винтообразнаго объекта четырехмѣрнаго міра).

Круговое движеніе всякаго объекта нашего міра (напр., обращеніе земли вокругъ солнца) есть результатъ временнаго

сѣченія соотвѣтственнаго спиралеобразно изогнутаго трансцендентальнаго объекта.

Значить, комбинація вращенія и обращенія всякаго объекта нашего міра есть результатъ временнаго сѣченія трансцендентальнаго спиралеобразно изогнутаго винта, если можно такъ выразиться, *бивинта* (двувинта, двоякаго винта).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всякая система вращающихся и обращающихся объектовъ нашего міра съ метагеометрической точки зрѣнія превращается въ комплексъ винтообразныхъ объектовъ четырехмѣрнаго міра и что наша солнечная система, даже весь видимый нами міръ, включая и млечный путь, если посчитать его не космическою туманностью, а скопленіемъ вращающихся звѣздъ, представляетъ съ метагеометрической точки зрѣнія въ дѣйствительности комплексъ, выражаясь вульгарно-афористически, кучу четырехмѣрныхъ чудовищно-колоссальныхъ винтовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что сила всемірнаго тяготѣнія оказывается лишнимъ балластомъ на пути прогрессивнаго шествія науки, такимъ же лишнимъ, как и гипотеза эфира. Одинъ изъ выдающихся физиковъ сказалъ, что давно уже пора убрать съ нивы науки такъ долго засорявшую ее гипотезу эфира. То же скажемъ мы относительно тяготѣнія; приходится подвергнуть и его остракизму и заодно съ Гейдельбергскими студентами обратиться къ нему съ кликомъ ихъ по адресу эфира «Долой!» Такое отрицательное со стороны метагеометрической философіи отношеніе къ силѣ тяготѣнія вполне согласуется съ отношеніемъ ея къ силѣ вообще.

Но если тяготѣніе есть фикція, то такою же фикціею является и магнетизмъ, и электромагнитная теорія свѣта, просуществовавшая такой эфемерно-короткій періодъ времени, смѣнившая просуществовавшую тоже не особенно долго теорію Гюйгенса (волнообразнаго колебанія эфира), должна уступить мѣсто погребенной, казалось, навѣки, и вотъ теперь воскресающей, какъ фениксъ изъ пепла, стародавней Ньютонской теоріи истеченія¹.

¹ Такого же взгляда придерживается и большинство выдающихся современныхъ физиковъ, между прочимъ профессоръ Колумбійскаго университета Планкъ.

Итакъ, изложенное воззрѣніе мое на движеніе имѣетъ высокую степень достовѣрности, такъ какъ, будучи продуктомъ умозрѣнія, построеннаго на санкціонированномъ наукою фундаментѣ, оно (какъ мы сейчасъ видѣли) оправдывается дѣйствительностью.

Значить, носившаяся въ смутныхъ очертаніяхъ на зарѣ исторіи философіи предъ умственнымъ взоромъ элейцевъ идея о призрачности движенія теперь въ моей теоріи времени обрѣтаетъ твердую почву и строго опредѣленные очертанія.

Теперь я покажу читателю, что новое воззрѣніе на время приводитъ къ заключенію о призрачности и дѣйствія, а слѣдовательно, съ одной стороны о призрачности воли, а съ другой, о призрачности всего, что называется процессомъ, образованіемъ, развитіемъ, словомъ о призрачности становленія (*le devenir, Werden*). Въ реальномъ, четырехмѣрномъ мірѣ¹, нѣтъ становленія, въ немъ есть только бытіе (*l'être, Sein*).

Если, какъ мы знаемъ, наше пространство и всѣ его объекты, какъ сѣченія пребывающихъ въ покоѣ четырехмѣрнаго пространства и его объектовъ, пребываютъ тоже въ покоѣ и если наше тѣло, взятое въ своемъ цѣломъ и въ своихъ частяхъ, для нашего я, для воспринимающаго въ насъ начала, — такой же объектъ, какъ и всѣ прочіе объекты нашего міра, то и наше тѣло тоже должно пребывать въ покоѣ. Съ метагеометрической точки зрѣнія движеніе *моей* руки какъ и всякое имѣющее мѣсто въ нашемъ мірѣ движеніе, есть иллюзія, порождаемая временнымъ нашимъ движеніемъ и наклоненіемъ соответствующаго ей трансцендентальнаго цилиндрическаго объекта (котораго она есть сѣченіе) къ пути временнаго нашего движенія. Далѣе. Съ этой же точки зрѣнія болѣе сложное движеніе, движеніе лежащаго на плоскости шара отъ произведеннаго *моею* рукою толчка другого лежащаго на той же плоскости шара превращается въ комплексъ возлѣположенныхъ (по четвертому измѣренію)

¹ Четырехмѣрный міръ въ такой же мѣрѣ реальнѣе нашего міра, въ какой объектъ нашего міра, напр., яблоко, реальнѣе его разрѣза (объекта міра двухмѣрнаго).

соотвѣтствующихъ этимъ тремъ объектамъ (*моей* рукѣ и двумъ шарамъ) четырехмѣрныхъ объектовъ (временными сѣченіями которыхъ служатъ взятые нами эти три объекта), взятый же нами процессъ является въ такомъ видѣ: когда я своею рукою толкаю шаръ, это значитъ, что воспринимающее во *мнѣ* начало въ своемъ временномъ движеніи достигло пункта соприкосновенія соотвѣтствующаго *моей* рукѣ четырехмѣрнаго объекта (временнымъ сѣченіемъ котораго является *моя* рука) съ четырехмѣрнымъ соотвѣтствующимъ этому шару объектомъ, а затѣмъ что это *мое* начало достигло въ томъ же своемъ движеніи пункта соприкосновенія послѣдняго объекта съ соотвѣтствующимъ второму шару четырехмѣрнымъ объектомъ.

Предыдущимъ объясненіемъ исчерпывается безъ остатка съ метагеометрической точки зрѣнія взятый нами въ разсмотрѣніе процессъ съ объективной его стороны; что же касается его стороны субъективной, то метагеометрическое его объясненіе оставляетъ въ немъ неразтвореннымъ (необъясненнымъ) нѣкоторый остатокъ, а именно, *мое* убѣжденіе, что вышесказанный комплексъ движеній не имѣлъ бы мѣста, еслибы на то не было *моей* воли, и что онъ произведенъ согласнымъ съ нею дѣйствіемъ, дѣятельностью *моего* я. Спрашивается: что же такое воля и дѣйствіе съ метагеометрической точки зрѣнія? Къ этому вопросу мы теперь и обратимся, но прежде чѣмъ это сдѣлать, необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе.

Мы сказали, что наше тѣло есть такой же для насъ объектъ, какъ и прочіе объекты нашего міра; но это справедливо только со стороны отношенія его къ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, со стороны чувственного его нами воспріятія, но со стороны отношенія его къ нашей волѣ дѣло обстоитъ далеко не такъ. Наше тѣло и его наружные органы приводятся въ движеніе нашею волею *непосредственно*, всѣ же прочіе объекты нашего міра приводятся нами въ движеніе *посредствомъ* органовъ нашего тѣла; сверхъ того (и это главное) наше тѣло и вышесказанные его органы приводятся въ движеніе *только* *нашею волею* (ихъ произвольныя, такъ называемыя неумыш-

ленные, и насильственные движенія не могутъ идти тутъ въ счетъ), прочіе же объекты нашего міра совершаютъ движенія и *независимо* отъ нашей воли, часто наперекоръ ей.

Спрашивается теперь: если съ метагеометрической точки зрѣнія воля не обрѣтается нигдѣ, то что это значитъ: то ли, что ограничено поле метагеометрическаго созерцанія, или то, что воля есть призракъ, иллюзія? Можетъ быть, впослѣдствіи болѣе проникательный, чѣмъ я, сторонникъ метагеометрической философіи найдетъ болѣе благопріятное для нея рѣшеніе этого вопроса, по моему же крайнему разумѣнію онъ можетъ быть рѣшенъ въ пользу метагеометрическаго воззрѣнія только въ томъ случаѣ, если мы поступимъ такъ, какъ поступилъ Кантъ при рѣшеніи вопроса объ антиноміяхъ¹, если мы станемъ на высшую, трансцендентальную точку зрѣнія, обратимся за помощью къ *гипотезѣ воленія съ трансцендентальнымъ предвидѣніемъ* (провидѣніемъ) — трансцендентально-провиденціалистической гипотезѣ воленія.

Тутъ читатель прерветъ чтеніе моей книги и воскликнетъ: «Да думаетъ ли авторъ, что говорить? Какъ это можетъ быть, чтобы иллюзіей была воля, воля, знаніе о которой представляетъ самоочевиднѣйшее, достовѣрнѣйшее изъ всѣхъ нашихъ знаній, воля, существованіе которой еще никогда, никѣмъ не подвергалось сомнѣнію (подвергалась ему свобода ея, но не она сама), воля, которой Шопенгауеръ отдаетъ примать предъ познаніемъ и чувствованіемъ, воля, играющая первостепенную роль въ ученіи волюнтаристовъ², наконецъ, воля, изъ которой, на которой тотъ же Шопенгауеръ хотѣлъ построить весь міръ и построилъ неизмѣримое зданіе своей философіи? Нѣтъ, я не намѣренъ принести существованіе *моей* воли въ жертву какой-то туманной, трансцендентальной гипотезѣ!» На это скажу, что это — дѣло вкуса и что расширеніе кругозора мысли можетъ принести только пользу.

¹ Такое наименованіе дано Кантомъ противоположеніямъ: конечность и безконечность пространства и времени, свобода воли и необходимость (детерминизмъ и предопределенность) и пр.

² Одно изъ ученій о причинности.

Еще Спиноза сказалъ, что еслибы падающій камень одарить сознаниємъ, то ему казалось бы, что онъ падаетъ по собственной волѣ. Можетъ быть, эти слова примѣнимы къ намъ; можетъ быть, мы со стороны воли представляемъ одаренный сознаниємъ, заблуждающимся сознаниємъ, камень. Можетъ быть, кажущееся движеніе нашего тѣла и его органовъ, совершаемое, какъ мы въ этомъ убѣждены, нашею волею, совершается безъ ея участія. Можетъ быть, кажущееся движеніе посторонняго намъ тѣла, совершаемое, какъ намъ кажется, нашею рукою, совершалось бы, захотѣли ли бы мы того или нѣтъ. Можетъ быть, воля есть всего-на-всего субстратъ, подстилка, подстилаемая подъ явленія нами самими.

Да, такъ оно и есть, такъ оно и будетъ, если мы обратимся (а препятствій со стороны логики къ этому не имѣется) къ вышесказанной гипотезѣ, допустимъ, что *наше сверхчувственное, трансцендентальное сознание¹ провидитъ путь временнаго нашего движенія и что такое провидѣніе* (предвидѣніе) *отображается въ эмпирическомъ (чувственномъ), нашемъ сознаниі въ видѣ воленія*. Хотя на первый взглядъ эта гипотеза въ высшей степени парадоксальна, она утратитъ значительную долю парадоксальности съ принятіемъ во вниманіе успѣховъ философіи безсознательнаго въ объясненіи ею многихъ явленій человѣческаго духа, остававшихся до ея возникновенія² загадками, трансцендентальнымъ ихъ происхожденіемъ, особенно же съ принятіемъ во вниманіе ученія Дюпреля³ о тождествѣ эмпирическаго долженствованія и трансцендентальнаго воленія, и указываемыхъ имъ многочисленныхъ манифестацій трансцендентальнаго міра въ мірѣ эмпирическомъ, а главное съ принятіемъ во вниманіе того, что эта моя гипотеза только увеличиваетъ число тождествъ, число трансцендентально-эмпирическихъ

¹ Его называютъ еще безсознательное, у насъ называютъ его подсознаниємъ.

² До появленія въ 60-хъ годахъ соч. Гартмана «Философія безсознательнаго».

³ Карлъ Дюпрель. Философія мистики. Переводъ съ нѣмецкаго М. Аксенова. Кіевъ. 1911. (изданіе второе).

однозначностей, имѣющихъ мѣсто въ построенной мною части метагеометрической философіи; съ ними уже знакомъ читатель; вотъ онѣ: временное слѣдованіе = трансцендентальная возлѣположенность; движеніе = трансцендентальнопространственное положеніе; скорость чувственного воспріятія = трансцендентальное протяженіе¹.

Но если воля есть не что иное какъ призракъ, иллюзія; если она не что иное какъ псевдоотображеніе, метаморфоза трансцендентальнаго предвидѣнія, то спрашивается: почему не только событія внѣшняго, окружающаго насъ міра, но и нѣкоторыя изъ нашихъ дѣйствій (такъ называемыя непредусмотрѣнныя, невольныя² не сопровождаются нашимъ ихъ воленіемъ? Потому ли, что въ нихъ не имѣетъ мѣста трансцендентальное ихъ нами предвидѣніе, или потому, что въ нихъ не имѣетъ мѣста отображеніе послѣдняго въ эмпирическомъ нашемъ сознаніи? Чья тутъ вина: трансцендентальнаго или эмпирическаго нашего сознанія?

Если читатель приметъ во вниманіе, что согласно моей теоріи времени непосредственною средою нашего временнаго движенія служить какъ трансцендентальный объектъ наше тѣло³, то онъ согласится съ тѣмъ, что наше трансцендентальное провидѣніе должно почти исключительно ограничиваться нашими дѣйствіями, вслѣдствіе чего несопровожаемость событій внѣшняго міра нашимъ ихъ воленіемъ должна обуславливаться отсутствіемъ трансцендентальнаго

¹ Какъ извѣстно, скоростью чувственного воспріятія называется время (минимумъ его) потребное для воспріятія нами впечатлѣній отъ внѣшняго міра (для свѣта и звука оно выражается въ доляхъ секунды). Такъ какъ съ метагеометрической точки зрѣнія время съ субъективной стороны есть трансцендентальное наше движеніе, а съ объективной время (путь этого движенія, линія времени) есть четвертое измѣреніе, то съ таковой точки зрѣнія скорость воспріятія превращается въ потребное для воспріятія нами объектовъ пр о т я ж е н і е и х ъ п о ч е т в е р т о м у и з м ѣ р е н і ю, или (какъ я выражаюсь, краткости ради) въ т р а н с ц е н д е н т а л ь н у ю и х ъ т о л щ и н у.

² Самое вербальное это тождество говоритъ въ пользу моей гипотезы.

³ См. мою книгу «Опытъ метагеометрической философіи»

ихъ нами предвидѣнія; что же касается рѣдкихъ случаевъ несопровожаемости нашимъ воленіемъ нашихъ дѣйствій, то въ нихъ имѣетъ мѣсто неотоображеніе нашего трансцендентальнаго ихъ нами предвидѣнія въ эмпирическомъ нашемъ сознаніи, омраченіе котораго должно обусловливаться чисто фізіологическими причинами.

Теперь обратимся къ *дѣйствию*. Откуда, какимъ образомъ возникаетъ у насъ о немъ представленіе? Мы знаемъ, что въ трансцендентальномъ (четырёхмѣрномъ) мірѣ нѣтъ становленія, нѣтъ будущаго, что въ немъ есть только бытіе и что воленіе и измѣненіе — иллюзіи. Но дѣйствовать и измѣнять, это — одно и то же, почему и *дѣйствіе есть иллюзія*, порождаемая, во первыхъ, какъ и измѣненіе, несознаваемостью нами того, что мы воспринимаемъ только сѣченія реальныхъ объектовъ, а не объекты, и, во вторыхъ, несознаваемостью нами того, что наше воленіе въ дѣйствительности есть только отображеніе въ нашемъ сознаніи (чувственномъ, эмпирическомъ) трансцендентальнаго (сверхчувственнаго) нашего предвидѣнія.

Но откуда у насъ является, какимъ образомъ возникаетъ въ насъ понятіе о дѣйствіи объективномъ, о дѣйствіи, производимомъ не нами, вообще не субъектомъ, не организованнымъ существомъ?

Мы уже знаемъ, что такъ какъ мы не сознаемъ временнаго нашего движенія, а слѣдовательно не знаемъ того, что воспринимаемъ не цѣлые объекты (какъ намъ кажется), а только части (временныя сѣченія) объектовъ четырехмѣрнаго міра, то у насъ непремѣнно должна возникнуть (и возникаетъ въ дѣйствительности) *иллюзія измѣненія* объектовъ нашего (трехмѣрнаго) міра. Но разъ у насъ есть еще и *другая иллюзія*, иллюзія, что мы производимъ по своей волѣ, согласно нашему желанію, *измѣненіе*, у насъ неминуемо должна возникнуть *третья иллюзія*, третья фикція, что *всякое измѣненіе* въ нашемъ мірѣ должно производиться кѣмъ-то, чѣмъ-то, что оно не можетъ возникнуть само собою, изъ ничего (ex nihilo — nihil), а *должно имѣть творца, причину*. Этотъ-то творецъ, этотъ дѣятель, агентъ, и есть такъ называемая *дѣйствующая*

субстанція, дѣйствующая причина (causa efficiens), обладающая весьма немногими сравнительно съ нами *свойствами, способностями*¹ производить такія-то *опредѣленные измѣненія*, а то, в чемъ она пребываетъ, есть такъ называемая *матеріальная причина* (causa materialis)² — какія именно измѣненія, это опредѣляется извнѣ, дается намъ структурою четырехмѣрнаго міра, почему и познается нами только эмпирически, опытомъ, а отнюдь не рефлексивно, не разсудкомъ; вотъ отчего причинная связь ни за что не можетъ быть нами постигнута, не поддается нашему уразумѣнію, не можетъ быть (выражаясь философскимъ языкомъ) рационализована.

Что же такое представляетъ собою, на основаніи сказаннаго, дѣйствующая субстанція, дѣйствующая причина? Да ничего иного, какъ фикцію. Создавая это понятіе, мы занимаемся художествомъ, пишемъ портретъ съ самихъ себя: мы беремъ уже приписанныя нами нашему я, уже навѣшенные нами на него волю и способность дѣйствія и, превративъ ихъ въ свойство дѣйствовать такимъ-то опредѣленнымъ образомъ, навѣшиваемъ ихъ на сдѣланную и названную нами субстанціею куклу, и вотъ портретъ готовъ. Въ сходствѣ его съ оригиналомъ читатель вполнѣ убѣдится, если всмотрится въ него и посчитаетъ матеріальную причину аналогомъ нашего тѣла, тогда дѣйствующая причина будетъ аналогомъ нашей души, нашего я³. Въ процессѣ такого художественнаго творчества мы, мало того, что гилозоизируемъ, оживотворяемъ, мы антропоморфизуемъ, очеловѣкотворяемъ, то, что лишено воли и способности дѣйствія. Мы съ улыбкой смотримъ, какъ котенокъ гоняется за своимъ хвостомъ, не подозревая того, что наша погоня за причиною, что *вся наша научная*

¹ Вообще говоря, тѣмъ меньшее сравнительно съ волею организованнаго существа количество измѣненій, чѣмъ выше ступень биологической лѣстницы занимаемая существомъ.

² Напримѣръ, нагрѣтая печь, теплота ея и повышеніе ртути въ термометрѣ; первая есть causa materialis, вторая — causa efficiens, третье — дѣйствіе теплоты.

³ Нагрѣтая печь — матеріальная причина, ее теплота — дѣйствующая причина, поднятіе ртути въ термометрѣ — дѣйствіе.

дѣятельность съ метагеометрической точки зрѣнія представляеть не что иное, какъ *игру котенка съ своимъ собственнымъ хвостомъ*. Еще Кантъ сказалъ, что мы оплетаемъ паутиною субъективизма объективный міръ, выносимъ вовнѣ совершающееся внутри насъ, антропоморфизуемъ природу.

Моя вышеизложенная антропоморфизаціонная теорія генезиса понятія причинности подтверждается согласіемъ нашего убѣжденія въ предшествованіи причины слѣдствію съ извѣчнымъ и вселенскимъ убѣжденіемъ человѣчества въ предшествованіи воли дѣйствію; что касается ссылки Канта¹ на примѣры, якобы говорящіе въ пользу одновременности причины и слѣдствія, то по моему это чистѣйшее недоразумѣніе.

Какъ видитъ читатель, теперь, благодаря метагеометрической философіи, вопросъ о причинности рѣшается сравнительно легко; не то было прежде. Кто знакомъ съ исторіей философіи, знаетъ, что на рѣшеніе этого вопроса было затрачено почти непроизводительно колоссальное количество умственной энергіи. Отъ Юма и Канта, поставившихъ проблему о причинности на подобающую ей высоту, до нашихъ дней всѣ выдающіеся философы брались за ея рѣшеніе и всѣ только запутывали ее. Самъ Кантъ, гениальный Кантъ, не рѣшилъ вопроса о причинности, но запуталъ его еще болѣе, гениально запуталъ его, — по Кантовски. Дѣло кончилось тѣмъ, что на него махнули рукой, назвали его *stux metaphysicorum* (крестомъ метафизиковъ), причислили къ категоріи такихъ же нерѣшимыхъ вопросовъ, какъ вопросъ о *perpetuum mobile* (вѣчномъ движеніи) или вопросъ о квадратурѣ круга, и сдали въ архивъ. И вотъ теперь онъ высится въ видѣ чудовищно-громаднаго, съ Вавилонскую башню или Хеопсову пирамиду, никѣмъ ничуть не освѣщаемаго лабиринта, памятника человѣческаго трудолюбія и медленности поступательнаго движенія человѣческаго ума.

Узломъ фатальности вопроса о причинности, камнемъ преткновенія всѣхъ усилій, направлявшихся къ его рѣшенію, служило то, что какъ только приступали къ его рѣшенію, воз-

¹ «Критика чистаго разума» въ пер. Владиславлева. 1867, стр. 186—187.

никалъ вопросъ о дѣйствіи, и наоборотъ. Образовалось двѣ школы: одна учить, что понятіе причины произростаеъ на почвѣ понятія дѣйствія, другая учить наоборотъ; для одной искомъ служить причина, для другой имъ служить дѣйствіе. На сторонѣ примата причины стоятъ трансцендентальные идеалисты и во главѣ ихъ Кантъ¹. Они учатъ, что понятіе причины первично, апріорно и не поддается анализу; на сторонѣ примата дѣйствія стоятъ трансцендентальные реалисты и в числѣ ихъ Фолькельтъ, который говорить: «надобно закрыть глаза, чтобы не признавать, что неизмѣнное слѣдованіе В за А дѣлается понятнымъ только благодаря тому, что А относится къ В, какъ нѣчто его опредѣляющее, на него дѣйствующее, его себѣ подчиняющее, простирающее на него свое вліяніе». Какъ видитъ читатель, трансцендентально-реалистическое воззрѣніе на причинность ближе подходитъ къ метагеометрическому на нее воззрѣнію, чѣмъ трансцендентально-идеалистическое.

Обратимся теперь къ очень интересному вопросу, вопросу о возможности измѣненія причинной связи и къ двойнику этого вопроса, неоднократно подымавшемуся не только въ литературѣ философіи естествознанія вообще, но и въ отечественной нашей литературѣ популярнаго изложенія естественнонаучныхъ данныхъ въ частности, вопросу о возможности измѣненія законовъ природы.

Прежде всего замѣтимъ, что съ метагеометрической точки зрѣнія законъ природы есть намекъ на структуру четырехмѣрнаго міра въ направленіи временнаго нашего движенія, причинная же связь, какъ намъ извѣстно, есть иллюзія, представляющая, какъ и всякая иллюзія, продуктъ двухъ факторовъ: субъективнаго, каковымъ служитъ временное наше движеніе, и объективнаго, каковымъ служитъ структура четырехмѣрнаго пространства въ томъ же направленіи².

¹ Кантъ собственно учить, что понятіе дѣйствія вырастаеъ на почвѣ понятій причины и субстанции, т. е. какъ-разъ наоборотъ, чѣмъ я.

² Причинную связь нерѣдко называютъ тоже закономъ природы. Строго говоря, первая есть единообразіе трансцендентальной возлѣположности качественное (связь теплоты и расширенія тѣлъ), второй — таковое же единообразіе количественное (связь температуры съ степенью расширенія тѣлъ).

Отсюда само собою слѣдуетъ, что законы природы и причинная связь потенціально измѣняемы, т. е. могутъ измѣняться съ измѣненіемъ структуры четырехмѣрнаго міра въ направленіи временнѣго нашего движенія (полагая послѣднее неизмѣннымъ) по вступленіи нашемъ при временномъ нашемъ движеніи въ область четырехмѣрнаго міра съ иной структурою.

Замѣтивъ, что съ отвѣтомъ на вопросъ о возможности измѣненія причинной связи и законовъ природы мы отвѣтили и на вопросъ о причинѣ ихъ неизмѣнности, переходимъ къ изложенію заключеній и слѣдствій, вытекающихъ изъ метагеометрическаго ученія вообще и метагеометрическаго воззрѣнія на причинность въ частности, но напередъ считаю вполне умѣстнымъ изложеніе отношенія метагеометрическаго ученія о причинности къ ученію о ней Юма; считаю такое отступленіе умѣстнымъ уже въ интересахъ вѣщаго уразумѣнія читателемъ метагеометрическаго воззрѣнія на причинность.

«Post hoc, ergo propter hoc», т. е. слѣдствование есть не что иное, какъ неизмѣнное слѣдованіе. Вотъ знаменитое изреченіе Юма о генезисѣ понятія причинности. Слѣдовательно съ его точки зрѣнія выходитъ такъ, что мы причинно связываемъ явленія благодаря привычкѣ созерцанія нами ихъ слѣдованія неизмѣнно въ одномъ и томъ же порядкѣ. Но провозглашая такой тезисъ, Юмъ обнаруживаетъ поверхностное отношеніе къ вопросу: онъ не подумалъ о томъ, что прежде чѣмъ связывать что-либо такимъ-то образомъ, надобно знать, что значить такъ-то связать, надобно умѣть такъ-то связывать, не задался вопросомъ о томъ, откуда является у насъ *самое понятіе о причинномъ связываніи*. Еслибы онъ задался такимъ вопросомъ, онъ увидель бы, что даваемую имъ формулу опредѣленія икса входитъ иксъ, что онъ придалъ привычкѣ невмѣру большое значеніе, что его объясненіе возникновенія понятія причинности страдаетъ тѣмъ, что въ логикѣ именуется *petitio principii*, т. е. что его постройка не имѣетъ фундамента, виситъ въ воздухѣ. Споры нѣтъ, привычка играетъ чрезвычайно важную роль вообще и въ трактуемомъ вопросѣ

въ частности. Въ привычкѣ — причина того, что мало культурный, недостаточно интеллигентный человѣкъ не задается вопросомъ объясненія явленій, представляющихъ загадку для высоко культурнаго, вдумчиваго, пытливаго, словомъ, философскаго ума. Можетъ быть, на зарѣ его жизни они были для него вопросомъ, но затѣмъ привычка ихъ имѣ созерцанія притупила въ немъ пыливость до такой степени, что они перестали останавливать на себѣ его вниманіе (*consuetudo secunda natura est* — привычка — вторая природа), что онъ сталъ считать ихъ самопонятными и удивляться, какъ можно заниматься ихъ объясненіемъ. Для такого человѣка въ окружающемъ его мірѣ нѣтъ загадокъ; все въ немъ для него хрустально прозрачно, ясно, какъ день. Не то для философа: для него все — тайна, все — загадка, весь міръ для него — сплошной вопросительный знакъ: и свободное паденіе тѣлъ, и завываніе вѣтра, и шелестъ листьевъ, и щебетанье птицъ, и небо, и звѣзды, и жизнь, и смерть. Еще болѣе различно, безконечно различнѣе отношеніе того и другого къ вопросу о возникновеніи понятія причинности. До Юма этотъ вопросъ лежалъ подъ спудомъ столь долговременной привычки, что никто даже не подозрѣвалъ о его возможности. Это вполнѣ понятно: вѣдь если привычка играетъ огромную роль уже въ дѣлѣ закрѣпленія отдѣльныхъ причинныхъ связей¹, то невообразимо бѣольшую роль она должна играть въ вопросѣ о возникновеніи идеи о причинномъ связываніи вообще, о возникновеніи самаго понятія причинности, корни котораго скрываются въ бездонной глубинѣ человѣческаго духа и времени. Но возвратимся къ тезису Юма.

Мы уже знаемъ, что понятіе причинности возникло изъ двухъ источниковъ. И вотъ, ища источникъ возникновенія этого понятія и усмотрѣвъ одинъ изъ нихъ въ быющемъ въ глаза, неизмѣнномъ порядкѣ слѣдованія, Юмъ прекратилъ дальнѣйшіе свои поиски и поспѣшилъ провозгласить найденный имъ источникъ единственнымъ. Если бы онъ продолжалъ изслѣдованія, онъ нашелъ бы и другой источникъ,

¹ Намъ претягъ уже нѣкоторые общеизвѣстные незначительныя уклоненія отъ закона дѣйствія теплоты.

болѣе скрытый, но болѣе глубокий въ идеѣ дѣйствія, творчества, въ представленіи о дѣйствующей субстанціи. Юмъ невмѣру оцѣнилъ привычку, переоцѣнилъ ее, принялъ тростинку за гранитъ. Онъ отнесся слишкомъ поверхностно къ запутаннѣйшей проблемѣ причинности; онъ вообразилъ, что незачѣмъ трудиться надъ ея распутываніемъ, надъ отысканіемъ конца *Аріадниной нити*, когда по примѣру Александра Македонскаго можно разсѣчь *Гордіевъ узелъ* однимъ взмахомъ сѣкиры, но его сѣкира оказалась недостаточно для этого остра.

Обратимся же къ изложенію заключеній и слѣдствій, вытекающихъ изъ всего вышесказаннаго.

Безъ сомнѣнія, читателя давно уже преслѣдуетъ вопросъ: если движеніе, воля и дѣйствіе — иллюзіи, скажетъ онъ, то значить Я — не собственникъ моего тѣла, значит, мое отношеніе къ нему аналогично отношенію путника къ совершаемому имъ пути, такъ какъ согласно метагеометрической философіи непосредственною средою нашего временнаго движенія служитъ наше тѣло, какъ четырехмѣрный объектъ¹. Да, мы не только не собственники нашего тѣла, мы даже болѣе ограничены во владѣніи и пользованіи нашимъ тѣломъ, чѣмъ путникъ во владѣніи и пользованіи дорогой, такъ какъ мы лишены возможности остановки и возврата вспять по пути временнаго нашего движенія². Мы со стороны временнаго нашего движенія уподобляемся пассажиру желѣзнодорожнаго поѣзда, безостановочно движимаго неуправляемымъ никѣмъ локомотивомъ, по дорогѣ, неимѣющей станцій за исключеніемъ конечной станціи, нашей смерти. Можетъ быть не только то, что по этой дорогѣ совершали до насъ, до нашего

¹ Наше тѣло, какъ и всякій объектъ нашего пространства, нашего воспріятія, есть сѣченіе четырехмѣрнаго объекта; послѣдній получится, если мы возьмемъ наше тѣло, какимъ оно является въ каждый мигъ нашего существованія, и все взятое суммируемъ въ порядкѣ теченія времени. Это наше тѣло въ индійской философіи носитъ наименованіе Линга Шарира.

² См. мои книги «Опытъ метагеометрической философіи» и «Нѣтъ времени».

рожденія, и будутъ совершать *послѣ* насъ, послѣ нашей смерти, движеніе другіе, такіе же, какъ и мы, путники, но и то, что въ отношеніи обладанія нами нашимъ тѣломъ имѣетъ мѣсто такъ называемое въ юриспруденціи *condominium*, совладѣніе, общее владѣніе. Можетъ быть, наше тѣло, какъ четырехмѣрный объектъ, какъ Линга-Шарира, служить путемъ временнаго движенія для другихъ людей теперь же во время нашей жизни; можетъ быть, сейчасъ, въ то время какъ я пишу эти строки, въ *моемъ* тѣлѣ, все-таки какъ въ Линга-Шарира, совершаетъ движеніе воспринимающее начало какъ людей родившихся *послѣ меня*, послѣ меня начавшихъ это движеніе и *переживающихъ жизнь уже мною прожитую*, такъ и людей, родившихся *до меня*, до меня начавшихъ это движеніе, и *переживающихъ жизнь еще мнѣ предстоящую*; ничто не препятствуетъ, наконецъ, допустить, что въ *моемъ* тѣлѣ, опять-таки какъ въ Линга-Шарира, совершаетъ временное движеніе вмѣстѣ, *рядомъ со мною* воспринимающее начало одного, даже нѣсколькихъ лицъ (можетъ быть, въ такомъ психическомъ близничествѣ кроется ключъ къ объясненію многихъ аномальныхъ явленій человѣческаго духа, въ томъ числѣ и такъ называемой одержимости).

Только-что сказанное звучитъ до нѣкоторой степени въ унисонъ съ тѣмъ, что говоритъ Феликсъ Эберти въ вышедшей въ русскомъ переводѣ 25—30 лѣтъ назадъ книгѣ своей, заглавіе которой я, къ сожалѣнію, не могу вспомнить. Въ ней авторъ на основаніи астрономическихъ данныхъ приходитъ къ очень остроумнымъ и интереснымъ заключеніямъ. Такъ, напримѣръ, исходя изъ того, что для распространенія свѣта потребно нѣкоторое количество времени и что существуютъ звѣзды, удаленныя отъ насъ на такое разстояніе, что свѣтъ отъ земли до нихъ доходитъ въ 5, 10, 100 и т. д. лѣтъ, онъ говоритъ, что стоитъ только вообразить начавшееся отъ земли въ любой моментъ времени и въ любомъ направленіи непрерывное движеніе наблюдателя со скоростью распространения свѣта, а съ другой стороны, — начинающійся у земли и простирающійся въ любомъ направленіи непрерывный рядъ точекъ, въ каждой изъ которыхъ находится по наблюдателю,

и тогда въ первомъ случаѣ для наблюдателя произойдетъ съ землею то, что имѣло мѣсто относительно Геркулана и Помпеи: она съ момента вчатія имѣ его движенія застынетъ для него въ заколдованномъ снѣ, а во второмъ случаѣ наблюдатели будутъ созерцать землю въ каждый мигъ ея прошлаго существованія въ теченіи періода времени пропорціональнаго длинѣ ряда точекъ ими занимаемыхъ и начинающагося съ момента вчатія ими наблюдения. Само собою разумѣется, что потенціальность (возможность) того и другого превратится въ реальность (дѣйствительность) только при наличности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, напримѣръ, достаточной остроты зрѣнія у наблюдателя.

Но особенной, не только метафизической, но и практической, важности заключенія вытекають изъ метагеометрическаго воззрѣнія по отношенію къ вопросу о такъ называемомъ *детерминизмѣ*, предопредѣленности, какъ событій внѣшняго міра, такъ и нашихъ дѣйствій.

Всѣмъ извѣстно, что доселѣ велись о немъ нескончаемые споры, причемъ, такъ какъ и его сторонники, и его противники были равносильны, вопросъ о немъ оставался открытымъ. Разъ же оказывается теперь, согласно вышеизложенному, что самая воля и самое дѣйствіе — иллюзіи, вопросъ о детерминизмѣ падаетъ самъ собою, побѣдные лавры достаются его сторонникамъ и нашъ міръ превращается въ царство абсолютнаго детерминизма. Теперь оказывается, что книга судебъ отнюдь не *tabula rasa*, что въ нее никто, ни природа, дѣятельностью своихъ слѣпыхъ силъ, ни мы нашею сознательною волевою дѣятельностью не вписываемъ ни слова, что вся она исписана отъ доски до доски, что мы не ея авторы, а только и только ея читатели, что мы не строимъ дороги будущаго, что она лежитъ предъ нами вполне готовою. Строго говоря, съ метагеометрической точки зрѣнія детерминизмъ, опредѣленіе, предопредѣленіе, все это не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ съ этой точки зрѣнія нѣтъ становленія, а есть только четырехмѣрнопространственное бытіе; если можно еще и теперь говорить о детерминизмѣ, то только о

детерминизмъ временнаго нашего движенія, о чемъ будетъ рѣчь далѣе¹.

Тутъ читатель опять прерветъ чтеніе и воскликнетъ: «какую безотрадную картину рисуетъ эта метагеометрическая философія! Какъ пессимистична она! Раздвигая до безконечности границы макрокосмоса ученіемъ о томъ, что уже раздвинутое до безконечности же астрономіей наше трехмерное пространство съ неисчислимыми сонмами населенныхъ и ненаселенныхъ въ немъ міровъ есть всего-на-всего геометрическое сѣченіе четырехмѣрнаго пространства и что существуетъ безконечная арифметическая прогрессія пространствъ съ разностью по числу измѣреній равною единицѣ, она расширяетъ кругозоръ человѣческой мысли до такой степени, что микрокосмъ дѣлается менѣе всякой произвольно взятой малой величины, что человѣку потребенъ уже микроскопъ, чтобы увидѣть свое собственное земное существо, а разрушая самую дорогую и извѣдную иллюзію человѣческаго духа, иллюзію воленія, она усугубляетъ въ человѣкѣ сознаніе ограниченности его духовныхъ силъ, пригнетаетъ до земли его нѣкогда столь высоко поднятую, со времени же Коперника все ниже и ниже склонявшуюся голову и переполняетъ уже и безъ того наполненную до края бѣдствіями земной жизни и Шопенгауэровскою философіею чашу пессимистическаго яда.

Но у метагеометрической философіи есть и сторона положительная, а именно. Проповѣдуемый ею детерминизмъ ограничивается исключительно земною нашею жизнью; онъ отнюдь не распространяется ни на наше предсуществованіе,

¹ Хотя фатализмъ и детерминизмъ, повидимому, одно и то же, но на самомъ дѣлѣ между фатализмомъ и детерминизмомъ есть существенная разница. Тогда какъ тотъ и другой не признаютъ за нами авторскихъ правъ на книгу будущаго, фаталисты утверждаютъ, что мы пишемъ ее подъ диктовку, я же утверждаю, что мы не дѣлаемъ и этого, что мы только, и только, ея читатели, что вся она цѣликомъ и отъ доски до доски и написана безъ всякаго нашего участія; фаталисты отрицаютъ за нами только свободу воли, я же, какъ это извѣстно читателю, отрицаю самую волю, отрицаю возможность какого бы то нибыло дѣйствія.

на нашу жизнь, предшествующую нашему рожденію, ни на наше посмертное существованіе, на нашу жизнь слѣдующую за нашею смертію, словомъ, на наше трансцендентальное существованіе¹, проповѣдуемое индивидуализмомъ², который не только не противорѣчитъ метагеометрической философіи, но является ея дополненіемъ, естественнымъ продолженіемъ, и въ оптимизмъ котораго метагеометрическій и всякій другой пессимизмъ расплывается, какъ капля дождя въ морѣ.

Согласно ученію индивидуалистовъ мы, провидя путь нашей земной жизни до нашего воплощенія, до нашего рожденія, безповоротно, но вполне свободно избираемъ его на свой страхъ въ целяхъ нашего духовнаго совершенствованія. Это ученіе, ученіе о свободѣ выбора нами нашего жизненнаго пути, о нашей трансцендентальной свободѣ, не только не идетъ вразрѣзъ съ ученіемъ метагеометрической философіи о царящемъ въ нашей жизни детерминизмъ, но ею одобряется, и вотъ почему.

Хотя вопросъ о нашей трансцендентальной свободѣ и выходитъ изъ предѣловъ компетенціи метагеометрической философіи, такъ какъ временное наше движеніе служить исходнымъ ея пунктомъ, ея основнымъ началомъ, но разъ существуетъ у насъ убѣжденіе въ свободѣ нашихъ дѣйствій, оно требуетъ объясненія, объяснить же возникновеніе въ насъ такого убѣжденія, объяснить генезисъ, иллюзію нашей свободы я могу, не погрѣшая противъ логики, не противорѣча моему собственному ученію, только допущеніемъ свободы трансцендентальнаго выбора нами такого-то, а не иного пути нашего временнаго движенія, такъ какъ стоитъ только сдѣлать

¹ Если не сделать допущенія, о которомъ будетъ сказано въ конце книги.

² Ученіе, по которому п о з а д и нашего чувственнаго (земного) субъекта стоитъ другой, сверхчувственный, трансцендентальный нашъ субъектъ (можно назвать его душою, но душою, имѣющею свое, тонкое, эфирное, такъ называемое а с т р а л ь н о е тѣло, и не только безсмертною, но и безначальною). Самымъ выдающимся представителемъ этого ученія является сравнительно недавно умершій нѣмецкій философъ Карлъ Дюпрель. Переводъ всехъ вышедшихъ въ Россіи его сочиненій принадлежитъ мнѣ (см. стр. 196).

такое допущеніе, и возникновеніе въ насъ сказанной иллюзіи объяснится отображеніемъ нашего трансцендентальнаго сознанія нашей свободы въ нашемъ эмпирическомъ, земномъ сознаніи¹, только въ допущеніи двойственности нашего сознанія, обладанія нами двумя сознаніями, трансцендентальнымъ и эмпирическимъ, обрѣтаетъ освѣщеніе Кантовская *антиномія* свободы и необходимости.

Что касается рѣшенія Кантомъ вопроса о свободѣ воли, его ученія о трансцендентальной нашей свободѣ, то хотя я и признаю его заодно съ Шопенгауеромъ однимъ изъ двухъ самыхъ блестящихъ алмазовъ въ вѣнцѣ Кантовской славы, но я не могу согласиться съ Кантомъ въ признаніи имъ за человѣкомъ свободы дѣйствія въ этомъ, эмпирическомъ, земномъ мірѣ. Съ точки зрѣнія моего ученія о времени человѣкъ не можетъ въ этомъ мірѣ «самопроизвольно, *независимо отъ времяопредѣленія*» начать рядъ событій только въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи совершающихся по закону причинности², онъ не можетъ освободиться отъ сковывающей его въ этомъ мірѣ по рукамъ и по ногамъ цѣпи причинности, отъ времяопредѣленія»; временное его движеніе не можетъ быть уподоблено не только рѣянью птицы, но и путешествію *на долгихъ*; оно можетъ быть уподоблено только, и только насквозь, въ каждомъ своемъ пунктѣ детерминированному движенію нѣмъ неуправляемаго паровоза по пути, имѣющему одну пару рельсовъ и неимѣющему промежуточныхъ станцій.

Изъ всего сказаннаго въ этомъ моемъ трудѣ слѣдуетъ, что метагеометрическая философія приводитъ насъ къ заключенію о субъективности, призрачности времени, измѣненія, движенія (эмпирическаго), свободы воли, самой воли, дѣйствія, причинности, даже самаго нашего (трехмѣрнаго) пространства, — къ заключенію, что въ дѣйствительности существуетъ

¹ Наше сознаніе чувственное, эмпирическое, земное не объемлетъ нашего сознанія сверхчувственного, трансцендентальнаго, но имъ объемлется.

² См. «Критику чистаго разума» въ переводѣ Владиславлева, изд. 1867 г., стр. 368—370.

только недоступное нашему воспріятію, трансцендентальное (четырехмѣрное) пространство и трансцендентальное наше въ немъ движеніе (движеніе воспринимающаго въ насъ начала, нашего сознанія, нашего я, нашей души, словомъ, трансцендентальной части нашего существа) по линіи времени, по четвертому измѣренію, на самомъ дѣлѣ время есть это движеніе, временное слѣдованіе объектовъ нашего воспріятія есть трансцендентальная ихъ возлѣположенность въ направленіи этого нашего движенія, измѣненіе есть разнородность въ направленіи временнаго нашего движенія трансцендентальнаго объекта соотвѣтствующаго¹ измѣняющемуся объекту, движеніе (эмпирическое) есть трансцендентально-пространственное положеніе трансцендентальнаго объекта соотвѣтствующаго движущемуся объекту, воленіе есть трансцендентальное предвидѣніе и что дѣйствіе и причинность — фикции, т. е. что онѣ не имѣютъ никакого коррелата, ничего соотвѣтственнаго въ реальномъ, дѣйствительномъ, четырехмѣрномъ мірѣ.

Наконецъ-то, какъ видитъ читатель, мы освободились отъ душившаго насъ кошмара: наконецъ, благодаря метагеометрической философіи съ реальности спадаетъ наброшенный на нее нами самими покровъ субъективизма и реальный міръ предстаетъ предъ нами въ его настоящемъ, неприкрашенномъ видѣ, въ его наготѣ. Наконецъ-то она, эта философія, вѣнчаетъ небывалымъ успѣхомъ наше исконное стремленіе къ *объективному горизонту явленій*. Но приближая насъ къ нему болѣе, чѣмъ какая-либо изъ существовавшихъ философемъ, давая человѣку небывалое еще удовлетвореніе въ его стремленіи за предѣлы феноменальнаго міра, въ царство ноуменовъ, «вещи въ себѣ», метагеометрическая философія предательски измѣняетъ ему, руша извѣчные устои его мышленія, дорогія его сердцу иллюзіи, духовно его эвакуируя, ставитъ его въ положеніе ребенка, обжегшаго себѣ руку, тянувшуюся къ огню. Мы съ неописуемымъ напряженіемъ умственныхъ силъ въ теченіе продолжительнаго времени непрестанно преслѣдовали цѣль проникновенія за предѣлы ви-

¹ Какъ понимать это слово, было уже неоднократно сказано.

димаго міра, и вотъ теперь, когда достигли этой цѣли, оказываемся въ положеніи слишкомъ высоко поднявшагося надъ землей авиатора; метагеометрическая философія, раздвигая до безконечности нашъ умственный горизонтъ, наполняетъ нашу душу страхомъ предъ открывающимся предъ нами безграничнымъ просторомъ. Но не уподобимся страусу, будемъ смѣло смотрѣть въ глаза истинѣ, дѣйствительности; не будемъ заклинать вызваннаго нами самими духа; не будемъ страшиться того, чего такъ страстно желали; это — страхъ долго пребывавшаго въ тюрьмѣ узника предъ открывшеюся предъ нимъ за порогомъ тюрьмы свободною жизнью; современемъ онъ оріентируется въ ней и ее оцѣнить.

Изъ моей теоріи времени вытекаетъ съ строжайшею логическою послѣдовательностью, въ видѣ верховнаго короларія, ее вѣнчающаго, заключеніе невообразимо капитальной теоретической и практической важности, а именно, что мы безсмертны. Эта теорія такъ радикально и безповоротно рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ, какъ никто еще никогда до меня не рѣшалъ вопросъ, надъ которымъ «головы въ іероглифныхъ кидарахъ, въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ, въ пудрѣ и головы всякаго рода бились въ слезахъ», и ни до чего не добились.

Намъ извѣстно, что согласно моей теоріи время есть движеніе воспринимающаго въ насъ начала; но если такъ, то воспринимающее въ насъ начало творитъ время и какъ творецъ его отъ него не зависитъ; оно вѣчно, лучше сказать, внѣвременно, сверхвременно, оно — самостоятельная по отношенію къ времени, самодовлѣющая энтелехія, безсмертная монада. Утверждать противное значить утверждать, что рука, чертящая линію, прекращаетъ свое существованіе съ прекращеніемъ этого своего движенія (съ метагеометрической точки зрѣнія жить и чертить линію времени, это — одно и то же)¹.

¹ Хотя, согласно моему ученію, наше тѣло, какъ и всѣ объекты нашего воспріятія, тоже сверхвременно, вѣчно, но оно не творитъ времени. Его творитъ только и только воспринимающее въ насъ начало, сознаніе, душа, словомъ наше трансцендентальное психическое существо.

Вотъ съ какою строго логическою послѣдовательностью и простотою изъ моего ученія о времени вытекаетъ заключеніе о нашемъ безсмертіи и обнаруживается воочию вся фальшь матеріалистической фізіологіи, провозгласившей, что наша жизнь — насквозь тѣлесная функціональность. Неправда, что она представляетъ лишенную значенія, внутренняго смысла и цѣли калейдоскопическую фантазмагорію, безсмысленное толченіе воды въ ступѣ, что и томленіе нашего духа по метафизическимъ небесамъ, и всѣ наши порыванія къ идеаламъ истины, добра и красоты, и всѣ запросы, чаянія и стремленія нашего сердца — не что иное какъ свѣченіе метеора, дымъ костра, что наша жизнь, какою бы красочною, какою бы содержательною она намъ ни казалась, оканчивается могильною насыпью да лопухомъ на ней. Нетъ, стоитъ только внести въ жизнь единственную черту, безсмертіе, и удѣльный вѣсъ субъективнаго міра получить преобладаніе надъ удѣльнымъ вѣсомъ объективнаго¹, объективный реализмъ уступить мѣсто субъективному, и она сама превратится изъ безобразной и безсмысленной мазни въ полную смысла, значенія и красоты художественную композицію.

Вотъ съ какою строгою логическою послѣдовательностью я доказалъ, какъ видитъ читатель, наше безсмертіе. Наконецъ-то мы можемъ освободиться отъ непрестанно давившаго насъ кошмара, угнетавшаго насъ всю жизнь страха смерти, отравлявшаго намъ сладость бытія и лившаго намъ горечь въ чашу наслажденія первымъ поцѣлуемъ любви, ароматомъ розы, пѣніемъ соловья, улыбкою ребенка. Наконецъ-то мы можемъ смѣло обратиться къ смерти съ ироническимъ вопросомъ: «гдѣ же жало твое?» и заодно съ философомъ на тронѣ цезарей, Маркомъ Авреліемъ, воскликнуть «Non omnis moriar!» (не весь я умру!). Отнынѣ прочь отъ гроба саванъ, рыданія и скрежетъ зубовъ! Да окружаютъ его свѣтозарныя одѣянія, радость, веселье и да раздается надъ нимъ побѣдный гимнъ торжествующаго освобожденія души отъ узъ земной жизни, этой юдоли страданій и слезъ!

¹ Т. е. свѣрхвременность перейти со стороны объективнаго міра на сторону міра субъективнаго.

Но обращаясь къ смерти подѣ вліяніемъ радости, охватившей меня по поводу доказанности мною нашего безсмертія, съ дифирамбомъ, я поступилъ опрометчиво. Вѣдь рисовать смерть въ радужныхъ краскахъ можно, только доказавъ, что она вводитъ насъ въ жизнь лучшую нашей земной жизни. Въ какую же жизнь вводитъ она насъ? Уйдемъ ли мы отсюда въ обитель свѣта или въ кромѣшную тьму? Будетъ ли нашъ переходъ отъ посюсторонней къ потусторонней жизни подобенъ переходу червяка отъ его жизни къ жизни его бабочкою или переходу отъ одной юдоли слезъ къ юдоли слезъ такихъ же, а можетъ быть еще горшихъ? Словомъ, каково будетъ качество, каковъ будетъ характеръ нашей потусторонней жизни?

Признаюсь, что каждый разъ, какъ я обращаюсь къ этому вопросу, я чувствую у себя подѣ ногами зыбкую почву, невылазную топь. Напрасно бросаю я пытливый взоръ вокругъ себя, напрасно ищу хоть малѣйшей кочки для опоры, ни откуда не приходитъ спасительная помощь, и я несмотря на всю заманчивость перспективы вскрытія тайны въ безсиліи опускаю руки и твержу «non possumus» (ничего не могу подѣлать). Только при соединенномъ свѣтѣ, испускаемомъ моимъ ученіемъ о времени и индивидуализмомъ¹, предѣ моимъ внутреннимъ взоромъ рисуется въ смутныхъ очертаніяхъ картина нашей будущей жизни и мнѣ удастся усмотрѣть на ней кое-что. Къ изложенію того, что мнѣ удалось на ней усмотрѣть, я и обращаюсь, причемъ постараюсь повозможности не вдаваться въ область догадокъ и предположеній.

Первый вопросъ, возникающій при обсужденіи общаго вопроса о родѣ посмертнаго нашего существованія, состоитъ въ

¹ Индивидуализмомъ называется, какъ было уже сказано, ученіе, согласно которому мы продолжаемъ наше индивидуальное существованіе и послѣ смерти, а не расплываемся, какъ учить пантеизмъ въ лонѣ міровой субстанции, подобно тому какъ разлагается наше тѣло въ почвѣ земной природы. Самымъ выдающимся представителемъ индивидуализма былъ умершій въ концѣ прошлаго столѣтія германскій философъ д-ръ Карлъ Дюпрель, главнѣйшіе труды котораго переведены мною (см. стр. 196). Онъ придалъ индивидуализму строго научный характеръ и рельефныя очертанія.

томъ, какими чувствами будетъ обладать психическое наше существо, переживающее наше тѣло.

Изъ того, что было мною сказано при обсужденіи вопроса о безсмертіи, слѣдуетъ, что переживающее наше тѣло психическое наше существо обладаетъ способностью воспріятія нашего міра посредствомъ, какъ своего органа, воспринимающаго въ насъ начала, а изъ того, что оно пребываетъ въ четырехмѣрномъ пространствѣ, слѣдуетъ *eo ipso* (само собою), что оно должно обладать способностью созерцанія своего пространства со всѣми его объектами, должно обладать чувствомъ аналогичнымъ нашему зрѣнію. Но разъ оно обладаетъ зрѣніемъ, мы, судя по аналогии, должны допустить, что оно обладаетъ и *sui generis* (своего рода) осязаніемъ, играющимъ въ его воспріятіи ту же роль относительно зрѣнія, что и въ нашемъ воспріятіи: вѣдь мы воспринимаемъ объекты нашего міра не трехмѣрными, а двумѣрными, и заключаемъ объ ихъ трехмѣрности только благодаря комбинаціи этихъ двухъ чувствъ, обладаемъ способностью созерцанія ихъ въ перспективѣ. Что касается остальныхъ нашихъ чувствъ, какъ внѣшнихъ (слуха и пр.), такъ и внутреннихъ (воспріятія впечатлѣній отъ нашего тѣла, напимѣръ, боли, голода, жажды и пр.) и эмоцій (гнѣвъ, любовь, ненависть и пр.), то въ высокой степени вѣроятно, что по смерти мы будемъ обладать всѣми ими съ нѣкоторымъ плюсомъ, что, напимѣръ, мы будемъ обладать шестью внѣшними чувствами, а не пятью.

Слѣдующій вопросъ состоитъ въ томъ, что будемъ ли мы по смерти обладать сознаниемъ. Безъ сомнѣнія, будемъ, разъ будемъ обладать чувствами, такъ какъ на почвѣ чувствъ произрастаетъ сознание, но будемъ обладать сознаниемъ не нашимъ, чувственнымъ, а трансцендентальнымъ-сверхчувственнымъ, въ томъ смыслѣ, что оно не объемлется нашимъ сознаниемъ, не сознается нами, но само его объемлетъ¹. Носителемъ транс-

¹ Индивидуалисты называютъ его трансцендентальнымъ; Гартманъ далъ ему наименованіе «Безсознательное» (*Unbewusste*); съ недавняго времени по почину канадскаго профессора Бѣкка, его стали называть космическимъ; въ нашей литературѣ его большею частью называютъ подсознаниемъ (вѣрнѣе было бы называть его сверхсознаниемъ, како-

цендентальнаго нашего сознанія, равно какъ и чувствъ, которыми мы будемъ обладать по смерти, служить тоже несознаваемый нами трансцендентальный нашъ субъектъ. Это не нашъ чувственный субъектъ, прекращающій свое существованіе со смертію нашего тѣла, но субъектъ внѣвременный, самъ своимъ движеніемъ по четвертому измѣренію творящій время и имѣющій свое собственное, такое же внѣвременное, какъ и онъ, тѣло. Что же это за такое тѣло?

По ученію индивидуалистовъ у насъ кромѣ грубаго земнаго тѣла есть еще другое, тонкое, эфирное, нами невидимое и неосязаемое, проникающее сквозь всѣ земныя, трехмѣрныя преграды. Это тѣло носить названіе астральнаго, сидерическаго (звѣзднаго, небеснаго)¹. Въ него наша душа облечена непосредственно, оно ей присуще, отъ нея неотдѣлимо, вѣчно, какъ вѣчна она сама, какъ и она сама безконечно и безначально², оно оставляетъ вмѣстѣ съ душою наше тѣло неполнѣ и навремя въ періодъ нашего пребыванія въ такъ называемыхъ аномальныхъ состояніяхъ (въ сомнамбулическомъ снѣ, въ экстазѣ, въ состояніи гениальнаго творчества и пр.) вполнѣ и навсегда съ нашею смертію. Астральное наше тѣло, это, такъ сказать, интимное тѣло нашей души, это, выражаясь образно, кожа нашей души, земное же наше тѣло, это то у нашей души, что у животнаго шерсть, у птицы перья.

Хотя мысль объ астральномъ тѣлѣ до крайности парадоксальна, однако она не новость. Представленіе о немъ встрѣчается уже у древнихъ индусовъ, называвшихъ его пурушею, и у китайцевъ; въ книгѣ законовъ Ману говорится, что по смерти человѣка душа его облекается въ эфирную матерію; въ Зендѣ душа, *Frueg*, имѣетъ человѣческой образъ и безконечно тонкое тѣло, въ древнееврейскомъ тайномъ ученіи, Каббалѣ, оно называется тѣнью (*Zelem*) души (*Nephesch*); древніе греки учили, что у человѣка два тѣла: сарксъ (матеріальное тѣло)

вое наименованіе его встрѣчается, хотя рѣдко, въ нѣмецкой литературѣ (*Überbewusste*)).

¹ Гелленбахъ называетъ его метаорганизмомъ.

² Дюпрель говорить, что вѣчность души въ общепринятомъ смыслѣ есть вѣчность однобокая.

и сома (астральное); у нихъ же астральное тѣло называлось еще *о́хета*; спириты называютъ его *периспри* (околодушіе); изъ средневѣковыхъ философовъ очень большое вниманіе удѣляетъ астральному тѣлу Парацельзъ. По Парацельзу у человѣка два тѣла: земное видимое, оно у насъ отъ Адама, и невидимое, эфирное, оно не отъ Адама; по смерти человѣка первое отходитъ въ землю, второе восходитъ къ небесамъ; Парацельзъ не признаетъ за астральнымъ тѣломъ физическихъ недостатковъ; если кто родился, говорить онъ, кривымъ, хромымъ, горбатымъ, то у него не таковы ни душа, ни духъ (астральное тѣло), и затѣмъ продолжаетъ: Адамово тѣло, это грубое наше тѣло, земное, его можно ощупать, тѣло же не отъ Адама тонкое, оно не отъ земли, его ощупать нельзя; первое не можетъ пройти сквозь стѣну, ему нужны двери, отверстія, второе не нуждается въ дверяхъ и отверстіяхъ, ему уступаетъ, предъ нимъ склоняется все, оно можетъ пройти сквозь всякую преграду; элементарное (смертное) наше тѣло служить неэлементарному (астральному) орудіемъ дѣятельности и ему повинуются; первое нуждается въ снѣ и отдыхѣ, второе въ нихъ не нуждается.

Въ высшей степени интересно прослѣдить исторію отношенія христіанской церкви къ вопросу объ астральномъ тѣлѣ; но не находя умѣстнымъ слишкомъ удаляться отъ главной темы, я въ изложеніи таковой исторіи ограничусь нѣсколькими строками.

Астральное тѣло служило предметомъ догматическихъ споровъ уже на первыхъ вселенскихъ соборахъ; на Халкедонскомъ и четвертомъ Латеранскомъ соборахъ была признана дихотомія и отвергнута трихотомія, т. е. не было признано астральное тѣло; послѣдующіе соборы колебались въ рѣшеніи вопроса; наконецъ, Венскій соборъ объявилъ (въ 1611 г.) еретикомъ всякаго отрицающаго, что наша душа имѣетъ форму нашего тѣла, и такимъ образомъ призналъ существованіе у насъ астральнаго тѣла. Въ заключеніе скажемъ, что многіе писатели, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, видѣли въ ученіи церкви объ ангелъ-хранителѣ признаніе астральнаго тѣла (трансцендентальнаго субъекта съ его тѣломъ).

Чемъ же доказывается существованіе астральнаго тѣла? Сознаніемъ самоцѣлости и двойничествомъ.

Сознаніемъ самоцѣлости называется сознаніе цѣлости своего организма человѣкомъ, утратившимъ по какой бы то ни было причинѣ одинъ или нѣсколько членовъ тѣла. Обильный и интересный матеріалъ по этому предмету содержится въ учебникѣ Валентина по фізіологіи. Явленія сознанія самоцѣлости стараются объяснить привычкою. Противъ этого надобно сказать, что привычка могла бы служить здѣсь удовлетворительнымъ объясненіемъ только для перваго по утратѣ члена времени, но что она совершенно не годится для объясненія сознанія самоцѣлости человѣкомъ, родившимся безъ одного или нѣсколькихъ членовъ, Валентинъ же въ сказанномъ своемъ учебникѣ приводитъ нѣсколько примѣровъ такого сознанія.

Что касается двойничества или раздвоенія, т. е. способности нѣкоторыхъ людей (а также животныхъ), быть видимыми, даже осязаемыми вдвойнѣ, то отсылаю читателя къ переведенной мною книгѣ Дюпреля «Монистическое ученіе о душѣ», бѣольшая половина которой посвящена обсужденію вопроса о двойничествѣ. Тамъ онъ подвергаетъ всесторонней критикѣ явленія двойничества, показываетъ, какія изъ нихъ можно объяснить переходомъ мыслей, зрѣніемъ на разстояніи и пр., и приходитъ къ заключенію, что нѣкоторые изъ нихъ только и могутъ быть объяснены путемъ допущенія существованія астральнаго тѣла.

Къ сказанному о доказательствахъ существованія астральнаго тѣла нельзя не прибавить фотографированія и взвѣшиванія умирающаго въ моментъ его смерти. Вотъ что говорятъ на счетъ этого Эдуардъ Карпентеръ въ своей книгѣ «Любовь и смерть»¹: «при нѣкоторыхъ опытахъ, произведенныхъ въ послѣднее время, при взвѣшиваніи тѣла до и послѣ смерти былъ обнаруженъ повидимому фактъ потери тѣломъ вѣса въ самый моментъ смерти или очень скоро по ея наступленіи. Д-ръ Дунканъ Макъ-Дугаллъ производилъ такіе опыты со всѣми предосторожностями и нашель, что

¹ Стр. 125—126.

одинъ изъ его пациентовъ въ самый моментъ смерти потерялъ $\frac{3}{4}$ унціи, а другой $\frac{1}{2}$ унціи, а затѣмъ еще $\frac{1}{2}$ унціи черезъ нѣсколько минутъ послѣ смерти; можно привести нѣсколько опытовъ съ такими же результатами. Кое-что сдѣлано наукою и въ другомъ направленіи въ смыслѣ подтвержденія теоріи о выходѣ духа изъ тѣла въ моментъ смерти въ формѣ облачной туманности. Мы имѣемъ въ виду результаты, добытые фотографированіемъ д-ра Барадюка. Онъ снялъ фотографію съ тѣла его жены черезъ часъ послѣ ея смерти и съ тѣла его сына черезъ 9 часовъ; когда пластинки были проявлены, на нихъ можно было замѣтить облакообразныя эманации, парившія въ воздухъ надъ тѣлами умершихъ; эти эманации имѣли человѣческіе контуры».

Противъ послѣднихъ двухъ доказательствъ существованія астральнаго тѣла можно сказать многое. Противъ опытовъ левитаціи (потери вѣса) тѣла въ моментъ смерти можно возразить, что ее можно объяснить испареніями, отдѣляющимися отъ тѣла, тѣмъ болѣе, что левитація продолжается и послѣ смерти; темъ же можно объяснить и результаты фотографирования, только подкрѣпляющіе такое объясненіе; но съ другой стороны, можно сказать нѣчто и въ пользу этихъ доказательствъ, а именно: отдѣленіе астральнаго тѣла можетъ совершаться не моментально, да и эманации, получающіяся на фотографическихъ пластинкахъ, могутъ при дальнѣйшихъ тщательнѣйшихъ опытахъ и дальнѣйшемъ совершенствованіи фотографирования принять вполнѣ ясную форму человѣческаго тѣла.

Чѣмъ же мы еще кромѣ чувствъ, сознанія и тѣла будемъ обладать по смерти? Мы будемъ обладать воленіемъ, но не призрачнымъ, какимъ обладаемъ теперь, а реальнымъ, если мы не допустимъ существованія пятаго измѣренія, такъ какъ въ противномъ случаѣ нашъ трансцендентальный субъектъ окажется, въ силу уже сказаннаго въ этой книгѣ въ томъ же положеніи, въ какомъ находимся мы, будемъ обладать и мышленіемъ, будемъ имъ обладать не только судя по аналогіи, но и согласно тому, что, какъ доказалъ Каппъ¹, мы

¹ Капп: «Philosophie der Technik».

въ технической нашей дѣятельности *безсознательно* подражаем природѣ (глазѣ и камера-обскура и пр.), т. е. что эта наша дѣятельность сопровождается трансцендентальнымъ мышленіемъ; по смерти мы будемъ обладать и памятью, этой способностью субъективно-идеальнаго возврата къ прошедшему, если допустимъ существованіе пятаго измѣренія, такъ какъ въ такомъ случаѣ нашъ трансцендентальный субъектъ будетъ въ ней нуждаться для сказаннаго возврата по пути своего временнаго движенія (по пятому измѣренію).

Спрашивается, наконецъ, будетъ ли наша загробная жизнь исполнена дѣятельности или мы будемъ проводить ее въ бездѣйствіи. Конечно, она будетъ дѣятельною: вѣдь не для того же мы будемъ обладать чувствами, сознаниемъ и пр., словомъ, всѣми задатками дѣятельной жизни, чтобы они оставались безъ употребленія; жить значить дѣйствовать. Но наша трансцендентальная дѣятельность и самая трансцендентальная наша жизнь будутъ такими же иллюзорными, такими же призрачными, какъ и теперешнія наша дѣятельность и наша жизнь, если допустить существованіе пятаго измѣренія, такъ какъ въ такомъ случаѣ нашъ трансцендентальный субъектъ окажется, въ силу уже сказаннаго въ этой книгѣ, въ такомъ же положеніи, въ какомъ находимся мы¹.

Изъ только-что сказаннаго легко усмотрѣть всю важность вопроса о существованіи пятимѣрнаго пространства. Оказывается, что рѣшить этотъ вопросъ значить рѣшить вопросъ о томъ, открываетъ ли намъ дверь въ царство реального міра допущеніе существованія четырехмѣрнаго пространства, или, иначе говоря, мое ученіе о времени. Вѣдь съ допущеніемъ существованія пятимѣрнаго пространства четырехмѣрное пространство съ его объектами дѣлается столь же нереальнымъ, столь же идеальнымъ, сколь дѣлается таковымъ наше пространство съ его объектами съ допущеніемъ существованія пространства четырехмѣрнаго, такими же нереальными, призрачными дѣлаются, какъ мы уже сказали, воленіе,

¹ Во всѣхъ отношеніяхъ въ такомъ же, какъ и мы, положеніи, въ томъ числѣ и въ отношеніи детерминизма, что понятно само собою изъ сказаннаго о воленіи.

дѣятельность и жизнь нашего трансцендентальнаго субъекта, даже самое временное движеніе, какъ эмпирическое съ точки зрѣнія трансцендентальнаго существа, существа, совершающаго временное движеніе по пятому измѣренію, движеніе, вмѣстѣ съ чѣмъ дѣлается абсурдомъ, нелѣпостью, самый вопросъ о посмертномъ нашемъ существованіи, такъ какъ съ метагеометрической точки зрѣнія жизнь и временное движеніе — синонимы, и горизонтъ реальности уходитъ отъ насъ въ такую же неопредѣленную даль, въ какую уходитъ земной горизонтъ отъ бѣгущаго къ нему ребенка.

Какъ же рѣшить вопросъ?

Хотя допущеніе существованія пятимѣрнаго пространства ставить насъ въ затруднительное положеніе необходимостью допущенія, что у нашего трансцендентальнаго субъекта кроме астральнаго тѣла есть еще другое тѣло, болѣе интимное, болѣе тонкое, чѣмъ астральное, но въ пользу существованія пятаго измѣренія говоритъ и математика, и логика: вѣдь съ одной стороны, геометры утверждаютъ, что существуетъ n измѣреній пространства, т. е. что число пространствъ представляетъ безконечную арифметическую прогрессию съ разностью равною единицѣ, а съ другой стороны наша мысль не мирится съ допущеніемъ конечности ряда неисчерпываемаго нашимъ воспріятіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что рѣшить нашъ вопросъ съ несомнѣнною увѣренностью въ правильности его рѣшенія невозможно; можно только сказать, что въ пользу положительнаго его рѣшенія имѣется больше основаній, чѣмъ въ пользу его рѣшенія отрицательнаго.

Значить, метагеометрическая моя философія не вводитъ насъ въ царство реальнаго? Да. Но если она и не вводитъ насъ въ него, если она углубляетъ кладезь, таящій въ себѣ истину, если она только усугубляетъ загадочность сущаго, то все-таки она хоть на одну ступень да подымаетъ нашъ интеллектъ по безконечной лѣстницѣ прогрессивнаго его шествованія, все-таки хоть на одинъ шагъ да приближаетъ насъ къ горизонту реальности.

Но если сила удара, наносимаго метагеометрическаго философіею нашимъ надеждамъ на введеніе ею насъ въ цар-

ство реального смягчается мыслью о приближеніи ею насъ хотя только на одинъ шагъ къ горизонту реальности, жестокость удара, наносимаго ею нашему самолюбію, не ослабляется ничѣмъ. Что же это за ударъ?

Я уже говорилъ въ этой моей книгѣ, что человѣкъ нѣкогда такъ гордо, такъ высоко державшій голову, долженъ былъ склонить ее подъ ударами нанесенными его самолюбію системой Коперника, что затѣмъ ему пришлось опустить голову еще ниже съ появленіемъ метагеометріи, раздвинувшей уже и безъ того раздвинутое астрономіей, какъ казалось, до безконечности пространство до такой степени, что ему потребовался для узрѣнія своего собственнаго существа *микроскопъ*. Теперь оказывается, что человѣку приходится склонить свою голову до самой земли съ появленіемъ новаго на время воззрѣнія (пріоритетъ котораго, увы, принадлежитъ мнѣ), расширяющаго уже и безъ того расширенное ученіемъ о микроорганизмахъ, микробиотикой, какъ казалось, до безконечности, понятіе о жизни до такой степени, что ему потребенъ для узрѣнія своей собственной жизни *біоскопъ*. Такимъ образомъ онъ и въ пространственномъ, и во временномъ отношеніи являетъ собою олицетворенное ничтожество. Теперь человѣкъ принужденъ окончательно сложить съ себя до сихъ поръ еще кое-какъ державшуюся на одномъ его плѣче порфиру. Свершилось паденіе его съ высоты царственнаго величія въ бездну ничтожества «Sic transit gloria mundi!» Какъ призрачна, какъ быстротечна земная слава!

М. А к с е н о в ъ

26 августа 1918 года

ПРИБАВЛЕНІЕ к стр. 154—155

Подъ трансцендентально-эмпирическою однозначностью трансцендентальнаго воленія и эмпирическаго долженствованія надобно разумѣть вотъ что.

Кто знакомъ съ литературою сомнамбулизма, тотъ знаетъ о заурядномъ явленіи въ области сомнамбулизма, состоящемъ въ томъ, что у сомнамбула съ погруженіемъ его въ его сонъ чувства симпатіи и антипатіи нерѣдко измѣняются радикальнымъ образомъ, что то, что ему нравилось въ бодрственномъ его состояніи, не нравится ему во время нахождения его въ его снѣ, и наоборотъ, его отношеніе къ окружающему его иногда принимаетъ форму рѣзко очерченной идіосинкразіи, доходящей до презрѣнія къ собственнымъ своимъ страданіямъ.

Отсюда Дюпрель, разсуждая по аналогіи, приходитъ къ заключенію, что *диктуемое намъ, какъ намъ кажется, какою-то чуждою намъ принудительною силою долженствованіе* есть на самомъ дѣлѣ *наше же собственное трансцендентальное воленіе* (воленіе нашего же собственного трансцендентальнаго субъекта, нашей души, избирающей добровольно, на свой собственный страхъ, до своего воплощенія, до нашего рожденія земной путь, какъ бы онъ обильно ни былъ усыянъ терніями и шипами, для вѣдомыхъ только ей одной благихъ цѣлей)¹.

¹ Одна сомнамбула настояла, находясь въ своемъ снѣ, на мучительной операціи удаленія у нея грудного рака, о чемъ не могла безъ ужаса слышать и на что ни за что не соглашалась, находясь въ бодрственномъ состояніи; послѣ операціи она совершенно выздоровѣла.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ МИНКОВСКОГО И АКСЕНОВА В ЖУРНАЛЕ «НИВА»

*Из статьи Г. А. Гуревича «О принципе относительности»
(Журнал «Нива» № 44 за 1911 г.).*

Въ настоящее время наука находится въ весьма интересномъ состояніи. Не говоря уже о тѣхъ поразительныхъ и неожиданныхъ открытіяхъ, которыя были сдѣланы на нашихъ глазахъ, и которыя заставили приступить къ переоцѣнкѣ цѣнностей въ воззрѣніяхъ на природу матеріи и на законы движенія, мы присутствуемъ при очень любопытномъ моментѣ. Именно, въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ мы являемся свидѣтелями возникновенія новаго грандіознаго принципа, настолько универсальнаго, что если онъ окончательно окрѣпнетъ, — а къ этому онъ имѣетъ значительные шансы, — то его на іерархической лѣстницѣ основныхъ началъ можно будетъ поставить рядомъ съ принципомъ сохраненія энергіи. Я имѣю въ виду новый *основной законъ* природы: *принципъ относительности*, перестраивающій всю современную механику, эту основу нашего физическаго міровоззрѣнія.

.....

Наибольшая роль въ установленіи принципа относительности принадлежитъ тремъ лицамъ: *Гендрику-Антону Лоренцу*, подготовившему въ 1895 г. почву для новаго принципа своими работами по электрооптикѣ; профессору физики въ Базелѣ *Альберту Эйнштейну*, въ 1905 г. впервые высказавшему принципъ во всей его общности, и наконецъ скончавшемуся въ 1909 г. молодому гениальному математику *Герману Минковскому*, который привелъ принципъ относительности

со всѣми его послѣдствиями въ стройную математическую систему. Нелишне также упомянуть профессора *Макса Планка*, своими работами о лучистой энергіи старающагося подтвердить принципъ относительности.

.....

... как показали Минковский, доступный нашимъ наблюдениямъ физическій міръ обладаетъ четырьмя совершенно равноцѣнными измѣреніями. Три изъ нихъ мы называемъ пространствомъ, четвертое — временемъ, при чемъ измѣреніе времени совершенно равнозначно съ тремя измѣреніями пространства; соединенныя вмѣстѣ они образуютъ міръ четырехъ измѣреній. Мы позволимъ себѣ здѣсь указать на одинъ фантастическій рассказъ Уэльса: въ основѣ его «Машины времени» заключается сходная идея.

Из предисловія М. С. Аксенова къ книгѣ «Опытъ метагеометрической философіи».

Думаю, что не будетъ лишено интереса для читателей журнала «Нива», да и для не читателей его слѣдующее.

Въ 44 номерѣ «Нивы» за прошлый годъ появилась статья Г. А. Гуревича «О принципе относительности». В ней было сказано, что мысль о томъ, что «время есть четвертое измѣреніе», была впервые высказана нѣмецкимъ ученымъ Эйнштейномъ въ 1904¹ году, а затѣмъ, координированная съ другими идеями въ стройное цѣлое, провозглашена на съѣздѣ естествоиспытателей въ Кёльнѣ въ 1908 году иностраннымъ же ученымъ Минковскимъ.

¹ 1904 г. — некоторое недоразумѣние: в статьѣ Гуревича нигде не указан 1904 г., но 1905. Кроме того, в статьѣ Эйнштейна 1905 г. с изложением специальной теории относительности еще не высказывалась подобная идея. Однако и в других своих книгах Аксенов ссылается именно на 1904 г. — видимо, по ошибкѣ. (Прим. С. Ж.)

Такъ какъ эта мысль была высказана и развита мною еще въ 1896 году в брошюрѣ «Трансцендентально-кинетическая теорія времени», то я заявилъ объ этомъ автору сказанной статьи и послалъ ему сказанную брошюру. Послѣ этого появилась въ августовской книжкѣ Приложенія къ этому же журналу статья того же автора «Новое ученіе о пространствѣ и времени».

Из статьи Г. А. Гуревича «Новое учение о пространстве и времени» (Литерат. и попул.-научн. прилож. «Нивы», август 1912 г.).

Теперь я нахожу умѣстнымъ обратить вниманіе читателя на тотъ, не лишенный интереса, фактъ, что еще задолго до Минковского идеи, схожія съ только-что изложенными, были уже высказаны нашимъ соотечественникомъ М. Аксеновымъ. Послѣдній, исходя изъ Кантовскаго ученія о времени, еще въ 1896 году старался развить и обосновать мысль, что такъ называемая, на языкѣ ученія Канта, «линія времени есть четвертое измѣреніе»; время же, по теоріи Аксенова, есть движеніе, но движеніе не тѣла нашего, но самого, недоступнаго нашему воспріятію, для насъ, выражаясь философски, трансцендентальнаго, воспринимающаго въ насъ, начала, и движеніе не въ нашемъ, но, опять-таки, въ недоступномъ нашему воспріятію, для насъ трансцендентальномъ, четырехмѣрномъ пространствѣ, иначе говоря, что «время есть движеніе насквозь трансцендентальное», нашему воспріятію совершенно недоступное. Для существа четырехмѣрнаго, согласно этому воззрѣнію, линіей его времени было бы пятое измѣреніе, для существа пятимѣрнаго — шестое измѣреніе и т. д. Вообще говоря, это воззрѣніе проповѣдуетъ діаметрально противоположный старому представленію взглядъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ опрокидываетъ вверхъ дномъ все зданіе нашего знанія.

Не имѣя возможности вслѣдствіе спеціальности вопроса и недостатка мѣста подробнѣе изложить воззрѣнія Аксенова на время, не могу не замѣтить, что хотя и Минковскій и

Аксеновъ приходятъ къ заключенію, что время есть четвертое измѣреніе, но между этими двумя новыми идеями все-таки есть нѣкоторыя, довольно даже значительныя, различія въ виду того, что каждый изъ нихъ совершенно независимо стремился къ цѣли своимъ особымъ путемъ. Минковский, какъ видно изъ вышеизложеннаго, развилъ и обосновалъ свое поразительно стройное воззрѣніе на почвѣ новѣйшихъ физическихъ данныхъ, исходя изъ принципа относительности, Аксеновъ же высказалъ свои идеи, исходя изъ философскихъ соображеній, основываясь на Кантовскомъ ученіи о времени, при чемъ ему прекрасно во многихъ отношеніяхъ удалось продолжить и развить это ученіе. Говорить о вліяніи на Минковского взглядовъ русскаго мыслителя, по-моему, не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ эти взгляды остались почти совершенно неизвѣстными въ виду того, что, съ одной стороны, ихъ въ должной степени не оцѣнили, съ другой же они не были приложены къ физикѣ. Очень жалко, что и въ настоящее еще время физики и математики почти ничего не знаютъ о воззрѣніяхъ Аксенова на время.

Из предисловія М. С. Аксенова к книге «Опыт метаметрической философии» (продолжение вышеприведенной цитаты).

Въ ней (в статьѣ Гуревича. — прим. ред.) говорится, что «еще задолго до Минковского идеи, *схожія* съ только что изложенными, были уже высказаны нашимъ соотечественникомъ М. Аксеновымъ», исправляется такимъ образомъ, хотя и неполнѣ (неполнѣ потому, что употребляется слово *схожія* вмѣсто слова *тождественныя*), погрѣшность, въ которую невольно (по незнанію о существованіи сказанной моей брошюры) впалъ авторъ въ первой статьѣ, и восстанавливается, хотя, повторяю, неполнѣ по сказанной причинѣ, истина. Но говоря далѣе, что «Аксеновъ... высказалъ свои идеи, основываясь на Кантовскомъ ученіи о времени, причемъ ему пре-

красно во многихъ отношеніяхъ удалось *продолжить и развить* это ученіе», авторъ впадаетъ въ новую погрѣшность.

Вѣдь всякъ, кто незнакомъ ни с Кантомъ, ни съ моимъ ученіемъ о времени, прочитавъ вышеприведенныя слова, придетъ къ заключенію, что у Канта содержится зерно этого моего ученія, что въ сказанной моей брошюрѣ нѣтъ ничего истинно новаго, истинно оригинальнаго, а слѣдовательно, что вообще новое ученіе о времени лишено новизны и оригинальности; но такое заключеніе будетъ грубымъ заблужденіемъ.

Вѣдь основная идея моего ученія о времени заключается въ томъ, что четвертое измѣреніе служитъ путемъ временнѣго движенія; на почвѣ ея возникли, въ силу требованій строжайшей логики, всѣ остальные идеи этого моего ученія. Но у Канта во всемъ его ученіи вообще и въ его ученіи о времени въ частности не содержится даже самаго слабаго, самаго отдаленнаго намека на эту мою идею. Нельзя у него нигдѣ найти хотя бы слабаго намека и на остальные идеи мои о времени. Гдѣ, напримѣръ, можно найти у него хотя бы одно слово, хотя бы отдаленный намекъ на оригинальнѣйшую мою идею (ея не высказалъ еще никто и по сию пору) о призрачности движенія (эмпирическаго)? Такъ на какомъ же основаніи авторъ сказанной статьи утверждаетъ, что мое ученіе о времени представляетъ всего-на-всего продолженіе и развитіе Кантовскаго о немъ ученія?

Не могу я согласиться и съ утвержденіемъ того же автора, что содержащіяся въ сказанной моей брошюрѣ идеи *схожи* (только схожи) съ излагаемыми имъ въ той же статьѣ идеями представителей современной физики и математики (въ частности Минковского), — не могу, съ одной стороны, потому, что я въ сказанной брошюрѣ ни однимъ словомъ не обмолвливаюсь насчетъ какой-либо изъ этихъ идей за исключеніемъ идеи о времени, а с другой, потому, что ихъ идея о времени *тождественна*, а не *схожа* только съ моею о немъ идеею; разница состоитъ лишь въ формулированіи ея ими и мною: у меня, въ моей брошюрѣ, четвертое измѣреніе есть «линія времени»¹, самое же время есть движеніе по этому измѣренію восприни-

¹ Выражаясь языкомъ Канта.

мающаго въ насъ начала, у нихъ же четвертымъ измѣреніемъ оказывается самое время; но неудачность такого выраженія самоочевидна: вѣдь въ представленіе времени входитъ, какъ его элементъ, какъ интегральная его часть, представленіе движенія, въ представленіи же четвертаго измѣренія такового представленія не обрѣтается.

Къ сказанному считаю нелишнимъ прибавить, что для меня странно звучать слова того же автора, что *«говорить о вліяніи на Минковского взглядовъ русскаго мыслителя (разумѣюсь я), по-моему, не имѣетъ никакого смысла*, такъ какъ эти взгляды остались *почти совершенно неизвѣстными*, въ виду того, что, съ одной стороны, ихъ въ должной степени не оцѣнили, съ другой же, они *не были приложены къ физикѣ*». Хотя я, заодно съ авторомъ этихъ строкъ, думаю, что вліяніе моихъ взглядовъ на Минковского мѣста не имѣло, тѣмъ не менѣе сказать, что даже говорить о немъ, этомъ вліяніи, не имѣетъ смысла, на это достаточныхъ основаній я не усматриваю. Почему это не имѣетъ смысла? Что мои взгляды остались *почти* неизвѣстными, это еще не значитъ, что они остались *совсѣмъ* неизвѣстными (разъ напечатана была книга, она могла попасть въ руки всѣхъ и cadaго, а слѣдовательно и Минковского, и быть имъ, какъ уроженцемъ Россіи и жившимъ въ ней въ ранней молодости, прочитана).

ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ДО АКСЕНОВА

ФРАГМЕНТ

ИЗ «ТЕОРИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ»
ЖОЗЕФА ЛУИ ЛАГРАНЖА (1797 г.)

Мы применим теорию функций к механике. Здесь функции прежде всего соотносятся со временем, которое мы по-прежнему будем обозначать буквой t , и, поскольку положение точки в пространстве определяется тремя взаимно перпендикулярными координатами x , y , z , эти координаты в задачах по механике будут считаться функциями t . Таким образом, можно рассматривать механику как четырехмерную геометрию, а механический анализ как продолжение геометрического анализа.

S., ЧЕТЫРЕХМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО (1885 г.)

Что такое четвертое измерение? Возможно, вопрос допускает бесконечное количество ответов. Поэтому, предлагая использовать время как четвертое измерение нашего существования, я предпочитаю говорить о нем, как о некоем четвертом измерении, а не как об именно четвертом измерении. Так как это четвертое измерение нельзя включить в пространство в его обычном понимании, то для него требуется пространство другого рода, которое мы назовем временем-пространством. В этом новом пространстве нетрудно строить аналогии таких объектов обычного пространства, как линии, поверхности и тела. Движение прямой линии в любом направлении, кроме как по ней самой, порождает поверхность; движение поверхности в любом направлении, но не по ней самой, порождает тело. Но если тело движется в любом направлении, оно порождает опять-таки тело, и более ничего. Причина сего заключается в том, что мы не предполагаем, что оно будет двигаться в четвертом измерении. Если

прямая будет двигаться по себе самой, она породит только прямую, если поверхность будет двигаться по себе самой, породит только поверхность. Движение в измерениях, соответствующих измерениям движущегося объекта, в любом случае дает объект тех же измерений. Чтобы получить объект большего числа измерений, движение должно происходить в другом измерении. Но так как идея движения применима лишь к пространству трех измерений, необходимо заменить ее на другую, применимую к нашему четвертому измерению — времени. Такая идея — это последовательные существования. Допустим, что в каждый следующий момент времени мы имеем новое трехмерное пространство. Далее, воображая всю совокупность, сформированную последовательными положениями данного тела во времени-пространстве за данное время, мы приходим к идее четырехмерного тела, которое можно назвать интегральным телом (*sur-solid*). К более ясному пониманию этой идеи можно прийти, если представить себе тело, находящееся в постоянном изменении, как в положении, так и в размерах, и хороший пример тела, удовлетворяющего этим условиям, это тело каждого из нас. Если вообразить совокупность всех собственных телесных форм от рождения до настоящего момента, то можно понять идею интегрального тела во времени-пространстве.

Рассмотрим теперь интегральное тело, образованное движением или, лучше сказать, последовательным существованием куба во времени-пространстве. Мы рассматриваем куб и всё трехмерное пространство, которое он занимает, как движущиеся в измерении времени-пространства заданное время. В таком случае куб будет иметь исходное и конечное положение, каковы являются границами интегрального тела. Следовательно, имеется шестнадцать точек — восемь, относящихся к исходному положению куба, и восемь — к конечному. Последовательные положения (во времени-пространстве) каждой из восьми точек куба формируют то, что можно назвать временной линией. Добавляя к ним двадцать четыре ребра исходного и конечного куба, мы видим, что интегральное тело имеет тридцать две линии. Последовательные положения (во времени-пространстве) каждого из двенадцати ребер куба формируют то, что можно

назвать временной поверхностью. Добавляя их к двенадцати граням исходного и конечного куба, мы видим, что интегральное тело имеет двадцать четыре поверхности. И наконец, последовательные положения (во времени-пространстве) каждой из шести граней куба формируют то, что можно назвать временным телом. Добавляя их к исходному и конечному кубу, мы видим, что интегральное тело ограничено восемью телами. Эти результаты согласуются с выводами вашей статьи¹. Однако неправильно говорить об интегральном теле, как о покоем в «пространстве», лучше говорить, что его сечения в каждый момент времени являются кубом, покоящимся (или движущимся) в «пространстве».

S., Four-Dimensional Space

Nature, Volume 31, Issue 804, pp. 481 (March 16, 1885).

ФРАГМЕНТ РАССКАЗА ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА
«МАШИНА ВРЕМЕНИ» (1895 г.)

— Внимательно следите за ходом моих рассуждений, ибо я собираюсь опровергнуть некоторые устоявшиеся представления. Например, геометрия, которой нас учат в школах, основана на ошибочных положениях.

— Стоит ли начинать со столь сложной темы? — поинтересовался рыжеволосый Филби, любитель дискуссий.

— Я вовсе не собираюсь просить вас принимать что-либо без убедительных аргументов, но вам скоро придется признать мою правоту. Вы, разумеется, понимаете, что математическая прямая, линия нулевой толщины в действительности не существует. Так вас учили? Не существует и плоскость. Эти понятия — просто абстракции.

— Да, — согласился Психолог.

— Также и куб, у которого есть только длина, ширина и высота, не существует.

¹ Заметка S. — ответ на статью Чарлза Хинтона 1880 года «Что такое четвертое измерение?». (Прим. С. Ж.)

— Тут я решительно против, — вмешался Филби, — твердое тело может существовать, все реальные вещи...

— Так думает большинство, но погодите немного. Может ли куб существовать *одно лишь мгновение*?

— То есть? — задумался Филби.

— Может ли существовать куб, который не «длится» какое-то время?

Филби пытался сообразить.

— Совершенно ясно, — продолжил Скиталец по времени, — что всякое тело простирается в *четырёх* измерениях, то есть имеет длину, ширину, высоту, а также какую-то длительность. Однако по немощи нашей как плотских существ, что вскорости я разъясню, мы упускаем из виду сей факт. На самом деле существуют четыре измерения, три из которых мы называем пространством, а четвертое — временем. При этом очевидна тенденция провести между первыми тремя измерениями и четвертым в действительности не существующую границу. Эта тенденция объясняется тем обстоятельством, что наше сознание в течение всей нашей жизни, быстрее или медленнее, но постоянно движется по направлению этого четвертого измерения.

— Это... — сказал совсем молодой человек, не оставляя напрасных усилий прикурить потухшую сигару от лампы, — ... это, в сущности, очень понятно.

— Весьма интересно, что этого до сих пор никто не подметил, — Скиталец по времени вдруг оживился. — Но это и есть четвертое измерение, хотя многие, рассуждающие о четвертом измерении, даже не понимают, что сами имеют в виду тот же смысл. Это просто другой взгляд на время. *Нет никакого различия между временем и любой пространственной координатой, за исключением того, что наше сознание движется по нему.* Однако находятся всякого рода глупцы, которые упорствуют в своих заблуждениях относительно этой идеи. Вы, разумеется, слышали, что говорят о четвертом измерении?

— Я не слышал, — сказал Местный мэп.

— А вот что. Пространство полагается в математике имеющим три измерения, которые можно назвать длиной, шириной и высотой, и всегда определяется при помощи трех соответ-

ствующих координат, друг другу ортогональных. Но некоторые люди философического склада ума задаются вопросом, а почему именно три измерения — почему не добавить четвертое, ортогональное к остальным? Известны даже попытки построить четырехмерную геометрию. Приблизительно месяц назад профессор Саймон Ньюкомб излагал подобные соображения в Нью-йоркском математическом обществе. Вы знаете, что на плоской поверхности, имеющей два измерения, можно изобразить трехмерный объект. По их идее при помощи трехмерных моделей аналогичным образом можно представить и четырехмерный объект, если, конечно, удастся построить правильные перспективы. Понимаете мысль?

— Кажется, да, — пробормотал Местный мэ́р и, нахмутив брови, ушел в себя, лишь его губы слегка шевелились, как у нащептывающего мистические слова.

— Кажется, понимаю, — провозгласил он через некоторое время со вдруг просиявшим лицом.

— Не скрою, в какой-то период и я занимался геометрией четырех измерений. И в результате пришел к весьма любопытным выводам. Взгляните, к примеру, на портреты одного и того же человека в возрасте восьми лет, потом пятнадцати, семнадцати, двадцати трех и так далее. Все это, по сути, отдельные срезы, трехмерные проекции его четырехмерного существа, целостного и неизменного.

— Люди науки, — продолжил Скиталец по времени, выдержав должную паузу для усвоения сказанного, — отлично знают, что время — лишь род пространства. Вот перед вами обыкновенная научная диаграмма — график погоды. Кривая, по которой я провожу пальцем, отражает показания барометра. Вчера давление было высокое, к вечеру опустилось, сегодня утром снова начало подниматься и плавно достигло вот этой точки. Очевидно, что ртуть не прочертила этой кривой своих колебаний ни в одном из ныне признанных измерений пространства. Но тем не менее она прочертила такую кривую, и эта кривая, легко заключить, располагается в измерении времени.

— Но, — сказал Доктор, пристально глядя на тлеющий уголь в камине, — если время и в самом деле только четвертое измере-

ние пространства, почему же оно всегда считается и считалось чем-то иным? И почему мы не можем перемещаться по времени так же, как перемещаемся по любому направлению пространства?

— А вы уверены, что мы можем свободно перемещаться в пространстве? — Скиталец по времени улыбнулся. — Мы можем повернуть направо или налево, несложно пойти вперед или назад — так делают все и всегда: я признаю, что в двух измерениях мы в состоянии перемещаться свободно. Ну, а, допустим, вверх или вниз? Нам не позволит сие гравитация.

— Нет, не совсем, — возразил Доктор, — на то есть воздушные шары.

— Однако до их изобретения человек не имел никакой свободы в перемещении по вертикали, разве что резко подпрыгнуть или подняться на холм.

— И все же было возможно, пусть и немного, подняться вверх или спуститься вниз, — не уступал Доктор.

— И много легче, конечно же, вниз.

— Однако во времени совсем нельзя перемещаться, из настоящего мига выхода нет.

— Тут, уважаемый сэр, вы как раз ошибаетесь. Как, между прочим, ошибается и весь остальной мир. Мы всегда ускользаем из настоящего. Наше духовное существо, нематериальное и не имеющее никаких измерений, движется во временном направлении с заданной скоростью от колыбели до смерти. Точно так же, как нам пришлось бы пропутешествовать *вниз*, появившись мы на свет в пятидесяти милях над поверхностью земли.

— Но основная проблема, — вмешался Психолог, — заключается в том, что вы все-таки *можете* двигаться в любом направлении пространства, однако во времени — нет.

— В этом-то и состоит мое величайшее открытие. Но вы не правы в своем убеждении, что невозможно перемещаться во времени. Если, допустим, я вспоминаю какое-то событие, причем в ярких красках, то возвращаюсь в тот самый момент, когда оно действительно происходило: «он в мыслях не здесь», про таких говорят. Я прыгаю в прошлое, пусть на мгновение. Конечно, мы не в состоянии там задержаться надолго, точно также, как

не в состоянии зверь или абориген задержаться в шести футах над землей. Но в этом отношении цивилизованный человек продвинулся дальше аборигена: он может преодолеть силу тяжести с помощью воздушного шара. Так почему же нам не надеяться, что некогда найдется способ остановить или ускорить наш дрейф по временному измерению, а то и направиться в другую сторону?

СПИСОК ТРУДОВ М. С. АКСЕНОВА

СОЧИНЕНИЯ

М. Аксеновъ. Трансцендентально-кинетическая теорія времени. Харьковъ, Паровая Типографія и Литографія Зильбербергъ (Рыбная, 30), 1896.

М. Аксеновъ. Жизнь и смерть по Дюпрелю. Москва, 1909.

М. Аксеновъ. Опытъ метагеометрической философіи. Москва, Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д., 1912.

М. Аксеновъ. Нѣтъ времени: Популярное изложеніе основныхъ началъ метагеометрической философіи. Москва, Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д., 1913.

М. Аксеновъ. Нѣтъ Смерти: Новое ученіе о времени. Изяславль, Типографія З. А. Трахтенберга, 1918.

ПЕРЕВОДЫ

Д-ръ Карль дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Переводъ съ нѣмецкаго *М. С. Аксенова*. С.-Петербургъ, Изданіе А. Н. Аксакова, 1896. (Изданіе второе — Кіевъ, 1911).

Д-ръ Карль Дюпрель. Монистическое ученіе о душѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Аксенова*. Москва, 1902.

Д-ръ Карль Дюпрель. Спиритизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Аксенова*. Москва, 1904.

Д-ръ Карль Дюпрель. Загадочность человѣческаго существа: Введеніе въ изученіе оккультическихъ наукъ. Переводъ съ нѣмецкаго *М. С. Аксенова*. Изданіе второе, Москва, Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д., 1904.

ОБЛОЖКА И ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ КНИГИ

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

(Издания 1896 года)

НЕ — УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

ЭТЮДЪ I.

О ВРЕМЕНИ.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ

ТЕОРІЯ ВРЕМЕНИ.

М. Аксенова.

ХАРЬКОВЪ.

Наровая Типографія и Литографія Зильбербергъ (Рыбная, 30).

1896.

Дозволено цензурою. Харьков. 7 мая 1896 года.

даже, собственно говоря, не трезутъ его, а больше разсуждаютъ о томъ, какъ его грызть, сразу ли весь или одну изъ его половинокъ и какую именно впередъ, а орѣхъ остается все цѣлымъ. Слѣдуетъ думать, что благодаря десятилѣтнимъ успѣхамъ монизма, результатомъ которыхъ служить предлагаемая мною теорія, одинъ изъ орѣховъ, образующихъ преподнесенный Кантомъ орѣхъ, если и не раскололся, то надтреснулъ.

Начну съ вопроса, находящагося въ неразрывной, органической связи съ вопросомъ о времени, съ вопроса объ *измѣненіи*. и попрошу читателя стать на слѣдующую точку зрѣнія.

Всѣ объекты нашего воспріятія простираются и въ четвертое измѣреніе, такъ что трехмѣрные для насъ объекты на самомъ дѣлѣ четыремѣрные, *трансцендентально-эстетическія же точки*, звукъ, нѣтъ одно измѣреніе, четвертое ¹⁾. Всѣ объекты четыремѣрного пространства пребываютъ въ абсолютномъ покоѣ, воспринимающее же въ насъ начало ²⁾ непрестанно совершаетъ несознаваемое нами движеніе въ направленіи четвертаго измѣренія, по нормали къ нашему, трехмѣрному, пространству. — Такъ какъ, во-первыхъ, мы — существа трехмѣрные, а значить, существа, не способныя воспринимать объекты пространства четырехмѣрнаго, возвратиться же вспять по пути всхлещкаго нашего движенія въ этомъ пространствѣ мы не можемъ, а во-вторыхъ, это наше движеніе нами не сознается, то, во-первыхъ, мы принимаемъ воспринимаемая нами перпендикулярныя направленію четвертаго измѣренія трехмѣрныя сѣченія четыремѣрнопространственныхъ объектовъ за *нѣмѣ* объекты, а во-вторыхъ, намъ кажется, что движется гдѣ-то (гдѣ мы не можемъ опредѣлить,

¹⁾ Хотя трансцендентально-эстетическія особенности звука и въ-вторыхъ другихъ объектовъ нашего воспріятія намекаютъ намъ на существованіе въ четыремѣрномъ пространствѣ (какъ цѣлыхъ объектовъ, а не какъ предѣловъ объектовъ четыремѣрныхъ объектовъ, нѣющихъ только четвертое измѣреніе, четвертое измѣреніе + одно изъ двухъ измѣреній нашего пространства, однако при употребленіи въ послѣдующемъ изложеніи нашего выраженія „четыремѣрнопространственные объекты“ мы будемъ имѣть въ виду почти исключительно объекты четыремѣрные.

²⁾ Нѣтъ надобности намъ пока въ изслѣзованіи его природы и въ точнѣйшемъ словесномъ его выраженіи.

вслѣдствіе сокровенности для насъ четырехѣрного пространства; знаемъ только, что не въ нашемъ пространствѣ) не то, что воспринимается въ насъ, а все, нами воспринимаемое, включая сюда и собственное наше тѣло.

Чѣмъ же окажется съ этой точки зрѣнія измѣненіе? А вотъ чѣмъ. Если четырехѣрнопространственный объектъ тождественъ въ направленіи четвертаго измѣренія, будутъ тождественны и всѣ его перпендикулярныя этому направленію трехѣрныя сѣченія, и намъ будетъ казаться, что представляющій одно изъ таковыхъ сѣченій воспринимаемый нами соотвѣтственный объектъ пребываетъ неизмѣннымъ: если же вышепоименованный объектъ въ направленіи четвертаго измѣренія нетождественъ, будутъ нетождественны и всѣ вышепоименованныя его сѣченія, и намъ будетъ казаться, что представляющій одно изъ таковыхъ сѣченій воспринимаемый нами соотвѣтственный объектъ измѣняется. Это относится какъ къ измѣненію качественному, такъ и къ измѣненію количественному. Если вышепоименованныя сѣченія четырехѣрнопространственного объекта тождественны по величинѣ, намъ будетъ казаться, что представляющій одно изъ нихъ воспринимаемый нами соотвѣтственный объектъ не измѣняется въ своей величинѣ, въ противномъ случаѣ намъ будетъ казаться, что онъ увеличивается или уменьшается.¹⁾

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что измѣняются и уничтожаются не объекты дѣйствительные, объекты четырехѣрнаго пространства,²⁾ а объекты нашего воспріятія, проекціи, „тѣни“³⁾ объектовъ дѣйствительныхъ, и измѣняются и уничтожаются только для насъ, словомъ, что явленіе измѣненія и уничтоженія есть иллюзія, порожаемая трехѣрностью нашей природы и непрестан-

¹⁾ Все сказанное нами относительно измѣненія справедливо безъ всякихъ ограниченій только въ случаѣ пребыванія объекта нашего воспріятія въ состояніи неподвижности. О причинѣ этого будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Въ своей книгѣ «Des étendue et de la vérité», надѣлавшей много шуму въ концѣ прошлаго столѣтія, а теперь забытой, С. Мартинъ говоритъ: „Міръ намъ подверженъ разрушенію, потому что онъ востроенъ о трехъ измѣреніяхъ: если бы онъ былъ востроенъ о четырехъ измѣреніяхъ, онъ былъ бы вѣченъ“.

³⁾ См. Эпиграфъ.

нимъ движеніемъ воспринимающаго въ насъ начала въ недоступномъ нашему воспріятію четырехѣрномъ пространствѣ. Вызываемая необходимостью приписанія факта объективнаго свойства четырехѣрнопространственныхъ объектовъ, нетождественности ихъ въ направленіи четвертаго измѣренія, съ фактомъ субъективной особенности нашего духа, *наложенія* воспринимаемыхъ нами сѣченій этихъ объектовъ другъ на друга, *наложенія*, обусловливаемого трехѣрностью нашей природы, неуничтожимость фиктивной матеріи должна уступить мѣсто неуничтожимости реальныхъ четырехѣрнопространственныхъ объектовъ; отдѣленіе реально нераздѣльных формъ и содержанія воспринимаемыхъ нами объектовъ должно быть признано вызываемымъ тою же необходимостью, но не имѣющимъ соотвѣтствія въ реальномъ мірѣ актомъ дѣятельности нашего духа, и возведеніе легшаго краеугольнымъ камнемъ въ основу современнаго естествознанія ученія о неуничтожимости матеріи должно быть признано не „приближеніемъ нашимъ къ объективному горизонту явленій“, а чисто субъективнымъ актомъ нашего духа, выходомъ изъ необходимости (*modus vivendi*).

Итакъ, мы воспринимаемъ не *цѣлыя* объекты, не объекты, какими они существуютъ „въ себѣ“, но объекты, нами созданные, отсѣваемые нашимъ духомъ отъ реальныхъ объектовъ *части* и уже въ силу одного этого слова Апостола Павла, что „человѣческое знаніе есть знаніе частичное“, имѣютъ глубокое значеніе. Такимъ, *дѣлающимъ* насъ до нѣкоторой степени существами метафизическими, воспріятіемъ нами *по частямъ* объектовъ, не доступныхъ нашему воспріятію *во всей ихъ цѣлости*, для насъ трансцендентальныхъ, мы обязаны движенію воспринимающаго въ насъ начала въ трансцендентальномъ для насъ четырехѣрномъ пространствѣ. Это движеніе не сознается нами потому, что имъ обусловлено движеніе всего, нами воспринимаемаго, и если бы объекты четырехѣрнаго пространства были тождественны въ направленіи четвертаго измѣренія, мы не только не сознавали бы, какъ не сознаемъ и теперь, движенія воспринимающаго въ насъ начала, но у насъ не могло бы явиться и самаго представленія *линии времени*.

ABOUT THIS BOOK

The concept of four-dimensional space-time was laid out in detail *for the very first time* in 1896 by Mitrofan Semionovich Aksionov in his little-known book entitled “Transcendental-Kinetic Theory of Time.” In this book the laws and principles of the fourth dimension were thoroughly explored and, most importantly, related not to theoretical but to the real world. The past and the future are not non-being but appertain to being: the universe stretches out not only in space but in time as well. To give an example of the laws Aksionov deducted from his theory: all bodies moving in relation to the observer undergo changes in their density and geometrical parameters (correlations established by Aksionov differ from the well-known formula that Lorentz presented in 1904). The most important basis of Aksionov’s concept is the perceiving principle (essence), which is in us, and which is moving along the time line, orthogonal to space. According to Aksionov, in space-time such fundamental notions as movement, change, cause and effect, inception and destruction, nascence and death, and even three-dimensional space itself become phantasmic; or else they are perceived under a totally new angle: thus, for instance, free will is apprehended as transcendental foresight.

The same concept, only this time projected onto the plane of modern science — and, because of that, significantly simplified — was proposed in 1908 by Hermann Minkowski as a model of the physical universe; later, it was used by Albert Einstein for his formulation of the general theory of relativity. Now this model is known as the “Minkowski space-time.”

The most important insights of M. S. Aksionov are collected in the present publication. They are unique not only for his time but, in many essential aspects, for the present as well. There is no doubt that they will be interesting to a wide audience of readers: mathematicians, physicists, philosophers, artists, and poets and, even more importantly, all those for whom being in this world is *a question*.

EXCERPTS FROM AKSIONOV'S WRITINGS

All objects of our perception stretch out into the fourth dimension, so that the objects perceived by us as three-dimensional are in fact four-dimensional... All objects of the four-dimensional space stay absolutely quiescent, whereas our perceptive principle is on constant move (which is unbeknownst by us, and constitutes a normal to our three-dimensional space) in the direction of the fourth dimension. — So, firstly, we are three-dimensional beings, not able to perceive objects of the four-dimensional space — and we cannot go back against the flow of our psychic movement in this space, — and, secondly, this movement is out of reach of our cognition. Therefore, three-dimensional cross-sections of four-dimensional objects, which we can perceive and which are perpendicular to the direction of the fourth dimension, are comprehended as *whole* objects. Another inference is: it seems to us that not our perceptive principle, but everything we perceive (including our own body) is moving in some space — we can not define where, since the fourth dimension is closed to us, we only know the movement is happening, beyond our space.

If we use the term “cross-section”, we have to formulate the geometrical relation between our three-dimensional space, the four-dimensional space, the fourth dimension, and our perceptive principle in the following way: our three-dimensional space is a cross-section — “performed” by our perceptive principle— of the four-dimensional space; the fourth dimension is a normal to this cross-section. Thus, the four-dimensional space and our perceptive principle are the determining values, whereas our three-dimensional space and the fourth dimension are the values being determined. In other words, out of the four *termini determinationis* the two first are *termini determinantes* and the last two are *termini determinandi*.

Since we postulate movement as the basis, we must at least try to answer the following questions: a). What exactly is it in

us that moves in time? b). In what kind of medium does this movement occur? c). How can we trace this movement geometrically? d). Where is it directed? e). What is its velocity, both in quantitative and qualitative respects?

It follows from the above that the transition of the object of our perception from the state of quiescence to movement must involve its *distention* or *expansion*, as well as attenuation (and, accordingly, a decrease in the brightness of color), and changes in its geometrical shape.

Hence, our movement in time is of inconstant velocity, which is in direct proportion to the velocity of the movement of our empirical body.

Strictly speaking, although the notion of the *normal* position of the past and the future in the transcendental space, or the notion of the *transcendental ahead* and *behind* is quite idealistic, nevertheless it is [...] more exact and defined than the notion of the *empirical above* and *below*.

First of all, let us note that from the meta-geometric point of view, the law of nature hints at the structure of the four-dimensional world, along the direction of our movement in time. Whereas the cause-effect link, as we know, is an illusion resulting, as any other illusion, from two factors — a subjective one (our movement in time) and the objective one (the structure of the four-dimensional space along the same vector).

М. С. Аксеновъ
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

Издатель Алексей Кошелев

Зав. редакцией Мария Тимофеева

Корректор Галина Эрли

Художественное оформление обложки
Наталия Прокуратова

Подписано в печать 20.03.2011. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 13. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Phone: **+7 495 959-52-60** E-mail: **lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>**, **<http://www.lrc-lib.ru>**

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 8 (499) 246-05-48,
e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1 (Метро «Парк культуры»)